

Николай Васильевич Гоголь

**Статьи "О Современнике" и
др.
(Другие редакции)**

Содержание

О СОВРЕМЕННОМ (ПИСЬМО К П. А. ПЛЕТНЕВУ)	0004
<АВТОРСКАЯ ИСПОВЕДЬ.>	0026
УЧЕБНАЯ КНИГА СЛОВЕСНОСТИ ДЛЯ РУССКОГО ЮНОШЕСТВА НАЧЕРТАНИЕ Н. ГОГОЛЯ	0103
ПРОСПЕКТ	0103
<ПРИМЕРЫ.>	0136
ВАРИАНТЫ СТАТЕЙ О “СОВРЕМЕННОМ” И ДР	0163
О СОВРЕМЕННОМ (Первоначальные варианты рукописи)	0163
<АВТОРСКАЯ ИСПОВЕДЬ.> (Первоначальные варианты рукописи)	0193
УЧЕБНАЯ КНИГА СЛОВЕСНОСТИ... (Первоначальные варианты рукописи)	0294
О СОСЛОВИЯХ В ГОСУДАРСТВЕ	0368

Николай Васильевич Гоголь

СТАТЬИ

О СОВРЕМЕННОМ (ПИСЬМО К П. А. ПЛЕТНЕВУ)

Наконец поговорю с тобой о Современнике. Современник вышел плохим журналом, несмотря на прекрасную цель, которую ты имел в виду. Даже эта самая прекрасная цель, во имя которой ты предпринял его, не обнаружилась никому очевидно и ясно из самого журнала; напротив, всяк спрашивал в недоумении друг у друга: “Объясните мне, зачем и для чего издает Плетнев свой журнал? что хочет он сказать им? что значат эти общие места в его программе, эти повторения о беспристрастии, о бескорыстной любви к искусству, о стремлении к истине и т. п., которые обещает всякой журналист и которых не исполняет никто?” Тощее содержание его тоненьких книжек, не живой, безучастный, вялый и неопределенный слог его суждений обо всем современном задавал только загадку решать: зачем он назван Современником. Будем говорить откровенно. У тебя нет качеств журналиста: ни юношеского живого участия ко

всем волнениям современным, ни того трепета любопытства к вопросам, раздающимся в массе общества, ни наконец энциклопедического науколюбивого стремления обнимать с равной охотой всё, что ни относится к развитию познаний человеческих во всех родах. Твоя антологическая душа получила только на долю себе один возвышенный дар — услаждаться благоуханьем прекрасных цветов поэзии и обонять аромат высших движений души человеческой. Не певцу Миниха и некоторых других прекрасных элегий, свидетельствующих о чистоте вкуса и скромной тишине души самого певца, выступать было на поприще полемическое. Современник даже и при Пушкине не был тем, чем должен быть журнал, несмотря на то, что Пушкин задал себе цель более положительную и близкую к исполнению. Он хотел сделать четвертное обозрение в роде английских, в котором могли бы помещаться статьи более обдуман- ные и полные, чем какие могут быть в еженедельниках и ежемесеичниках, где сотрудники, обязанные торопиться, не имеют даже времени пересмотреть то, что написали сами. Впро-

чем сильного желанья издавать этот журнал в нем не было, и он сам не ожидал от него большой пользы. Получивши разрешение на издание его, он уже хотел было отказаться. Грех лежит на моей душе: я умолил его. Я обещался быть верным сотрудником. В статьях моих он находил много того, что может сообщить журнальную живость изданию, какой он в себе не признавал. Он действительно в то время слишком высоко созрел для того, чтобы заключать в себе это юношеское чувство; моя же душа была тогда еще молода; я мог принимать живей к сердцу то, для чего он уже простыл. Моя настойчивая речь и обещанье действовать его убедили; но слова моего я бы не мог исполнить даже и тогда, если бы он был жив. Не знал я, какими путями поведет меня провиденье, как отнимутся у меня силы ко всякой живой производительности литературной и как умру я надолго для всего того, что шевелит современного человека. По смерти Пушкина, пораженный этой скорбной для всех утратой, а для тебя еще скорбнейшей, чем для всех, пораженный сиротством современного общества, очутивше-

гося без поэзии, как без света, осужденного выслушивать пустые и черствые пренья и споры об искусстве наместо дел самого искусства, пораженный этим сиротством, которое, впрочем, началось уже и при Пушкине, ты взялся горячо за издание журнала, стремясь насильно создать ту поэтическую Элладу, которая образовалась сама собой в начале поприща Пушкина. В пылу великодушного увлеченья своего ты даже позабыл то, что не мы управляем делами и событиями, но чертится свыше всему черед свой. Ты даже не заметил того, что имел такую цель, которой ни в каком случае нельзя было достигнуть листками периодического ежемесячного издания. Современник как журнал не удался бы даже и тогда, если бы ты заключал в себе все качества журналиста. Признаюсь, я даже не могу и представить себе, чем может быть нужно нынешнему времени появление нового журнала. Это энциклопедическое образование публики посредством журналов уже не так теперь потребно, как было прежде. Публика уже более приготовлена. Уже всё зовет ныне человека к занятиям более сосредото-

ченным, не только значительность современных вопросов, но даже самая пустота современного общества и легковесная ветреность дел его приглашают ныне человека взглянуть строго на самого себя, спросить с большей отчетливостью свои силы и определить себе труд не временный, минутный, но тот живительный и полный, который отвечает одним тем способностям, которыми своеобразно наделен из нас каждый уже от самого рождения своего. Никакой новый журнал не может дать теперь обществу пицци питательной и существенной. Современник должен отбросить от себя название журнала; он должен сжаться по-прежнему в книги наместо листов и более еще, чем при Пушкине, походить на альманах: он должен скорей напомнить собой Северные цветы барона Дельвига, с которым было у тебя так много сходства в уменья нас<ла>ждаться и — нежиться благоуханными звуками поэзии. Пусть лучше будет выходить он три раза всякой год в урочные времена: первый раз ко дню светлого воскресенья, как светлый подарок на праздник, во второй раз к 1-му октября, то есть ко времени, когда

все съезжаются у нас из дач и деревень в города, в третий раз — к новому году. Словом — пусть он будет современен тем эпохам, когда с большей жадностью встречается новая книга. Всё собственно журнальное в нем не должно иметь места: ни возвещенья о новостях ежедневных, ни политические известия, ни поименования всех выходящих книг, разве только один строгий отчет о замечательнейших из них за всю треть в таком виде, чтоб он сам собой мог уже составить замечательную литературную статью. Нужно, чтобы здесь ничто не поминало читателю о том, что есть какие-нибудь распри в литературе и существует журнальная полемика. Самые статьи должны быть допущены сосредоточенные, полные, которые ничем не походили бы на торопливые, отрывочные статьи журналов. Нужно, чтобы здесь были одни лучшие цветы современной нашей литературы. Этого можно достигнуть только таким изданием, которое будет выходить не более трех раз в год: в три месяца можно набрать книжку. Современное нам время, слава богу, не без талантов. Часть прозаическая альманаха может

быть теперь гораздо значительней и богаче, чем когда-либо прежде. Поименуем нарочно тех современных писателей, статьями которых может украситься Современник. Прежде всего следует назвать графа Соллогуба, который бесспорно есть нынешний наш лучший повествователь. Никто не щеголяет таким правильным, ловким и светским языком. Слог его точен и приличен во всех выражениях и оборотах. Остроты, наблюдательности, познаний всего того, чем занято наше высшее модное общество, у него много. Один только недостаток: не набралась еще собственная душа автора содержания более строгого и не доведен еще он своими внутренними событиями к тому, чтобы строже и отчетливей взглянуть вообще на жизнь. Но, если и это в нем совершится, он будет вполне верный живописец лучшего общества; значительность творений его выиграет больше чем сто на сто. Непосредственно за ним следует назвать другого писателя, который скрыл свое имя под выдуманым: козак Луганский. Он не поэт, не владеет искусством вымысла, не имеет даже стремленья производить творческие созда-

ния; он видит всюду дело и глядит на всякую вещь с ее дельной стороны. Ум твердый и дельный виден во всяком его слове, а наблюдательность и природная острота вооружают живостью его слово. Всё у него правда и взято так, как есть в природе. Ему стоит, не прибегая ни к завязке, ни к развязке, над которыми так ломает голову романист, взять любой случай, случившийся в русской земле, первое дело, которого производству он был свидетелем и очевидцем, чтобы вышла сама собой наизамательнейшая повесть. По мне он значительней всех повествователей-изобретателей. Может быть, я сужу здесь пристрастно, потому что писатель этот более других угодил личности моего собственного вкуса и своеобразью моих собственных требований: каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни; но зато всяк согласится со мной, что этот писатель полезен и нужен всем нам в нынешнее время. Его сочинения — живая и верная статистика России. Всё, что ни достанет он из своей многовещающей памяти и что ни расскажет достоверным

языком своим, будет драгоценным подарком, для твоего альманаха. Я не знаю, почему замолчал Н. Павлов, писатель, который первыми тремя повестями своими получил с первого раза право на почетное место между нашими прозаическими писателями и который повредил себе только тем, что, не захотевши быть самим собой, вздумал копировать (в трех новых повестях своих) тех модных нувеллистов, которые гораздо его ниже. Он мог бы всегда, не прибегая ни к напряженным вымыслам поэтическим, ни к мозаичным искусственным украшениям речи, так изуродовавшим благородный и ясный слог его, взять на выдержку первое психологическое явление нашего общества и рассказать его так отчетливо и умно, что повесть его имела бы все принадлежности тех строгих классических произведений, которые остаются навсегда образцами в литературе. Я вижу тоже много достоинств в писателе, который подписывает под своими сочинениями имя: Кулиш. Цветистый слог и большое познание нравов и обычаев Малой России говорят о том, что он мог бы прекрасно написать исто-

рию этой земли. Он мог бы еще с большим успехом составить живые статьи для альманаха и в них рассказать просто о нравах и обычаях прежних времен, не вставляя этого в повесть или драматический рассказ, подобно тому, как некогда рассказывал Корнилович о временах до Петра и при Петре. Роман же его, довольно любопытный по частям, вял и скучен в целом: эти драгоценные перлы сведений исторических, которые рассыпаны на страницах его, погибают там совершенно бесплодно. Мне сказывали, что вообще в последнее время повесть сделала у нас успех, и несколько молодых писателей показали особенное стремление к наблюдению жизни действительной. Из того, что удалось прочесть мне самому, я заметил также тому признаки, хотя постройка самих повестей мне показалась особенно неискусна и неловка; в рассказе заметил я излишество и многословие, а в слоге отсутствие простоты. Но я уверен, что если в каждом из этих писателей прежде сформируется человек, чем писатель — все прочее придет само собою, и каждый из них, обнаруживая еще сильней особенности пера сво-

его, не покажет ни одного из этих недостатков. Не могу не упомянуть о писателе, выступившем на литературное поприще драмою Смерть Ляпунова. Не имея в себе полной зрелости строенья драматического, которое доступно одним только опытным драматургам, драма эта имеет в себе много тех достоинств, которые пророчат в творце ее писателя замечательного. Слышать живость минувшего и уметь заговорить о нем таким живым языком — это свойство великое! Я бы на его месте так и впился в русские летописи и ни на миг не оторвался бы от этого чтения. Он может много извлечь оттуда прекрасных предметов. Почему знать, может быть, от такого чтения родилась бы в нем благословенная мысль написать правдивую историю времени, его преимущественно поразившего. Вполне историческое произведение, исполненное писателем, умеющим так живо чувствовать исторические характеры, и написанное таким живым пером, будет в несколько раз значительней исторических драм. Кстати о молодых и начинающих писателях: мне бы очень хотелось, чтобы ты отыскал Прокопо-

вича и умел склонить его взяться за перо повествователя. Из всех тех, которые воспитывались со мною вместе в школе и начали писать в одно время со мной, у него раньше, чем у всех других, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива, всё изливалось у него непринужденно-обильно, всё доставалось ему легко и пророчило в нем плодovitейшего романиста. Он задремал теперь, я это знаю; он дал заснуть в себе желанию действовать на поприще просторном, самый круг его стал тесен и перед ним мало жизненного поля для наблюдений. Но жизнь везде жизнь, и чем меньше ее простор и теснее ее круг, тем основательней и глубже он может быть нами исследуем и проникнут. Уже самая своя собственная душевная повесть, предметом которой будет взято собственное пробуждение от мертвенного застоя, заставляющее с ужасом взглянуть человека на животное-истраченную жизнь свою, может быть высоким предметом для романа. Какой бы праздник был душе моей, если бы я встретил в Современнике повесть, под которою было бы подписано его

имя! Что же касается до меня самого, то я по-прежнему не могу быть работающим и ревностным вкладчиком в твой Современник. Ты уже сам почувствовал, что меня нельзя назвать писателем в строгом классическом смысле. Из всех тех, которые начали писать со мною вместе, еще в лета моего школьного юношества, у меня менее, чем у всех других, замечались те свойства, которые составляют необходимые условия писателя. Скажу тебе, что даже в самых ранних помышлениях моих о будущем поприще моем, никогда не представлялось мне поприще писателя. Столкнулся я с ним почти нечаянно. Некоторые мои наблюдения над некоторыми сторонами жизни, мне нужными для дела душевного, издавна меня занимавшего, были виной того, что я взялся за перо и вздумал преждевременно поделиться с читателем тем, чем мне следовало поделиться уже потом, по совершении моего собственного воспитанья. Мне доставалось трудно всё то, что достается легко природному писателю. Я до сих пор, как ни бьюсь, не могу обработать слог и язык свой, первые необходимые орудия всякого писателя: они у

меня до сих пор в таком неряшестве, как ни у кого даже из дурных писателей, так что над мной имеет право посмеяться едва начинающий школьник. Всё мною написанное замечательно только в психологическом значении, но оно никак не может быть образцом словесности, и тот наставник поступит неосторожно, кто посоветует своим ученикам учиться у меня искусству писать или подобно мне живописать природу: он заставит их производить карикатуры. Доказательство этому можешь видеть на некоторых молодых и неопытных подражателях моих, которые именно через это самое подражание стали несравненно ниже самих себя, лишив себя своей собственной самостоятельности. У меня никогда не было стремленья быть отголоском всего и отражать в себе действительность, как она есть вокруг нас, — стремленья, которое тревожит поэта во всё продолженье его жизни и умирает в нем только с его собственной смертью. Я даже не могу заговорить теперь ни о чем, кроме того, что близко моей собственной душе. Итак, если я почувствую, что чистосердечный голос мой будет истинно

нужен кому-нибудь, и слово мое может принести какое-нибудь внутреннее примиренье человеку, тогда у тебя в Современнике будет моя статья; если ж нет — ее не будет. И ты на меня за это никак не гневайся. Я здесь не упомянул также ни об одном из тех современных прозаических писателей наших, которые, будучи заняты собственными изданиями или же сидя над трудами более отвлеченными, требующими полного внимания, не имеют ни возможности, ни досуга поработать для твоего Современника. Их не следует и беспокоить. Здесь кстати я должен тебя побранить. Ты был несправедлив, приписывая безучастное невнимание многих литераторов к твоему журналу их равнодушию к общему делу, нелюбви к искусству, деньголюбию и т. п. У всякого есть свое внутреннее дело; у всякого совершается в душе свое собственное событие, на время его отвлекающее от участия в деле общем; и никак нельзя требовать, чтобы другой жертвовал собой и своей собственной целью для какой-нибудь нами любимой мысли или нашей цели, к которой мы предположили себе стремиться. Каждому определяет

бог дорогу, непохожую на ту, которую назначено проходить другому, и нельзя мерять всех одним и тем же аршином. А потому уважай и самый отказ другого даже и тогда, если бы он не захотел объявить причины, почему не может дать статьи в Современник. Довольствуйся тем, что дадут. Если только одни поименованные мною писатели дадут статьи свои, то и этого уже будет достаточно. Но я знаю, что дадут еще и другие, которых я не назвал. Вопреки людям, жалующимся на недостаток талантов в нынешнее время, я вижу их теперь гораздо больше, чем когда-либо прежде. Они не попали на свою дорогу. Еще никто из них не умел стать самим собой и это причина их неприметности; но многие из них уже болеют этим желанием, хотя и не знают, как удовлетворить ему. Стремление узнать назначенье свое есть теперь страданье многих людей, одаренных способностями. Оно-то есть настоящая, истинная причина дремоты и бездейственности на поприще литературном.

Стихотворная часть Современника может

быть также весьма богата, не взирая на то, что, по-видимому, в современном обществе угаснуло расположение к поэзии. Слава богу, еще здравствует сам патриарх нашей поэзии: еще небо хранит нам Жуковского. В награду за безукоризненную, чистую жизнь ему одному из всех нас дано почувствовать свежесть молодости в старческие лета и силу юноши для дела поэтического. Его нынешние труды далеко полновесней и значительней прежних. Не нужно судить о нем по тем стихотворным сказкам и повестям, которые были помещены в последнее время в Современнике. Они не могли и не должны были произвести никакого впечатленья на общество, и нечего удивляться, что общество, оценивая всякое новое произведение относительно своих собственных потребностей душевных, ища в нем ответа на тревожные исканья свои, назвало эти стихотворенья ребячеством Жуковского. Они, точно, назначены для малолетних детей. Повести и сказки эти должны были выйти особой книжкой под названьем: Подарок детям от Жуковского. Он сделал ошибку, пославши их в журнал. Я говорил это ему тогда

же, советуя или ничего не посылать или по-слать то, что пришлось бы по душе взрослому человеку. Но теперь я знаю, что он пришлет тебе в Альманах который-нибудь из тех перлов, которые выработались во глубине его собственной души, где в последнее время так много произошло прекрасного. Еще, слава богу, здравствуют два другие первоклассные наши поэты: князь Вяземский и Языков, и могут подарить Современник новыми, дотоле не раздававшими<ся> от них звуками, — звуками, исторгнутыми из выстрадавшегося сердца, песнями самой души, уже набравшейся строгого содержания высшей поэзии. Самые наши молодые, недавно показавшиеся поэты, которых я здесь не называю по именам, которые показали покуда одно благозвучие, легкость и щегольство стихосложения, но еще не показали истинных и верных ощущений своих, могут заговорить струнами поэзии, более нам близкой. Поэзия есть чистая исповедь души, а не порожденье искусства или хотенья человеческого; поэзия есть правда души, а потому и всем равно может быть доступна. Способность вымысла и творчества есть слыш-

ком высокая способность и дается одним только всемирным гениям, которых появление слишком редко на земле; опасно и вступать на этот путь другому. Многие даже из первокласснейших талантов становились ниже себя, зашедши в область вымысла, но высоко возвышались даже и небольшие таланты, когда событиями собственной души своей были наведены на то, чтобы передавать одну чистую правду души. Приспевает время, когда жажда исповеди душевной становится сильнее и сильнее. Много поэтических звуков издадут даже и те, которые не помышляли быть поэтами; много прекрасных цветков, много драгоценных вкладов нанесут к тебе со всех сторон в твой Современник. Ты сам, хотя уже давно не пробовал звуков оставленной и позабытой тобою лиры, примешься за нее вновь. Ты, верно, испытал в это время тоже не мало скорбных минут и никем не услышанного горя, твоя душа, верно, томилась также желаньем передать и объяснить себя, искала друга, которому могло бы быть доступно тяжкое состоянье ее, и, не найдя его нигде, обратилась наконец к тому родному всем нам

существо, которое одно умеет принимать любовно на грудь к себе тоскующего и скорбящего и к которому наконец все живущее обратится. Припомни же все эти минуты, как минуты скорбей, так и минуты высших утешений, тебе ниспосланных; передай их, изобрази в той правде, в какой они были. Тебе помогут слезы умиления и растроганные чувства признательной души твоей; они помогут тебе передать с такой силой, с какой не сумеет передать их великий, владеющий чародейством вымысла, но еще не выстрадавшийся поэт. Современник тогда оправдает данное ему название, но оправдает его в другом — высшем смысле: он будет современен всем высшим минутам русского писателя и человека. Он тогда ближе приблизится к той <цели>, которая доселе так отдаленно и неясно представлялась в твоих мыслях: он соединит эстетическим союзом прекрасного братства всех пишущих. Один только ты в России можешь предпринять и выполнить такое издание, потому что один только ты питал о нем постоянную мысль, один только ты не имел в виду денежных интересов и вознаграждений за

труды, один ты безотчетно питал чистую, младенческую любовь к искусству, сделавшую тебя другом лучших поэтов наших и превратившую для тебя самое искусство в твое собственное, как бы родное и семейственное дело. Стало быть, одному только тебе может быть вверено такое издание. Оно должно быть роскошно; оно должно быть во всех отношениях драгоценным подарком: печататься со всей возможной типографической роскошью, украситься лучшими гравюрами и виньетами, какие могут только быть произведены у нас в России (граверов выбери русских, иностранцев сюда не вмешивай). Мелу книгам дай небольшую, немного чем побольше Северных цветов, словом — чтобы и по достоинству и по виду издание походило на драгоценность. Всё это можешь исполнить один только ты, потому что, не имея в виду пользоваться доходами с него для своего собственного содержания и прокормленья, ты можешь всё употребить на красоту самого издания и таким образом доставить хлеб бедным художникам нашим, которым приходится иногда претерпевать горькую чашу.

Итак, если всё это, что я теперь сказал, пришлось тебе по сердцу, то, благословясь, приступай с богом к составленью первой книжки Современника ко времени наступающего праздника светлого воскресения 1847 года, а письмо мое поставь первой статьей в виде программы или вступленья в самую книгу. До того же времени дай его прочесть всем тем, от которых ты пожелал бы иметь статью. Как ни слабо и ни поверхностно оно написано, но я уверен, что по прочтеньи его всяк согласится вместе с тобой и со мной в необходимости такого издания в России и, верно, даст тебе наилучшее из своих произведений. В газетных листах ты можешь объявить о нем только немногими словами — именно, что Современник будет выходить в трех книгах в означенные сроки; прибавь к этому одни только имена тех, которых статьи будут помещены — этого достаточно. Пусть лучше всё остальное, как достоинство статей, так и роскошь самого издания, будет приятной неожиданностью для каждого читателя.

<АВТОРСКАЯ ИСПОВЕДЬ.>

Все согласны в том, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразных толков, как Выбранные места из переписки с друзьями. И что всего замечательней, чего не случилось, может быть, доселе еще ни в какой литературе, предметом толков и критик стала не книга, но автор. Подозрительно и недоверчиво разобрано было всякое слово, и всяк наперерыв спешил объявить источник, из которого оно произошло. Над живым телом еще живущего человека производилась та страшная анатомия, от которой бросает в холодный пот даже и того, кто одарен крепким сложеньем. Как, однако же, ни были потрясающи и обидны для человека благородного и честного многие заключения и выводы, но, скрепясь, сколько достало небольших сил моих, я решился стерпеть всё и воспользоваться этим случаем, как указанием свыше — рассмотреть построже самого себя. Никогда и прежде я не пренебрегал советами, мненьями, осужденьями и упреками, уверяюсь, чем далее, более, что если только истре-

бишь в себе те щекотливые струны, которые способны раздражаться и гневаться, и приведешь себя в состояние всё выслушивать спокойно, тогда услышишь тот средний голос, который получается в итоге тогда, когда сложишь все голоса и сообразишь крайности обеих сторон, словом — тот всеми искомый средний голос, который недаром называют гласом народа и гласом Божиим. Но на этот раз, несмотря на то, что многие упреки были истинно полезны душе моей, я не услышал этого среднего голоса и не могу сказать, чем решилось дело и чем определено считать мою книгу. В итоге мне послышались три разные мнения: первое, что книга есть произведение неслыханной гордости человека, возмнившего, что он стал выше всех своих читателей, имеет право на вниманье всей России и может преобразовывать целое общество; второе, что книга эта есть творение доброго, но впавшего в прелесть и в обольщенье человека, у которого закружилась голова от похвал, от самоуслаждения своими достоинствами, который вследствие этого сбился и спутался; третье, что книга есть произведе-

ние христианина, глядящего с верной точки на вещи и ставящего всякую вещь на ее законное место. На стороне каждого из этих мнений находятся равно просвещенные и умные люди, а также и равно верующие христиане. Стало быть, ни одно из этих мнений, будучи справедливо отчасти, никак не может быть справедливо вполне. Справедливее всего следовало бы назвать эту книгу верным зеркалом человека. В ней находится то же, что во всяком человеке; прежде всего желанье добра, создавшее самую книгу, которое живет у всякого человека, если только он почувствовал, что такое добро; сознание искреннее своих недостатков и рядом с ним высокое мнение о своих достоинствах, желанье искреннее учиться самому и рядом с ним уверенность, что можешь научить многому и других; смиренье и рядом с ним гордость, и, может быть, гордость в самом смирении; упреки другим в том самом, на чем поскользнулся сам и за что достоин еще больших упреков. Словом, то же, что в каждом человеке, с той только разницей, что здесь слетели все условия и приличия и всё, что таит внут-

ри человек, выступило внаружу, с той еще разницей, что завопило это крикливей и громче, как в писателе, у которого всё, что ни есть в душе, просится на свет, ударилось ярче всем в глаза, как в человеке, получившем на долю больше способностей сравнительно с другим человеком. Словом, книга может послужить только доказательством великой истины слов апостола Павла, сказавшего, что весь человек есть ложь.

Но к этому заключению, может быть, более всех прочих справедливому, никто не пришел, потому что торжественный тон самой книги и необыкновенный слог ее сбил более или менее, всех и не поставил никого на надлежащую точку воззрения. Издавая ее под влияньем страха смерти своей, который преследовал меня во всё время болезненного моего состояния, даже и тогда, когда я уже был вне опасности, я нечувствительно перешел в тон, мне несвойственный и уж вовсе неприличный еще живущему человеку. Из боязни, что мне не удастся окончить того сочиненья моего, которым занята была посто-

янно мысль моя в течение десяти лет, я имел неосторожность заговорить вперед кое о чем из того, что должно было мне доказать в лице выведенных героев повествовательного сочинения. Это обратилось в неуместную проповедь, странную в устах автора, в какие<-то> мистические непонятные места, не вяжущиеся с остальными письмами. Наконец, разнообразный тон самих писем, писанных к людям разных характеров и свойств, писанных в разные времена моего душевного состоянья. Одни были писаны в то время, когда я, воспитываясь сам упреками, прося и требуя их от других, считал в то же время надобностью раздавать их и другим; другие были писаны в то время, когда я стал чувствовать, что упреки следует приберечь для самого себя, в речах же с другими следует употреблять одну только братскую любовь. От этого и мягкость и резкость встретились почти вместе. Наконец, непомещение многих тех статей, которые должны были войти в книгу, как связывавшиеся и объясняющие многое. Наконец, моя собственная темнота и неуменье выражаться, принадлежности не вполне организовавшие-

гося писателя, всё это споспешествовало тому, чтобы сбить не одного читателя и произвести бесчисленное множество выводов и заключений невпопад. Гордость отыскали в тех словах, которые подвигнуты были, может быть, совершенно противоположною причиною; где же была действительно гордость, там ее не заметили. Назвали уничиженьем то, что было вовсе не уничиженьем. А что главнее всего: не было двух человек, совершенно сходных между собою в мыслях, когда только доходило дело до разбора книги по частям, что весьма справедливо дало заметить некоторым, что в сужденьях своих о моей книге всякой выражал более самого себя, чем меня или мою книгу. Разумеется, всему виною я. А потому во всех нападениях на мои личные нравственные качества, как ни оскорбительны они для человека, в ком еще не умерло благородство, я не имею права обвинять никого.

Сделаю вскользь замечанья два на то, что не относится до моих нравственных качеств. Меня изумило, когда люди умные стали де-

лать придирки к словам, совершенно ясным, и, остановившись над двумя, тремя местами, стали выводить заключения, совершенно противоположные духу всего сочинения. Из двух, трех слов, сказанных такому помещику, у которого все крестьяне земледельцы, озабоченные круглый год работой, вывести заключение, что я воюю против просвещения народного — это показалось мне очень странно, тем более, что я полжизни думал сам о том, как бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовав, что нужно быть очень умну для того, чтобы знать, что прежде нужно подать народу. А покуда нет таких умных книг, мне казалось, что слово устное пастырей церкви полезней и нужней для мужика всего того, что может сказать ему наш брат писатель. Сколько я себя ни помню, я всегда стоял за просвещение народное, но мне казалось, что еще прежде, чем просвещение самого народа, полезней просвещение тех, которые имеют ближайшие столкновения с народом, от которых часто терпит народ. Мне казалось, наконец, гораздо более требовавшим вниманья к себе

не сословие земледельцев, но то тесное сословие, ныне увеличивающееся, которое вышло из земледельцев, которое занимает разные мелкие места и, не имея никакой нравственности, несмотря на небольшую, грамотность, вредит всем, затем, чтобы жить на счет бедных. Для этого-то сословия мне казались наиболее необходи<мыми> книги умных писателей, которые, почувствовавши сами их долг, умели бы им их объяснить. А землепашец наш мне всегда казался нравственнее всех других и менее других нуждающийся в наставлениях писателя. Тоже не менее странным показалось мне, когда из одного места моей книги, где я говорю, что в критиках, на меня нападавших, есть много справедливого, вывели заключения, что я отвергаю все достоинства моих сочинений и не согласен с теми критиками, которые говорили в мою пользу [На завещанье не следовало упираться. В нем судишь себя строго, потому что готовишься предстать на суд пред того, пред которым ни один человек не бывает прав. (Прим. Гоголя.)]. Я очень помню и совсем не позабыл, что по поводу небольших моих достоинств яви-

лись у нас очень замечательные критики, которые навсегда останутся памятниками любви к искусству, которые возвысили в глазах общества значение поэтических созданий. Но неловко же мне говорить самому о своих достоинствах, да и с какой стати? О недостатках моих литературных я заговорил, потому что пришлось кстати, по поводу психологического вопроса, который есть главный предмет всей моей книги. Как же не соображать этих вещей! Не менее странно также — из того, что я выставил ярко на вид наши русские элементы, делать вывод, будто я отвергаю потребность просвещения европейского и считаю ненужным для русского знать весь трудный <путь?> совершенствованья человеческого. И прежде и теперь мне казалось, что русский гражданин должен знать дела Европы. Но я был убежден всегда, что если, при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустишь из виду свои русские начала, то знания эти не принесут добра, собьют, спутают и разбросают мысли, наместо того, чтобы сосредоточить и собрать их. И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень

хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу, и что только с помощью этого знания <можно> почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит. Мне казалось всегда, что прежде, чем вводить что-либо новое, нужно не как-нибудь, но в корне узнать старое; иначе примененье самого благодетельнейшего открытия не будет успешно. С этой целью я и заговорил преимущественно о старом. Словом, все эти односторонние выводы людей умных и притом таких, которых я вовсе не считал односторонними, все эти придирки к словам, а не к смыслу и духу сочинения, показывают мне то, что никто не был в покойном расположеньи, когда читал мою книгу; что уже вперед установилось какое-то предубежденье, прежде чем она явилась в свет, и всякой глядел на нее вследствие уже заготовленного вперед взгляда, останавливаясь только над тем, что укрепляло его в предубеждении и раздражало, и проходя мимо всё то, что способно опровергнуть предубежденье, а самого читателя успокоить. Сила эта странного раздраженья была так ве-

лика, что даже разрушила все те приличия, которые доселе еще сохранялись относительно к писателю. Почти в глаза автору стали говорить, что он сошел с ума, и приписывали ему рецепты от умственного расстройства. Не могу скрыть, что меня еще более опечалило, когда люди также умные, и притом не раздраженные, превозгласили печатно, что в моей книге ничего нет нового, что же и ново в ней, то ложь, а не истинно. Это показалось мне жестоко. Как бы то ни было, но в ней есть моя собственная исповедь; в ней есть излиянье и души и сердца моего. Я еще не признан публично бесчестным человеком, которому бы никакого доверия нельзя было оказывать. Я могу ошибаться, могу попасть в заблужденье, как и всякой человек, могу сказать ложь в том смысле, как и весь человек есть ложь; но назвать всё, что излилось из души и сердца моего, ложью — это жестоко. Это несправедливо так же, как несправедливо и то, что в книге моей ничего нет нового. Исповедь человека, который провел несколько лет внутри себя, который воспитывал себя, как ученик, желая вознаградить, хотя поздно, за время,

потерянное в юности, и который притом не во всем похож на других и имеет некоторые свойства, ему одному принадлежащие, — исповедь такого человека не может не представить чего-нибудь нового. Как бы то ни было, но в таком деле, где замешалось дело души, нельзя так решительно возвещать приговор. Тут и наиглубокомысленнейший душеведец призадумается. В душевном деле трудно и над человеком обыкновенным произнести суд свой. Есть такие вещи, которые не подвластны холодному рассуждению, как бы умен ни был рассуждающий, которые постигаются только в минуты тех душевных настроений, когда собственная душа наша расположена к исповеди, к обращению на себя, к охуждению себя, а не других. Словом, в этой решительности, с какою был произнесен этот приговор, мне показалась большая собственная самоуверенность судившего — в уме своем и в верховности своей точки воззрения. Не с тем я здесь говорю это, чтобы кого-нибудь попрекнуть, но с тем, чтобы показать только, как на всяком шагу мы близки к тому, чтобы впасть в тот порок, в котором только что по-

прекнули своего брата; как, укоривши в самоуверенности другого, мы тут же в собственных словах показываем свою собственную самоуверенность; как, укоривши в неснисходительности другого, мы тут же бываем неснисходительны и придирчивы сами. Благороден по крайней мере тот, кто имеет духу в этом сознаться и не стыдится, хоть бы в глазах всего света, сказать, что он ошибся. Но довольно. Вовсе не затем, чтобы защищать себя с нравственных сторон моих, я подаю теперь голос. Нет, я считаю обязанностью отвечать только на тот запрос, который сделан мне почти единоустно от лица читателей всех моих прежних сочинений, — запрос: зачем я оставил тот род и то поприще, которое за собою уже утвердил, где был почти господин, и принял-ся за другое, мне чуждое?

Чтобы отвечать на этот запрос, я решаюсь чистосердечно и сколько возможно короче изложить всю повесть моего авторства, чтобы дать возможность всякому справедливее осудить меня, чтобы увидал читатель, переменял ли я поприще свое, умничал ли сам от

себя, желая дать себе другое направление, или и в моей судьбе так же, как и во всем, следует признать участие того, кто располагает миром не всегда сообразно тому, как нам хочется, и с которым трудно бороться человеку. Может быть, эта чистосердечная повесть моя послужит объяснением хотя некоторой части того, что кажется такой необъяснимой загадкой для многих, в недавно вышедшей моей книге. Если бы случилось так, я был бы этому истинно рад, потому что вся эта странная история меня утомила сильно, и мне не легко самому от этого вихря недоразумений.

Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще. Знаю только то, что в те годы, когда я стал задумываться о моем будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали еще об играх), мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра. Я думал, просто, что я

выслужусь и всё это доставит служба государственная. От этого страсть служить была у меня в юности очень сильна. Она пребывала неотлучно в моей голове впереди всех моих дел и занятий. Первые мои опыты, первые упражненья в сочиненьях, к которым я получил навык в последнее время пребывания моего в школе, были почти все в лирическом и сурьезном роде. Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя, несмотря на мой меланхолической от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками; хотя в самых ранних сужденьях моих о людях находили уменье замечать те особенности, которые ускользают от внимания других людей, как крупные, так мелкие и смешные. Говорили, что я умею не то что передразнить, но угадать человека, то есть угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого склада и образа его мыслей и речей. Но всё это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думал о

том, что сделаю со временем из этого употребление.

Причина той веселости, которую заметили в первых сочинениях моих, показавшихся в печати, заключалась в некоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мне самому необъяснимой, которая происходила, может быть, от моего болезненного состояния. Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе всё смешное, что только мог выдумать. Выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставлял их мысленно в самые смешные положения, вовсе не забываясь о том, зачем это, для чего, и кому от этого выйдет какая польза. Молодость, во время которой не приходят на ум никакие вопросы, подталкивала. Вот происхождение тех первых моих произведений, которые одних заставили смеяться так же беззаботно и безотчетно, как и меня самого, а других приводили в недоумение решить, как могли человеку умному приходить в голову такие глупости. Может быть, с годами и с потребностью развлекать себя веселость эта исчезнула бы, а с

нею вместе и мое писательство. Но Пушкин заставил меня взглянуть на дело сурьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: “Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью, не приняться за большое сочинение! Это, просто, грех!” Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принялся за Донкишота, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключение всего, отдал — мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то в роде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет Мертвых душ. (Мысль Ревизора принад-

лежит также ему). На этот раз и я сам уже задумался сурьезно, — тем более, что стали приближаться такие года, когда сам собой приходит запрос всякому поступку: зачем и для чего его делаешь? Я увидел, что в сочинениях моих смеюсь даром, напрасно, сам не зная зачем. Если смеяться, так уже лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего. В Ревизоре я решился собрать в одну кучу всё дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем. Но это, как известно, произвело потрясающее действие. Сквозь смех, который никогда еще во мне не появлялся в такой силе, читатель услышал грусть. Я сам почувствовал, что уже смех мой не тот, какой был прежде, что уже не могу быть в сочиненьях моих тем, чем был дотоле, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вместе с молодыми моими летами. После Ревизора я почувствовал, более нежели когда-либо прежде, потребность со-

чиненья полного, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться. Пушкин находил, что сюжет М<ертвых> д<уш> хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров. Я начал было писать, не определивши себе обстоятельного плана, не давши себе отчета, что такое именно должен быть сам герой. Я думал просто, что смешной проект, исполнением которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мне самом охота смеяться создаст сама собою множество смешных явлений, которые я намерен был перемешать с трогательными. Но на всяком шагу я был останавливаем вопросами: зачем? к чему это? что должен сказать собою такой-то характер? что должно выразить собою такое-то явление? Спрашивается: что нужно делать, когда приходят такие вопросы? Прогонять их? Я пробовал, но неотразимые вопросы стояли передо мною. Не чувствуя существенной надобности в том и другом герое, я не мог почувствовать и любви к делу изобразить его. Напротив, я

чувствовал что-то в роде отвращения: всё у меня выходило натянуто, насильно и даже то, над чем я смеялся, становилось печально.

Я увидел ясно, что больше не могу писать без плана, вполне определительного и ясного, что следует хорошо объяснить прежде самому себе цель сочиненья своего, его существенную полезность и необходимость, вследствие чего сам автор возгорелся бы любовью истинной и сильной к труду своему, которая животворит всё и без которой не идет работа. Словом, чтобы почувствовал и убедился сам автор, что, творя творенье свое, он исполняет именно тот долг, для которого он призван на землю, для которого именно даны ему способности и силы, и что, исполняя <его>, он служит в то же самое время так же государству своему, как бы он действительно находился в государственной службе. Мысль о службе у меня никогда не пропадала. Прежде чем вступить на поприще писателя, я переменял множество разных мест и должностей, чтобы узнать, к которой из них я был больше способен; но не был доволен ни службой, ни собой,

ни теми, которые надо мной были поставлены. Я еще не знал тогда, как многого мне недоставало затем, чтобы служить так, как я хотел служить. Я не знал тогда, что нужно для этого победить в себе все щекотливые струны самолюбья личного и гордости личной, не забывать ни на минуту, что взял место не для своего счастья, но для счастья многих тех, которые будут несчастны, если благородный человек бросит свое место, что позабыть нужно обо всех огорчениях собственных. Я не знал еще тогда, что тому, кто пожелает истинно честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства, — нужно иметь много любви к человеку вообще и сделаться истинным христианином, во всем смысле этого слова. А потому и немудрено, что, не имея этого в себе, я не мог служить так, как хотел, несмотря на то, что сгорал действительно желаньем служить честно. Но как только я почувствовал, что на поприще писателя могу сослужить также службу государственную, я бросил всё: и прежние свои должности, и Петербург, и общества близких душе моей людей, и

самую Россию, затем, чтобы вдали и в уединении от всех обсудить, как это сделать, как произвести таким образом свое творенье, чтобы доказало оно, что я был также гражданин земли своей и хотел служить ей. Чем более обдумывал я свое сочинение, тем более чувствовал, что оно может действительно принести пользу. Чем более я обдумывал мое сочинение, тем более видел, что не случайно следует мне взять характеры, какие попадутся, но избрать одни те, на которых заметней и глубже отпечатлелись истинно русские, коренные свойства наши. Мне хотелось в сочинении моем выставить преимущественно те высшие свойства русской природы, которые еще не всеми ценятся справедливо, и преимущественно те низкие, которые еще недостаточно всеми осмеяны и поражены. Мне хотелось сюда собрать одни яркие психологические явления, поместить те наблюдения, которые я делал издавна сокровенно над человеком, которые не доверял дотоле перу, чувствуя сам незрелость его, которые, быв изображены верно, послужили бы разгадкой многого в нашей жизни, словом — чтобы, по про-

чтении моего сочиненья, предстал как бы невольно весь русский человек, со всем разнообразием богатств и даров, доставшихся на его долю, преимущественно перед другими народами, и со всем множеством тех недостатков, которые находятся в нем, также преимущественно пред всеми другими народами. Я думал, что лирическая сила, которой у меня был запас, поможет мне изобразить так эти достоинства, что к ним возгорится любовью русской человек, а сила смеха, которого у меня также был запас, поможет мне так ярко <изобразить> недостатки, что их возненавидит читатель, если бы даже нашел их в себе самом. Но я почувствовал в то же время, что всё это возможно будет сделать мне только в таком случае, когда узнаешь очень хорошо сам, что действительно в нашей природе есть достоинства и что в ней действительно есть недостатки. Нужно очень хорошо взвесить и оценить то и другое и объяснить себе самому ясно, чтобы не возвести в достоинство того, что есть грех наш, и не поразить смехом вместе с недостатками нашими и того, что есть в нас достоинство. Мне не хотелось даром тра-

тить силу. С тех пор, как мне начали говорить, что я смеюсь не только над недостатком, но даже целиком и над самим человеком, в котором заключен недостаток, и не только над всем человеком, но и над местом, над самою должностью, которую он занимает (чего я никогда даже не имел и в мыслях), я увидал, что нужно со смехом быть очень осторожным, — тем более, что он заразителен, и стоит только тому, кто поостроумней, посмеяться над одной стороною дела, как уже, во след за ним, тот, кто, потупее и поглупее, будет смеяться над всеми сторонами дела. Словом, я видел ясно, как дважды два четыре, что прежде, покамест не определю себе самому определительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши, мне нельзя приступить; а чтобы определить себе русскую природу, следует узнать получше природу человека вообще и душу человека вообще: без этого не станешь на ту точку воззрения, с которой видятся ясно недостатки и достоинства всякого народа.

С этих пор человек и душа человека сдела-

лись больше, чем когда-либо, предметом наблюдений. Я оставил на время всё современное; я обратил внимание на узнанье тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще. Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. Всё, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустынноика, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в нем ключ к душе человека, и что еще никто из душезнателей не всходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял он. Поверкой разума поверил я то, что другие понимают ясной верой и чему я верил дотолу как-то темно и неясно. К этому привел меня и анализ над моею собственной душой: я увидел тоже математически ясно, что говорить и писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображенью: нужно заключить в себе самом хотя небольшую крупицу этого, словом — нужно сделаться лучшим. Это может показаться довольно странным, осо-

бенно для тех, которые получили в юности совершенно оконченное и полное воспитание. Но надобно сказать, что я получил в школе воспитанье довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль об ученьи пришла ко мне в зрелом возрасте. Я начал с таких первоначальных книг, что стыдился даже показывать и скрывал все свои занятия. Я наблюдал над собой, как учитель над учеником, не в книжном ученьи, но и в простом нравственном, глядя на себя самого, как на школьника. Я поместил кое-что из этих проделок над самим собою в книге моих писем, вовсе не затем, чтобы пощеголять чем-нибудь (да и не знаю, чем тут щеголять), но из желанья добра: авось кому-нибудь принесет это пользу: я был уверен, что много, подобно мне, воспитались в школе плохо и потом, подобно мне, спохватились, желая искренно себя поправить. Я часто слышал, как многие жаловались, что не могут отстать от дурных привычек, при всем желаньи своем отстать от них. Я и поместил это, кое-как приспособивши к другому, и поместил это я не иначе, как увидевши на опыте, что многое из этого уже при-

шло в пользу некоторым людям, которых я знал. В ответ же тем, которые попрекают мне, зачем я выставил свою внутреннюю клеть, могу сказать то, что все-таки я еще не монах, а писатель. Я поступил в этом случае так, как все те писатели, которые говорили, что было на душе. Если бы и с Карамзиным случилась эта внутренняя история во время его писательства, он бы ее также выразил. Но Карамзин воспитался в юности. Он образовался уже как человек и гражданин, прежде чем выступил на поприще писателя. Со мной случилось иначе. Я не считал ни для кого соблазнительным открыть публично, что я стараюсь быть лучшим, чем я есть. Я не нахожу соблазнительным томиться и стогать явно, в виду всех, желаньем совершенства, если сходил за тем сам сын божий, чтобы сказать нам всем: “Будьте совершенны так, как совершен отец ваш небесный”. Что же касается до обвинений, будто я, из желанья похвастаться смиреньем, в книге моей показал уничижение паче гордости, то на это скажу, что ни смиренья, ни уничиженья здесь нет. Пришедшие к этому заключению обманулись сход-

ством признаков. Против<ным> я действительно казался себе самому вовсе не от смирения, но потому, что в мыслях моих чем далее, тем яснее представлялся идеал прекрасного человека, тот благостный образ, каким должен быть на земле человек, и мне становилось всякой раз после этого противно глядеть на себя. Это не смирение, но скорее то чувство, которое бывает у завистливого человека, который, увидевши в чужих руках вещь лучшую, бросает свою и не хочет уже глядеть на нее. Притом мне посчастливилось встретить на веку своем, и особенно в последнее время, несколько таких людей, перед душевными качествами которых показались мне мелкими мои качества, и всякий раз я негодовал на себя за то, что не имею того, что имеют другие. Тут нужно обвинять разве завистливую вообще натуру.

Но возвращаюсь к истории. Итак, на некоторое время занятием моим стал не русский человек и Россия, но человек и душа человека вообще. Всё меня приводило в это время к исследованию общих законов души нашей: мои

собственные душевные обстоятельства, наконец обстоятельства внешние, над которыми мы не властны и которые всякой раз обращали меня противовольно вновь к тому же предмету, как только я от него отдалялся. Несколько раз, упречаемый в недеятельности, я принимался за перо. Хотел насильно заставить себя написать хоть что-нибудь в роде небольшой повести или какого-нибудь литературного сочинения, и не мог произвести ничего. Усилия мои оканчивались почти всегда болезнью, страданиями и наконец такими припадками, вследствие которых нужно было надолго отложить всякое занятие. Что мне было делать? Виноват я разве был в том, что не в силах был повторять то же, что говорил или писал в мои юношеские годы? Как будто две весны бывают в возрасте человеческом! И если всяк человек подвержен этим необходимым переменам при переходе из возраста в возраст, почему же один писатель должен быть исключеньем? Разве писатель также не человек? Я не совращался с своего пути. Я шел тою же дорогою. Предмет у меня был всегда один и тот же: предмет у меня

был — жизнь, а не что другое. Жизнь я преследовал в ее действительности, а не в мечтах воображения, и пришел к тому, кто есть источник жизни. От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движениях его, которые пропускаются без вниманья людьми — и я пришел к тому, который один полный ведатель души и от кого одного и мог только узнать полнее душу. Я не успокоился по тех пор, покуда не разрешились мне некоторые собственные мои вопросы относительно меня самого. И только тогда, когда нашел удовлетворенье в некоторых главных вопросах, мог приступить вновь к моему сочинению, первая часть которого составляет еще поныне загадку, потому что заключает в себе некоторую часть переходного состоянья моей собственной души, тогда как еще не вполне отделилось во мне то, чему следовало отделиться.

Как только кончилось во мне это состояние, и жажда знать человека вообще удовлетворилась, во мне родилось желанье сильное знать Россию. Я стал знакомиться с людьми,

от которых мог чему-нибудь поучиться и разузнать, что делается на Руси; старался наиболее знакомиться с такими опытными практическими людьми всех сословий, которые обращены были лицом ко всяким проделкам внутри России. Мне хотелось сойтись с людьми всех сословий и от каждого что-нибудь узнать. Всякой должностной и чем-нибудь занятой человек стал в глазах моих интересен. Прежде всего я хотел определить себе всякую должность, всякое сословие, всякое место и всякое звание в государстве. Мне казалось это необходимым для писателя, который берет людей на разных поприщах. Не содержа в собственной голове своей весь долг и всю обязанность того человека, которого описываешь, не выставишь его, как следует, верно и притом так, чтобы он действительно был в урок и в поученье живущему. Из-за этого я старался завести переписку с такими людьми, которые могли мне что-нибудь сообщать. Прочих я просил набрасывать легкие портреты и характеры, первые, какие им попадутся. Всё это было мне нужно не затем, чтобы в голове моей не было ни характеров,

ни героев: их было у меня уже много; они выработались из познания природы человеческой гораздо полнейшего, чем какое было во мне прежде; но сведения эти мне, просто, нужны были, как нужны этюды с натуры художнику, который пишет большую картину своего собственного сочинения. Он не переводит этих рисунков к себе на картину, но развешивает их вокруг по стенам, затем, чтобы держать перед собою неотлучно, чтобы не погрешить ни в чем против действительности, противу времени, или эпохи, какая им взята. Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных. Угадывать человека я мог только тогда, когда мне представлялись самые мельчайшие подробности его внешности. Я никогда не писал портрета, в смысле простой копии. Я создавал портрет, но создавал его вследствие соображенья, а не воображенья. Чем более вещей принимал я в соображение, тем у меня верней выходило создание. Мне нужно было знать гораздо больше, сравнительно со вся-

ким другим писателем, потому что стоило мне несколько подробностей пропустить, не принять в соображение — и ложь у меня выступала ярче, нежели у кого другого. Этого я никак не мог объяснить никому, а потому и никогда почти не получал таких писем, каких я желал. Все только удивлялись тому, как мог я требовать таких мелочей и пустяков, тогда как имею такое воображение, которое может само творить и производить. Но воображение мое до сих пор не подарило меня ни одним замечательным характером и не создало ни одной такой вещи, которую где-нибудь не подметил мой взгляд в натуре. Я поместил в книге моей Переписка с друзьями несколько писем к помещикам и к разным должностным лицам (из них большая часть не напечатана) вовсе не затем, чтобы со мной безусловно согласились, но чтобы опровергнули меня приведеньем анекдотических фактов. Возраженья такого рода от людей практических и опытных для меня важны тем, что поставляют меня ближе к делу, раскрывая мне глубже внутренность России. Но вместо дел, интересных для всякого русского человека, и наших

русских вопросов, занялись моей собственной личностью и исписали целые листы о том, имею ли я право мешаться в подобные дела. Я сделал в то же время воззвание ко всем читателям Мертвых душ, — воззвание несколько неприличное и не весьма ловкое. Я очень знал, что над ним многие посмеются; но я готов был выдержать всякое осмеяние, лишь бы только добиться своего. Я думал, что, может, хоть пять, шесть человек захотят исполнить мою просьбу так, как я желал. Я не требовал собственно поправок на Мертвые души: мне хотелось, под этим предлогом, добыть частных записок, воспоминаний о тех характерах и лицах, с которыми случилось кому встретиться на веку, изображений тех случаев, где пахнет Русью. Зная, что у всех нас есть какая-то лень на подъемность, на работу, вследствие которых почти всякому из нас трудно что-нибудь доставать из своей памяти, я думал, что чтение Мертвых душ может расшевелить, особенно, если и карандаш и бумага будет при этом под рукой. Я выставил свой адрес и просил прислать мне в письме только тех, которые не захотели бы печат-

тать, но вообще я считал гораздо полезнее сделать их всеобщее известностью. Мне казалось даже необходимым и в нынешнее время это распространение известий о России посредством живых фактов, потому что в это время, которое недаром называют переходным, почти у всякого человека, на всех поприщах, заметно стремление преобразовать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противу всякого зла. Я думал, что теперь более, чем когда-либо, нужно нам обнаружить внаружу всё, что ни есть внутри Руси, чтобы мы почувствовали, из какого множества разнородных начал состоит наша почва, на которой мы все стремимся сеять, и лучше бы осмотрелись прежде, чем произносить что-либо так решительно, как ныне все произносят. Я питал втайне надежду, что чтение Мерт<вых> душ наведет некоторых на мысль писать свои собственные записки, что многие почувствуют даже некоторое обращение на самих себя, потому что и в самом авторе, в то время, когда писаны были Мертвые души, произошло некоторое обращение на самого себя. Я думал, что тот, кто

уже находится на склоне дней своих и тревожим мыслью, что жизнь его протекла без пользы, и он сделал мало для общего добра земли своей, почувствует сильнее, что верным и живым изображеньем людей, характеров и случаев своего времени он может познакомить с Русью людей молодых и начинающих действовать и таким образом больше чем вознаградит прекрасно за свою недеятельность. Молодой же, тот, кто вступает еще на поприще, кто еще ни к чему не охладел и потому имеет живость взгляда, кого любопытно занимает всё, может изобразить эпоху современную, как она представляется молодым глазам юноши. Словом, я думал, как дитя; я обманулся некоторыми: я думал, что в некоторой части читателей есть какая-то любовь. Я не знал еще тогда, что мое имя в ходу только затем, чтобы попрекнуть друг друга и посмеяться друг над другом. Я думал, что многие сквозь самый смех слышат мою добрую натуру, которая смеялась вовсе не из злобно-го желанья. Но на мое приглашение я не получил записок; в журналах мне отвечали насмешками. Привожу всё это затем, чтобы по-

казать, как я употреблял все силы держаться на своем поприще и придумывал все средства, которые могли двинуть мою работу, не имея и в мыслях оставлять звание писателя. Не могу не заметить при этом случае, что многие изъявляли изумление тому, что я так желаю известий о России и в то же время сам остаюсь вне России, не соображая того, что, кроме болезненного состоянья моего здоровья, потребовавшего теплого климата, мне нужно было это удаление от России затем, чтобы пребывать живее мыслью в России. Для <тех>, которые не могут этого почувствовать, объяснюсь, хотя мне несколько трудно объясняться во всем том, что составляет свойства, собственно мне принадлежащие. Почти у всех писателей, которые не лишены творчества, есть способность, которую я не назову воображеньем, способность представлять предметы отсутствующие так живо, как бы они были пред нашими глазами. Способность эта действует в нас только тогда, когда мы отделимся от предметов, которые описываем. Вот почему поэты большею частию избирали эпоху, от нас отделившуюся, и погружались в

прошедшее. Прошедшее, отрывая нас <от> всего, что ни есть вокруг нас, приводит душу в то тихое, спокойное настроение, которое необходимо для труда, У меня не было влеченья к прошлому. Предмет мой была современность и жизнь в ее нынешнем быту, может быть, оттого, что ум мой был всегда наклонен к сущности и к пользе, более осязательной. Чем далее, тем более усиливалось во мне желание быть писателем современным. Но я видел в то же время, что, изображая современность, нельзя находиться в том высоко настроенном и спокойном состоянии, какое необходимо для произведения большого и стройного труда. Настоящее слишком живо, слишком шевелит, слишком раздражает; перо писателя нечувствительно и незаметно переходит в сатиру, притом, находясь сам в ряду других и более или менее действуя с ними, видишь перед собою только тех человек, которые стоят близко от тебя; всей толпы и массы не видишь, оглянуть всего не можешь. Я стал думать о том, как бы выбраться из ряду других и стать на такое место, откуда бы я мог увидеть всю массу, а не лю-

дей только, возле меня стоящих, — как бы, отдалившись от настоящего, обратить его некоторым образом для себя в прошедшее. Мое расстроившееся здоровье и вместе с ним маленькие неприятности, которые я бы теперь перенес легко, но которых тогда не умел еще переносить, заставили меня подняться в чужие края. Я никогда не имел влечения и страсти: к чужим краям. Я не имел также того безотчетного любопытства, которым бывает снедаем юноша, жадный впечатлений. Но, странное дело, даже в детстве, даже во время школьного ученья, даже в то время, когда я помышлял только об одной службе, а не о писательстве, мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвованье и что, именно для службы моей отчизне, я должен буду воспитаться где-то вдали от нее. Я не знал, ни как это будет, ни почему это нужно; я даже не задумывался об этом, но видел самого себя так живо в какой-то чужой земле тоскующим по своей отчизне, картина эта так часто меня преследовала, что я чувствовал от нее грусть. Может бы<ть>, это было, просто, то непонятное поэ-

тическое влечение, которое тревожило иногда и Пушкина, ехать в чужие: края, единственно затем, чтобы, по выраженью его,

*Под небом Африки моей
Вздыхать о сумрачной России.*

Как бы то ни было, но это противувольное мне самому влеченье было так сильно, что не прошло пяти месяцев по прибытии моем в Петербург, как я сел уже на корабль, не будучи в силах противиться чувству, мне самому непонятному. Проект и цель моего путешествия были очень неясны. Я знал только то, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорей, чтобы натерпеться, точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее. Едва только я очутился в море, на чужом корабле, среди чужих людей (пароход был аглицкий, и на нем ни души русской), мне стало грустно; мне сделалось так жалко друзей и товарищей моего детства, которых я оставил и которых я всегда любил, что прежде, чем вступить на твердую землю, я уже подумал о возврате. Три дни

только я пробыл в чужих краях и, несмотря на то, что новость предметов начала меня завлекать, я поспешил на том же самом пароходе возвратиться, боясь, что иначе мне не удастся возвратиться. С тех пор я дал себе слово не питать и мысли о чужих краях, и точно, во все время пребывания моего в Петербурге, в продолжение целых семи лет не приходили мне никогда на мысли чужие края, покамест обстоятельства моего здоровья, некоторые огорчения и наконец потребность большего уединения не заставили меня оставить Россию.

Два раза я возвращался потом в Россию, один раз даже с тем, чтобы в ней остаться навсегда. Я думал, что теперь особенно, получивши такую страсть узнавать всё, я в силах буду узнать многое. Но, странное дело, среди России я почти не увидел России. Все люди, с которыми я встречался, большею частию любили поговорить о том, что делается в Европе, а не в России. Я узнавал только то, что делается в аглицком клубе, да кое-что из того, что я и сам уже знал. Известно, что всякой из нас

окружен своим кругом близких знакомых, из-за которого трудно ему увидеть людей посторонних. Во-первых, уже потому, что с близкими обязан быть чаще, а во-вторых, потому, что круг друзей так уже сам по себе приятен, что нужно иметь слишком много самоотверженья, чтобы из него вырваться. Все, с которыми мне случилось познакомиться, наделили меня уже готовыми выводами, заключениями, а не просто фактами, которых я искал. Я заметил вообще некоторую перемену в мыслях и умах. Всяк глядел на вещи взглядом более философическим, чем когда-либо прежде, во всякой вещи хотел увидеть ее глубокий смысл и сильнейшее значение, — движенье, вообще показывающее большой шаг общества вперед. Но с другой стороны, от этого произошла торопливость делать выводы и заключения из двух, трех фактов о всем целом и беспрестанная позабывчивость того, что не все вещи и не все стороны соображены и взвешены. Я заметил, что почти у всякого образовывалась в голове своя собственная Россия, и оттого бесконечные споры. Мне нужно было не того, мне нужно было просто таких

бесед, как бывали в старину, как всяк рассказывал только то, что видел, слышал на веку, и разговор казался собраньем анекдотов, а не рассуждением. Это мне нужно было уже и потому, что я и сам начинал невольно заражаться этой торопливостью<ю> заключать и выводить, всеобщим поветрием нынешнего времени.

Провинции наши меня еще более изумили. Там даже имя Россия не раздается на устах. Раздавалось, как мне показалось, на устах только то, что было прочитано в новейших романах, переведенных с французского. Словом — во всё пребыванье мое в России Россия у меня в голове рассеивалась и разлеталась. Я не мог никак ее собрать в одно целое; дух мой упадал, и самое желанье знать ее ослабевало. Но как только я выезжал из нее, она совокуплялась вновь в моих мы<сл>ях целой, желанье знать ее пробуждалось во мне вновь, и охота знакомиться со всяким свежим человеком, недавно выехавшим из России, становилась вновь сильна. Во мне рождалось даже уменье выпрашивать, и часто в

один час разговора я узнавал то, чего не мог, живя в России, узнать в продолжение недели. Всякий знает, что за границей знакомства делаются гораздо легче, что на водах в Германии и на зимовьях в Италии сходятся люди, которые, может быть, не столкнулись бы никогда внутри земли своей и оставались бы век неизвестными. Вот что заставило меня предпочесть пребывание вне России, даже и в отношении <к тому, чтобы> побольше слышать о России. Я очень долго думал о том, каким бы образом узнать многое, делающееся в России, живя в России. Разъездами по государству немного возьмешь, останутся в голове только станции да трактиры. Знакомства и в городах и деревнях тоже довольно трудны для разъезжающего не по казенной надобности, могут принять за какого-нибудь шпиона, и приобретешь разве только сюжет для комедии, которой имя бестолковщина. Если ж узнают, что разъезжающий есть и писатель вместе, тогда положение еще смешнее: половина читающей России уверена сурьезно, что я живу единственно для осмеянья всего, что ни есть в человеке, от головы до ног. А между

тем никогда еще до сих пор не чувствовал <я> так сильно потребность знать современное состояние нынешнего русского человека, — тем более, что теперь так разошлись все в образах мыслей, так вихорь недоразумений обурял всех, что никто не в силах судить верно друг друга, и нужно как бы щупать собственною рукою всякую вещь, не доверяя никому. Я не мог быть без этих сведений. Ныне избранные характеры и лица мое<го> соч<ине>ния крупней прежних. Чем выше достоинство взятого лица, тем ощутительней, тем осязательней нужно выставить его перед читателем. Для этого нужны все те бесчисленные мелочи и подробности, которые говорят, что взятое лицо действительно жило на свете. Иначе оно станет идеальным: будет бледно и, сколько ни навяжи ему добродетелей, будет всё ничтожно. Нужно, чтобы русский читатель действительно почувствовал, что выведенное лицо взято именно из того самого тела, с которого создан и он сам, что это живое и его собственное тело. Тогда только сливается он сам с своим героем и нечувствительно принимает от него те внушения, кото-

рых никаким рассуждением и никакою проповедью не внушишь. Это полное воплощение в плоть, это полное округление характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу в уме своем весь этот прозаический существенный дрызг жизни, когда, держа в голове все крупные черты характера, соберу в то же время вокруг его всё тряпье до малейшей булавки, которое кружится ежедневно вокруг человека, словом — когда соображу всё от мала до велика, ничего не пропустивши. У меня в этом отношении ум тот самый, какой бывает у большей части русских людей, то есть способный больше выводить, чем выдумывать. Мне всегда нужно было выслушать слишком много людей, чтобы образовалось во мне собственное мое мнение, и тогда только мое мнение находили здравым и умным. Когда же я не всех выслушаю и потороплюсь выводом, оно выходило только резко и необыкновенно. Даже в нынешней моей книге: Переписка с друзьями, в которой многое походит на одни предположения, собственно предположений нет. В ней всё выводы; но дело в том, что одни выводы взяты из всех сто-

рон дела и потому всем ясны, другие из некоторых, не всем известных, и потому темны, а для многих кажутся даже и вовсе нелепицей. Вот отчего в редком моем сочинении не встречается рядом и зрелость и незрелость, и муж и ребенок, и учитель и ученик.

Итак, всего того, что мне нужно, я не мог достать. А не доставши его, мудрено ли, что я не мог работать? Как воевать с собою, если сделался требователен к самому себе? Как полететь воображеньем, если б оно и было, если рассудок на всяком шагу задает вопрос: зачем? Зачем случились многие такие обстоятельства, которых я не призывал? Зачем мне определено было не иначе приобрести познание души человека, как произведя строгий анализ над собственной душою? Зачем желаньем изобразить русского человека я возгорелся не прежде, как узнавши получше общие законы действий человеческих, а узнал их не прежде, как пришедши к тому, кто один ведатель и действий человеческих и всех малейших наших душевных тайн?.. Зачем жажда знать душу человека так томила меня? За-

чем, наконец, были такие обстоятельства, о которых я не могу даже сказать, но которые заставляли меня, против воли моей собственной, входить глубже в душу человека? Зачем венцом всех эстетических наслаждений во мне осталось свойство восхищаться красотой души человека везде, где бы я ее ни встретил? Зачем жажда знать душу человека так томил меня постоянно от дней моей юности? Определите мне прежде, зачем всё это произошло, и тогда спрашивайте: зачем я не могу писать того, что писал? Я старался действовать наперекор обстоятельствам и этому порядку, не от меня начертанному. Я пробовал несколько раз писать по-прежнему, как писалось в молодости, то есть как попало, куда ни поведет перо мое; но ничто не лилось на бумагу. Обрадовавшись тому, что расписался кое-как в письмах к моим знакомым и друзьям, я захотел тотчас же из этого сделать употребление, и едва только оправился от тяжелой болезни моей, как составил из них книгу, постаравшись дать ей какой-то порядок и последовательность, <что>бы она походила на дельную книгу, не размысливши то-

го, что многое, обращенное к некоторым, общество примет на свой <счет>, особенно после завещанья, обращенного к лицу всех соотечественников. Я боялся сам рассмат<ривать> ее недостатки, а почти закрыл глаза на нее, зная, что если рассмотрю я построже мою книгу, может, она будет так же уничтожена, как я уничтожал Мертвые души и как уничтожал всё, что ни писал в последнее время. Я думал, что этой книгой я хоть сколько-нибудь заплачу за долгое мое молчание, введу и объясню мое трудное положение, почему я не мог писать в это время, обращаю внимание на практическое и на дело жизни. Я думал вслед ее заговорить о том, что раскроет предо мною побольше Русь, освежит, оживит меня и заставит меня взяться за перо. Не тут-то было: всё обрушилось на меня упреками. Я услышал только толки о том, что не решается толками. Руки мои опустились. Порыв, который, мне показалось, начал было во мне пробуждаться, погас, и я нечувствительно сам собой пришел теперь к тому вопросу, который я до сих пор и не думал еще задавать в себе: должен ли я в самом деле писать? должен ли я

оставаться на этом поприще, от которого в последнее время так явно меня всё отвлекало? Положим, если бы даже я в силах был как-нибудь победить <себя>, перо мое получило бы беглость и страницы полились непринужденно одна за другою — таково ли душевное состояние мое, чтобы сочиненья мои были действительно в это время полезны и нужны нынешнему обществу? Бросим взгляд на нынешнее состояние общества, благоприятно ли нынешнее время для писателя вообще и вслед за тем для такого писателя, как я?

Все более или менее согласились называть нынешнее время переходным. Все, более чем когда-либо прежде, ныне чувствуют, что мир в дороге, а не у пристани, не на ночлеге, не на временной станции или отдыхе. Всё чего-то ищет, ищет уже не вне, а внутри себя. Вопросы нравственные взяли перевес и над политическими, и над учеными, и над всякими другими вопросами. И меч и гром пушек не в силах занимать мир. Везде обнаруживается более или менее мысль о внутреннем строе-нии: всё ждет какого-то более стройнейшего

порядка. Мысль о строении как себя, так и других делается общеою. Со всеми замечательными, стоящими впереди других людьми случились какие-нибудь душевные внутренние перевороты, с иными даже в такие годы, в какие никогда невозможны были доселе перемены в человеке и улучшения. Всяк более или менее чувствует, что он не находится в том именно состоянии своем, в каком должен быть, хотя и не знает, в чем именно должно состоять это желанное состояние. Но это желанное состояние ищется всеми; уши всех чутко обращены в т<у> сторон<у>, где думают услышать хоть что-нибудь о вопросах, всех занимающих. Никто не хочет читать другой книги, кроме той, где может содержаться хотя намек на эти вопросы. Надобны ли в это время сочинения такого писателя, который одарен способностью творить, создавать живые образы людей и представлять ярко жизнь в том виде, как она представляется ему самому, мучимому жаждой знать ее? Определим себе прежде, что такое тот писатель, которого главный талант состоит в творчестве.

Все более или менее согласны в том, что писатель-творец творит творенье свое в поученье людей. Требования от него слишком велики — и справедливо: для того, чтобы передавать одну верную копию с того, что видим перед глазами, есть также другие писатели, одаренные иногда в высшей степени способностью живописать, но лишенные способности творить. Но кто создает, кто трудится над этим долго, кому приходится дорого его создание, тот должен уже потрудиться недаром. Нужно, чтобы в создании его жизнь сделала какой-нибудь шаг вперед и чтобы он, постигнувши современность, ставши в уровень с веком, умел обратно воздать ему за наученье себя наученьем его. Так, по крайней мере, определяют поэтов и вообще писателей, наделенных творчеством, эстетики как нынешнего времени, так и прежних времен. Возвратить людей в том же виде, в каком и взял, для писателя-творца даже невозможно: это дело сделает лучше его тот, кто, владея беглою кистью, может рисовать всякую минуту всё, что проходит пред его глазами, не мучимый и не тревожимый внутри ничем.

Стало быть, в нынешнее время, когда все так заняты вопросом жизни, такой писатель может, более чем кто-либо другой, быть разрешителем современных вопросов; но когда и в каком случае? В таком случае и тогда, когда уж он всё разрешил себе, что ни тревожит его самого. Если он, при всех великих дарах, при картинной живописи слова, при орлиной силе взгляда, при возносящей силе лиризма и поражающей силе сарказма, и приобретет полное познание земли своей и своего народа в корне и в ветвях, воспитается как гражданин своей земли и как гражданин всего человечества, и как кремень станет во всем том, в чем повелено быть крепку скале — человеку, тогда он выступай на поприще. Владея такими средствами, орудьями, станет подавать он обществу людей, потребных ему в нынешнее время, в современную эпоху и оденет их портретною живостью, которая делает <то, что> изображенный образ преследует нас повсюду так, что нельзя и оторваться. Разумеет<ся>, что с такими средствами ему ничего не будет стоить выгнать из голов всех тех ге-

роев, которых напустили туда модные писатели. Заговори только с обществом, наместо самых жарких рассуждений, этими живыми образами, которые, как полные хозяева, входят в души людей, и двери сердец растворятся сами навстречу к принятью их, если только почувствуют, хоть каплю почувствуют, что они взяты из нашей природы, из того же тела. Тогда, разумеется, кто может подействовать ныне сильнее такого писателя, и кто может быть более его нужным нынешнему времени и нынешней эпохе? Но если он, имея действительно некоторые из тех орудий, сам еще не воспитался так, как гражданин земли своей и гражданин всемирный, если он, покорный общему нынешнему влечению всех, сам еще строится и создается, тогда ему даже опасно выходить на поприще: его влиянье может быть скорей вредно, чем полезно. Это строенье себя самого непременно обнаруживается во всем, что ни будет выходить из-под пера его. Чем он сам менее похож на других людей, чем он необыкновеннее, чем отличнее от других, чем своеобразнее, тем больше может произвести всеобщих заблуждений и недоразу-

мений. То, что в нем есть не более, как естественное явление, законный ход его необыкновенного организма, состоянье временн<ое> духа, может показать<ся> другим людям верховною точкою, до которой следует всем дойти. Чем больше одушевится он любовью к героям и лицам своим, чем больше отделает, чем с большею живостью выставит их, тем больше вреда. Пример тому в глазах наших. Известная французская писательница, больше всех других наделенная талантами, в немного лет произвела сильнее измененье в нравах, чем все писатели, заботившиеся о развращении людей. Она, может быть, и в промышленности не имела проповедовать разврат, а обнаружила только временное заблужденье свое, от которого потом, может быть, и отказалась, переступивши в другую эпоху своего состояния душевного. А слово уже брошено. Слово как воробей, говорит наша пословица, выпустивши его, не схватишь потом. Я сам писатель, не лишенный творчества; я владею также некоторыми из тех даров, которые способны увлекать. Покорный, общему стремлению, которое не от нас, но совершается по во-

ле того <...>, [помышляю я] о своем собственном строении, как помышляют и другие. Я чувствую, что и теперь нахожусь далеко от того, к чему стремлюсь, а потому не должен выступать. Самая вышедшая книга Переписка с друзьями служит тому доказательством. Если и эта книга, которая не более, как рассуждение, говорят, неопределительностью своею производит заблуждения, распространяет даже ложные мысли; если и из этих писем, говорят, остаются в голове, как живые картины, целиком фразы и страницы, — что же было, если бы я выступил <с> живыми образами повествовательного сочинения вместо этих писем? Я сам слышу, что я тут гораздо сильнее, чем в рассуждениях. Теперь еще может меня оспаривать критика, а тогда вряд ли бы в силах был меня кто опровергнуть. Образы мои были соблазнительны и так бы заст<ряли> крепко в головы, что критика бы их оттуда не вытащила. Не нужно упускать того из виду, <что> все выставленные лица и характеры должны были доказать истину моих собственных убеждений. Как сравню эту книгу с уничтоженными мною Мертвыми ду-

шами, не могу <не> возблагодарить за насланное мне внушение <их> уничтожить. В книге моих писем я всё-таки стою на высшей точке, нежели в уничтоженных Мертвых душах. Темнота выражения во многих местах сбивает только читателя, но если бы пояснее выразил ту же самую мысль, со мною бы многие перестали спорить. В уничтоженных Мертвых душах гораздо больше выразалось моего переходного состояния, гораздо меньшая определительность в главных основаниях и мысль двигательней, а уже много увлекательности в частях, и герои были соблазнительны. Словом — как честный <человек>, я должен бы оставить перо, даже и тогда, если бы действительно почувствовал позыв к нему. На это дело следует взглянуть благоразумно. Все те, которые легкомысленно требуют от меня продолжения писать и в то же время бранят мою нынешнюю книгу, должны по крайней мере рассмотреть поближе всё это дело и не пропустить всех тех обстоятельств, которых не пропускает никакой судья, если только произносит над кем-либо суд свой. Мне кажется, что теперь не только тот,

кто пишет, но всякой ум вообще, если только наклонен к тому, чтобы делать выводы и заключения, а сам в то же время еще <...>, должен удержаться от деятельности. Из людей умных должны выступать на поприще только <те>, которые кончили свое воспитанье и создались как граждане земли своей, а из писателей только такие, которые, любя Россию так же пламенно, как тот, который дал себе названье Луганского козака, умеют по следам его живописать природу, как она есть, не скрывая ни дурного, ни хорошего в русском и руководствуясь единственно желаньем ввести всех в действительное положение русского человека.

Мне, верно, потяжелей, чем кому-либо другому, отказаться от писательства, когда это составляло единственный предмет всех моих <по>мышлений, когда я всё прочее оставил, все лучшие приманки жизни и, как монах, разорвал связи со всем тем, что мило человеку на земле, затем, чтобы ни о чем другом не помышлять, кроме труда своего. Мне не легко отказаться от писательства, одни из лучших

минут в жизни моей были те, когда я наконец клал на бумагу то, что выносилось долговременно в моих мыслях; когда я и до сих пор уверен, что едва есть ли высшее из наслаждений, как наслаждение творить. Но, повторяю вновь, как честный человек, я должен положить перо даже и тогда, если бы чувствовал позыв к нему.

Не знаю, достало ли бы у меня честности это сделать, если бы не отнялась у меня способность писать; потому что, — скажу откровенно, — жизнь потеряла бы для меня тогда вдруг всю цену, и не писать для меня совершенно значило то же, что не жить. Но нет лишений, во след которым нам <не> посылается замена, в свидетельство, что ни на малое время не оставляет человека создатель. Сердце ни на минуту не остается пусто и не может быть без какого-нибудь желанья. Как земля, на время освобожденная от пашни, износит другие травы, покуда вновь не обратится под пашню, оплодотворенная и удобренная ими, так и во мне, как только способность писать <меня оставила>, мысли как бы сами вновь

возвратились к тому, о чем я помышлял в самом детстве. Мне захотелось служить на какой бы ни было, хотя на самой мелкой и незаметной должности, но служить земле своей, так служить, как я хотел некогда, и даже гораздо лучше, нежели я некогда хотел. Мысль о службе меня никогда не оставляла. Я примирился и с писательством своим только тогда, когда почувствовал, что на этом поприще могу также служить земле своей. Но и тогда, однако же, я помышлял, как только кончу большое сочинение, вступить, по примеру других, в службу и взять место. Планы мои <и> виды были только горды и заносчивы. Мне казалось, что если только доказать, что я точно знаю русского человека в корне и в существенных его началах, как в тех, которые обнаружены всем, так равно и в тех, <которые> в нем покуда скрыты и видны не для всех, что знаю душу человека не по книгам и рассказам, но по опыту, влекомый от младенчества желаньем знать человека, — то мне дадут такое место, где я буду в соприкосновении с людьми разных сословий, с многими людьми в соприкосновении личном, а не по-

средством бумаг и канцелярий, где я могу употребить с действительной пользой мое знание человека и где могу быть полезным многим людям, а для себя самого приобрести еще большее познание человека. Мне казалось, что больше всего страждет всё на Руси от взаимных недоразумений, а что больше нам нужен всякой такой человек, который <бы> при некотором познании души и сердца и при некотором знании вообще, проникнут был желаньем истинным мирить. Я видел и уже испытал, как личным переговором и объяснением прекращать можно много таких <дел>, которые никогда не оканчиваются на бумаге. Я думал, что хоть теперь и нет таких мест, но что я получу после того, как выйдет вполне мое сочинение, и приготавливал уже в мыслях и самый проект, в котором намеревался изъяснить, как вследствие тех способностей, какие у меня есть, я могу быть нужен и полезен России. Замыслы мои были горды, но так как они были основаны только на успехе моего сочинения, то и упали вместе с тем, как оставила меня способность производить созданыя поэтические. Теперь все долж-

ности мне кажутся равны, все места равнозначительны, от малого до великого, если только на них взглянешь значительно. И мне кажется, что если только хотя сколько-нибудь умеешь ценить человека и понимать его достоинство, которое в нем бывает даже и среди множества недостатков, и если только при этом хоть сколько-нибудь имеешь истинно христианской любви к человеку и, в заключение проникнут точно любовью к России, — то, мне кажется, на всяком месте можно сделать много добра. Сила влияния нравственного выше всяких сил. Место и должность сделались для меня, как для плывущего по морю пристань и твердая земля.

Я убежден, что теперь всякому тому, кто пламенеет желаньем добра, кто русской и кому дорога честь земли русской, должно сейчас также брать многие места и должности в государстве, с такой же ревностью, как становился некогда из нас всяк в ряды противу неприятелей спасать родную землю, потому что неправда велика и много опозорила <...> С другой стороны я убежден, что место и

должность нужны для самого себя, для <...>

Как ни бурно нынешнее время, как ни мятутся и ни волнуются вокруг умы, как ни возмущает тебя собственный ум твой, — но можно остаться среди всего этого в тишине, если с тем именно возьмешь свое место, чтобы на нем исполнить долг таким образом, чтобы не стыдно было дать и за который дашь ответ небу. Как бы то ни было, но жизнь для нас уже не загадка. Она была тогда загадка, когда умнейшие из людей, <от> мыслителей до поэтов, над ней задумывались и приходили только к сознанию, что не знают, что такое жизнь. Но когда один всех наиумнейший, сказал твердо, не колеблясь никаким сомнением, что он знает, что такое жизнь, когда этот один признан всеми за величайшего человека из всех доселе бывших, даже и теми, которые не признают в нем его божественности, тогда следует поверить ему на слово, даже и в таком случае, если бы он <был> просто человек. Стало быть, вопрос решен: что такое жизнь.

Этого мало. Нам дан полнейший закон всех действий наших, тот закон, которого не может стеснить или остановить никакая власть, который можно внести даже в тюремные стены, но которого, однако ж, нельзя исполнять на воздухе: нужно для того стоять хоть на каком-нибудь земном грунте. Находясь в должности и на месте, все-таки идешь по дороге; не имея определенного места и должности, идешь через кусты и овраги, как попало, хотя и та же цель. По дороге идти легче, нежели без дороги. Если взглянешь на место и должность, как на средство к достижению не цели земной, но цели небесной, во спасенье своей души — увидишь, что закон, данный Христом, дан как бы для тебя самого, как <бы> устремлен лично к тебе самому, затем, чтобы ясно показать тебе, как быть на своем месте во взятой тобою должности. Христианину сказано ясно, как ему быть с высшими, так что если хотя немного он из того исполнит, все высшие его любят. Христианину сказано ясно, как ему быть с теми, которые его пониже, так что если хотя отчасти он это исполнит, все низшие ему предадутся

всею душой своей. Всю эту всемирность человеколюбивого закона Христова, всё это отношение человека к человечеству может из нас перенести всяк на свое небольшое поприще. Стоит только всех тех людей, с которыми происходят у нас частные неприятности наищекотливейшие, обратить именно в тех самых ближних и братьев, которых повелевает больше всего прощать и любить Христос. Стоит только не смотреть на то, как другие с тобою поступают, а смотреть на то, как сам поступаешь с другими. Стоит только не смотреть на то, как тебя любят другие, а смотреть только на то, любишь ли сам их. Стоит только, не оскорбяс<ь> ничем, подавать первому руку на примиренье. Стоит поступать так в продолжение небольшого времени, и увидишь, что и тебе легче с другими, и другим легче с тобою, и в силах будешь точно произвести много полезных дел почти на незаметном месте. Трудней всего на свете тому, кто не прикрепил себя к месту, не определил себе, в чем его должность: ему трудней всего применить к себе закон Христов, который на то, чтобы исполняться на земле, а не на возду-

хе; а потому и жизнь должна быть для него вечной загадкой. Пред ним узник в тюрьме имеет преимущество: он знает, что он узник, а потому и знает, что брат из закона. Пред ним нищий имеет преимущество: он тоже при должности, он нищий, а потому и знает, что брат из закона Христова. Но человек, не знающий, в чем его должность, где его место, не определивший себе ничего и не остановившийся ни на чем, пребывает ни в мире, ни вне мира, не узнает, кто ближний его, кто братья, кого нужно любить, кому прощать. Весь мир не полюбишь, если не начнешь прежде любить тех, которые стоят поближе к тебе и имеют случай огорчить тебя. Он ближе всех к холодной черствости душевной.

Итак, после долгих лет и трудов, и опытов, и разм<ышлений>, идя видимо вперед, я пришел к тому, о чем уж<е> помышлял во время моего детства: что назначенье человека — служить и вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято место в земном государстве затем, чтобы служить на нем государю небесному и потому иметь в ви-

ду его закон. Только так служба, можно уго-
дить всем: государю, и народу, и земле своей.

Уверившись в этом, я уже готов был тогда
взять всякую должность, хотя, соображаясь с
своими способностями, старался выбрать та-
кую, которая продолжала бы практически
знакомить с русским человеком, чтобы, если
возвратится мне способность писать, набра-
лись бы у меня материалы. Одной из главных
причин моего путешествия к святым <ме-
стам> было желанье искреннее помолиться и
испросить благословений на честное испол-
нение должности, на вступленье в жизнь, у
самого того, кто открыл нам тайну жизни, на
том самом месте, где некогда проходили сто-
пы его; поблагодарить за всё, что ни случи-
лось в моей жизни, испросить деятельности и
напутственного освежения на дело, для кото-
рого я себя воспитывал и к которому приго-
товлял себя. Тут я не нахожу ничего странно-
го, если и ученик, по окончании своего <уче-
нья>, спешит сказать благодарственное слово
учителю. Если сын спешит на могилу отца пе-
ред тем, как предстоит ему поприще, — поче-

му же и мне не поклониться той могиле, которой поклоняются все, на которой все получают себе какое-нибудь напутствие, где вдохновляются все, даже и не поэты? Странно, может <быть>, то, что я об этом сказал в печатной книге. Но я в то время только что оправился от тяжелой болезни. Я был слаб; я не думал, что я буду в силах совершить это путешествие. Мне хотелось, чтобы помолились <обо> мне те, которых вся жизнь стала одно<ю> молитвой. Я не знал, как сделать, чтобы голос мой достигнул в глубину келий и стен затворников, в мысли, что авось кто-либо из прочитавших донесет им мое слово. Я просил обо мне и других молиться, потому что не знал, чья молитва из нас угодней тому, кому мы все молимся. Знаю только то, что наименее презренный из нас может завтра же сделаться лучше всех нас, и его молитва будет всех ближе к богу. За это не следовало бы меня много осуждать, а выполнить, помня слова: просящему дай.

Как случилось, что я должен обо всем входить в объяснения с читателем, этого я сам не

могу понять. Знаю только то, что никогда, даже с наискреннейшими приятелями, я не хотел изъясняться насчет сокровеннейших моих помышлений. Я решился твердо не открывать ничего из душевной своей истории, выносить всякие заключения о себе, какие бы ни раздавались, в уверенности, что когда выйдет второй и третий том Мертвых душ, всё будет объяснено ими и никто не будет делать запроса: что такое сам автор? хотя автор и должен был весь спрятаться за своих героев. Но, начавши некоторые объяснения по поводу моих сочинений, я должен был неминуемо заговорить о себе самом, потому что сочиненья связаны тесно с делом моей души, Бог весть, может быть, и в этом была также воля того, без воли которого ничто не делается на свете; может быть, произошло это именно затем, чтобы дать мне возможность взглянуть на себя самого. Мне легко было почувствовать некоторую гордость, особенно после того, <как> удалось мне действительно избавиться от многих недостатков. Эта гордость во мне бы жила беспрестанно, и ее бы мне никто не указал. Известно, что достаточно

приобрести в обращениях с людьми некоторую ровность характера и снисходительность, чтобы заставить их уже не замечать в нас наших недостатков. Но, когда выступишь перед лицом незнакомых людей, перед лицом всего света, и разберут по нитке всякое твое действие, всякой поступок, и люди всех возможных убеждений, предубеждений, образов мыслей взглянут на тебя каждый по-своему, и посыплются со всех сторон упреки впопад и не впопад, ударят и с умыслом, и невзначай по всем чувствительным струнам твоим, — тут поневоле взглянешь на себя с таких сторон, с каких бы никогда на себя не взглянул; станешь в себе отыскивать тех недостатков, которых никогда бы не вздумал прежде отыскивать. Это та страшная школа, от которой или точно свихнешь с ума, или поумнееешь больше, чем когда-либо. Не без стыда и краски в лице я перечитываю сам многое в моей книге, но при всем том благодарю бога, давшего мне силы издать ее в свет. Мне нужно было иметь зеркало, в которое бы я мог глядеться и видеть получше себя, а без этой книги вряд ли бы я имел это зеркало. Итак, за-

мышленная от искреннего желания принести пользу другим книга моя принесла прежде всего пользу мне самому.

Но да позволено мне будет сказать здесь несколько слов относительно полезности ее другим. Точно ли бесполезна моя книга другим и особенно обществу в его нынешнем, современном виде? Мне кажется, все судившие ее взглянули на нее какими-то широкими <глазами>, как-то уже слишком сторяча. Нужно было судить о ней похладнокровнее. Вместо того, чтобы выступать ратниками за всё общество и вызывать меня на суд перед всю Россию, нужно было рассмотреть дело проще, рассмотреть книгу, что такое она в своем основании, а не останавливаться над частями и подробностями прежде, чем объяснился вполне внутренний смысл ее. От этого вышли пустые придирки к словам и приписанье многому такого смысла, который мне никогда и в ум, не мог придти.

Начать с того, что я всегда имел право сказать о том, о чем говорил в моей книге, если

бы только выразился попроще и попримечнее. Учить общество в том смысле, какой некоторые мне приписали, я вовсе не думал. Учить я принимал в том простом значении, в каком повелевает нам церковь учить друг друга и беспрестанно, умея с такой же охотой принимать и от других советы, с какой подавать их самому. А я был готов в то время принимать и от других советы. Я не представлял себе общества школой, наполненной моими учениками, а себя его учителем. Я не всходил с моей книгой на кафедру, требуя, чтобы все по ней учились. Я пришел к своим братьям, соученикам, как равный им соученик; принес несколько тетрадей, которые успел записать со слов того же учителя, у которого мы все учимся; принес на выбор, чтобы всяк взял, что кому придется: Тут были письма, писанные к людям разных характеров, разных склонностей, и притом находившимся на разных степенях своего собственного душевного состояния, которые никак не могли прийтись ровно всем. Я думал, что каждый схватит только, что нужно ему, а на другое не обратит внимания. Я не думал, что иной, схвативши

то, что нужно для другого, будет кричать: “Это мне не нужно!” — и сердиться за то. Я никакой новой науки не брался проповедать. Как ученик, кое в чем успевший больше другого, я хотел только открыть другим, как полегче выучивать уроки, которые даются нам нашим учителем. Я думал, что, при прочтении книги, будет мне сказано: “Благодарю тебя, собрат”, а не: “Благодарю тебя, учитель”. Если бы не завещание, которое я поместил довольно неосторожно, в котором намекал о поученьи, которое обязан дать всяк автор поэтическими созданьями своими, никто бы и не вздумал мне приписывать этого апостольства, несмотря даже на решительный слог и некоторую лирическую торжественность речи. Но в книге моей отыщет много себе полезного всяк тот, кто уже глядит в собственную душу свою.

Что же касается до мненья, будто книга моя должна произвести вред, с этим не могу согласиться ни в каком случае. В книге, несмотря на все ее недостатки, слишком явно выступило желанье добра. Несмотря на мно-

гие неопределительные и темные места, главное видно в ней ясно, и после чтения ее приходишь к тому же заключению, что верховная инстанция всего есть церковь и разрешение вопросов жизни в ней. Стало быть, во всяком случае, после книги моей читатель обратится к церкви, а в церкви встретит и учителей церкви, которые укажут, что следует ему взять из моей книги для себя, а может быть, дадут ему, наместо моей книги, другие познательнее, полезнее и для которых он оставит мою книгу, как ученик бросает склады, когда выучится читать по верхам.

В заключении всего я должен заметить: суждения больш<ею> частью были слишком уж решительны, слишком резки, и всяк укоровший меня в недостатке смирения истинного, не показал смирения относительно меня самого. Положим, я в гордости своей, основавшись на многих достоинствах, мне приписанных всеми, мог подумать, что я стою выше всех и имею право произносить <суд> над другим. Но, на чем основываясь, мог судить меня решительно тот, кто не почувствовал,

что он стоит выше меня? Как бы то ни было, но чтобы произнести полный суд над чем бы то ни было, нужно <быть> выше того, которого судишь. Можно делать замечанья по частям на то и на другое, можно давать и мненья, и советы, но выводы <ть>, основываясь на этих мненьях, обо всем человеке, объявлять его решительно помешавшимся, сошедшим с ума, называть лжецом и обманщиком, надевшим личину набожности, приписывать подлые и низкие цели — это такого рода обвинения, которых я бы не в силах <был взвести> даже <на> отъявленного мерзавца, который заклеимен клеймом всеобщего презрения. Мне кажется, что прежде, чем произносить такие обвинения, следовало бы хоть сколько-нибудь содрогнуться душою и подумать о том, каково было бы нам самим, если бы такие обвинения обрушились на нас публично, в виду всего света. Не мешало бы подумать прежде, чем произносить такое обвинение: “Не ошибаюсь ли я сам? Ведь я тоже человек. Дело здесь душевное. Душа человека — кладезь, не для всех доступный иногда, и на видимом сходстве некоторых признаков

нельзя основываться. Часто и наискуснейшие врачи принимали одну болезнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разр<ез>ывали уже мертвый труп”. Нет, в книге: Переписка с друзьями — как ни много недостатков во всех отношениях, но есть также в ней много того, что не скоро может быть доступно всем. Нечего утверждаться на том, что прочел два или три раза книгу, иной и десять раз прочтет, и ничего из этого не выйдет. Для того, чтобы сколько-нибудь почувствовать эту книгу, нужно иметь или очень просту<ю> и добрую душу, или быть слишком многосторонним человеком, <который> при уме, обнимающем со всех сторон, заключал бы высокий поэтический талант и душу, умеющую любить полною и глубокою любовью.

Не могу не признаться, что вся эта путаница и недоразумение было для меня очень тяжело, — тем более, что я думал, что в книге моей скорей зерно примиренья, а не раздора. Душа моя изнемогла бы от множества упреков, из них многие были так страшны, что не

дай их бог никому получать. Не могу не изъяснить также и благодарности тем, которые могли бы также осыпать меня за многое упреками, но которые, почувствовав, что их уже слишком много для немощной природы человека, рукой скорбящего брата приподняли меня, повелевши ободриться. Бог да вознаградит их: я не знаю выше подвига, как подать руку изнемогшему духом.

УЧЕБНАЯ КНИГА СЛОВЕСНОСТИ ДЛЯ РУССКОГО ЮНОШЕСТВА НАЧЕРТАНИЕ Н. ГОГОЛЯ

ПРОСПЕКТ

В двух больших томах: в первом — часть по-
этическая, во втором часть прозаическая.
Каждый том состоит из двух половин: в пер-
вой половине изложение правил, или теория,
во второй — примеры. Первая половина, то
есть правила, должна быть напечатана
большими четкими литерами сплошь, не
разделяя на столбцы, с широким бордюром
вокруг, дабы не слишком велика была квад-
ра, — с пробелами и расстановка<ми>; вторая
же половина, или примеры, должна быть на-
печатана тесно в два столбца мелким шриф-
том и вокруг, вместо бордюра, одна тонень-
кая линеечка или черта. Заглавия те же и в
правилах и в примерах, и должны быть зану-
мерованы теми же номерами, — дабы вдруг
можно было, по прочтении правила, найти

ему соответствующие и принадлежащие приме<ры>.

О НАУКЕ.

Наука у нас еще не разрабатывается как полное целое. Еще не думают о совокуплении ее в цельное крепкое ядро. В трудах наших ученых также раздаются не переварившиеся европейские мнения, и такими же торчат яркими заплатами их собственные мысли, как всё это раздается в наших гостинных спорах и разговорах: всего нанесено и всё не переварилось. А между тем только в одной русской голове (если только эта голова устоялась) возможно создание науки как науки, и русской ум войдет в сок свой. Наука, окинута русским взглядом, всезирающим, расторопным, отрешившимся от всех сторонних влияний, ибо русский отрешился даже от самого себя, чего не случалось доселе ни с одним народ<ом>. Немцу, о чем бы он ни говорил, не отрешиться от немца; французу, о чем бы он ни говорил, во всех его мненьях и словах будет слышен француз; англичанину и подавно, более всех нельзя отделиться от своей природы. Стало быть, полное беспристрастие воз-

можно только в русском уме, и всесторонность ума может быть доступна одному только русскому, разумеется, при его полном и совершенном воспитании. К этому нужно при-совокупить нашу способность схватывать живо малейшие оттенки других наций и, наконец, живое и меткое наше слово, не описывающее, но отражающее, как в зеркале, предмет. Наука у нас непременно дойдет до своего высшего значения и поразит самым существом, а не краснобайством преподавателя, его даром рассказывать, или же применениями к тому, что интересуется моды, и всякими другими нарумяниваниями и подслащиваниями, которыми стараются сделать <науку> удобопроглотимую. Она поразит своим живым духом, из нее же исходящим, и сим только станет доступною всем: и простолюду<иму>, и не простолюдиму. Ее сила будет в ее многозначительном краткословии, а краткословья этого, сколько мне кажется, не добыть никому из народов, кроме русского, ибо сама природа наша требует его. Нам не нужно то постепенное, медленное развитие мыслей, не прерывающий<ся> исход и вывод

одного из другого, без которого немец не ступит шага и не пойдет по дороге. У нас, напротив, всякий сучает, начиная от образованного до простолюдима, когда ему дается слишком долгая инструкция и толкуют то, что он и сам уже смекнул, и не можем идти шаг за шагом, так, как идет немец. Отсюда неуспех всякого изложения науки ходом немецкой философии. Проследи лучше наш ученый сам в себе науку, прежде чем стал ее проповедать, проживи как в беседе с нею, как монах живет с богом, наложив молчание на уста свои. И когда уже совокупилась в тебе самом наука в одно крепкое ядро, и содержишь ее в голове всю в неразрушаемой связи, — тогда можешь проповедывать ее. И нечего уже тогда плестись: не бойсь, нити не потеряешь, когда она в голове. Несись ровными и мерными скачками, не усиливая и не замедляя, борзо, как добрый ямщик, который ни лошадей не горячит, ни сам не горячится, несется не подлой рысцой, не во всю прыть, не сломя голову, а тем веселящим сердце лѐтом, с каким начал дорогу, и прилетает на станцию, не заморив коней, ни себя самого. Иной езды мы

не любим. Смело поступи, как наш сказочный конь: мелкие кусты и травник промеж ног пропускает. Не заботься, тебя поймут. Сметливость — наше свойство, и у нас давно живет пословица: умный поп хоть губами шевели, а мы, грешные, догадываемся.

ЧТО ТАКОЕ СЛОВО И СЛОВЕСНОСТЬ.

Говорится всё, записывается немного, и только то, что нужно. Отсюда значительность литературы. Всё, что должно быть передано от отцов к сыновьям в научение, а не то, что болтает ежедневно глупый<?> человек, то должно быть предметом словесности. Поэтому только тот, кто больше, глубже знает какой-либо предмет, кто имеет сказать что-либо новое, тот только может быть литератором. Поэтому злоупотребление, если кто пишет без надобности или потребности внутренней передать свои <...>, кто пишет только затем, <...>

Поэтому для того, чтобы писать, нужно иметь или очень много сведений и познаний не общих всем, тогда писанья его будут при-

надлежать к области науки, или же изобилие ощущений и опытности, тогда он поэт, и его произведения принадлежат области поэтической.

Тому и другому необходима способность воображать и живо представлять себе предмет, о котором говорит.

Письменностью или словесностью называют сумму всего духовного образования человека, которое передано было когда-либо словом или письмом. Но в самом деле словесность не есть сумма всех познаний человеческих. Она не есть также сама в себе что-либо существенное. Она есть только образ, которым передает человек человеку всё им узнанное, найденное, почувствованное и открытое, как в мире внешних явлений, так и в мире явлений внутренних, происходящих в собственной душе его. Ее дело в том, чтобы передать это в виде яснейшем, живейшем, способном остаться навеки в памяти.

Открыть тайны такого живого передава-

ния занимается наука словесности. Но научить этой тайне не может наука словесности никого, так же как никакой науке и никакому искусству нельзя научиться в такой степени, чтобы быть мастером, а не ремесленником, — если не даны к тому способности и орудия в нас самих. Но при всем том наука словесности [так же нужна], как для всякого другого знания нужна наука. Нужно для того, чтобы ввести в сущность дела, показать, в чем дело, дабы если точно есть в нас способности, силы, — навести их на путь, вдвинуть их в надлежащую колею; дабы, как по углаженной дороге, быстрее устремилось б<ы> их развитие. Если ж нет способностей, то чтобы знал учащи<йся>, чего требует предмет этот, — видел бы всю великость того, чего он требует, и не отважился бы вслед за другими принимать<ся> за ее роды высокие или же просто не свойственные его свойству, а выбрал бы оружие по руке. Ибо словесность обширна, объемлет всё, и нет человека, который не был бы способен для какого-нибудь ее рода, если только есть в голове его рассудок и может он о чем-нибудь порядочно размыс-

ЛИТЬ.

Есть два языка словесности, две одежды слова, два слишком отличных рода выражений: один слишком возвышенный, весь гармонический, который не только живым, картинным представлением всякой мысли, самыми чудными сочетаниями звуков усиливает силу выражений и тем живей выдает жизнь всего выражаемого, — род, доступный весьма немногим и сим даже немногим доступный только в минуты глубоко растроганного <со>стояния душевного настроения чувств, называемый поэтическим, высшим языком человеческим, или, как называли все народы, языком богов; — и другой, простой, не ищущий слишком живых образов, картинности выражения, ни согласных сочетаний в звуках, предающий<ся> естественному ходу мыслей своих в самом покойном расположении духа, в каком способен находиться всякий, — род прозаический. Он всем доступный, хотя между тем может неприметно возвыситься до поэтического состояния и гармонии, по мере, как доведется к такому растро-

ганному настроению душевному, до которого также может достигнуть всякий человек в душевные, истинные минуты. Само собою разумеется; что как в том роде, так и в этом есть тысячи оттенков и ступеней, высших и низших, из которых одни даются в удел только необыкновенным гениям, другие — счастливым талантам и наконец третьи — почти всем сколько-нибудь способным людям. Само собою также разумеется, что иногда тот и другой род врываются в пределы друг друга, и то, что иногда поэзия может снисходить почти до простоты прозаической и проза возвышаться до величия поэтического. Но тем не менее они составляют два отдельные рода человеческой речи. Отдел этот слишком яствен и резок. Слова поэзия и проза произносятся в таком же противуречащем друг другу значении, как слова день и ночь.

О ПОЭЗИИ.

Родник поэзии есть красота. При виде красоты возбуждается в человеке чувство хвалить ее, песнословить и петь. Хвалить такими словами, чтобы и другой почувствовал красоту им восхваляемого. Поэт только тот,

кто более других способен чувствовать красоту творения. Потребность поделиться своими чувствами воспламеняет его и превращает в поэта. Двумя путями передает он другим ощущения: или от себя самого лично, — тогда поэзия его лирическая; или выводит других людей и заставляет их действовать в живых примерах, — тогда поэзия его драматическая и повествующая. Третий род — так называемый описательный, или дидактический, может входить равно в оба рода, но не есть сам по себе путь, которым передает свои впечатления поэт.

О ПОЭЗИИ ЛИРИЧЕСКОЙ.

Поэзия лирическая есть портрет, отражение и зеркало собственных высших движений души поэта, его самонужнейшие заметки, биография его восторгновений. Она есть, начиная от самых высших до самых низших ее родов, ничто иное, как отчет ощущений самого поэта. Гремит ли он в оде, поет ли в песне, жалуется ли в элегии, или же повествует в балладе, повсюду высказывает личные тайны собственной души поэта. Словом, она есть чистая личность самого поэта и чистая правда.

Ложь в лирической поэзии опасна, ибо обличит себя вдруг надутостью: тот, кто имеет чутье поэта, в миг ее услышит и называет лжецом надевшего маску поэта. Она обширна и объемлет собою всю внутреннюю биографию человека, начиная от его высоких движений, в оде, и до почти прозаических и чувственных в мелком антологическом стихотворении, в котором он желает отыскать сторону поэтическую.

ОДЫ, ГИМНЫ И ЛИРИЧЕСКИЕ ВОЗЗВАНИЯ.

Ода есть высочайшее, величественнейшее, полнейшее и стройнейшее из всех поэтических созда<ний>. Ее предметом может послужить только одно высокое: ибо одно высокое может, только внушить душе то лирическое, торжественно <е> настроение души, какое для нее нужно и без какого не произвести оды поэту, как бы велик он ни был. Посему и предмет од или сам источник всего — бог или то, что слишком близко высокою чувств своих к божественному. Нужно слишком быть проникнуто святыней предмета, нужно долго носить в себе самом высокий предмет, срод-

ниться с ним, облагодухать<ся> им самому, — дабы быть в силах произвести оду. Минутное же восторжение святыней предмета может произвести гимн, а не оду. Ода требует высокого торжес<твенного> спокойствия, а не порыва. Она не летит вверх, как гимн, но как бы пребывает вся на равной высоте, паря, а не улетая. И потому всегда в равносильных и равномерных строфах и при свободе своей сохраняет в себе строгий порядок. Гимн не имеет тех качеств. Он есть первое изливание чувств<в>, которые просятся из души внаружу. Он беспорядочен, как самые сильно возбужденные в нас чувства, которые стремятся только поскорей выразиться, не думая о том, откуда и с чего приличнее начать: и начинается он и оканчивается, где ему вздумается, имея вожатаем одно вдохновение, которое внушило поэту на ту пору обнявшее его чувство. Он редко сдерживает себя границами размеренных строф, но льется бесстрофно, быстро, как ручьи возбужденных чувств, и прекращается вдруг, неожиданно, быстро. Поэтому это изливание благодарения душевного чаще всего его предмет, или же восхваление

того, что возбудило в нем такое чувство. Гимн и восхваленье почти синонимы. Есть еще род лирических стихотворений, которые составляют средину между одой и гимном: толь <ко> приобретают некоторый порядок размеренные строфы и некоторое спокойствие, хотя не имеют еще той великой полноты и просторной рамы, какая принадлежит оде. Тогда их называют поэты стансами, то есть просто строфами. Наконец есть еще род, уступающий всем трем в полноте, который можно назвать лирическими воззваниями, которые заключают в себе как бы один только клич, вопль, возглас, приглашение или крик, возбуждающий к чему-либо других. Он бывает быстр, краток, но тем не менее возвышен, иногда даже слишком высок своею лаконичскою силою, и чрез то имеет право причисляться к высокому лирическому роду, становясь наряду с одой.

ПЕСНЯ.

Песня составляет самый богатейший отдел поэзии у народов славянских. Преобладание поэтического элемента в глубине славянской души и особенное мелодическое расположе-

ние нашего языка были причиною происхождения бесчисленного множества песен в нашей словесности, которые уже и вдревле, когда слова не записывались и словесность, не переходя в письменность, оставалась в буквальном смысле словесностью, составляли наше достояние. Впоследствии, когда более и более наши поэты стали входить в развитие собственного поэтического духа, песня явилась как необходимое выражение всех тех впечатлений, которые обнимали душу самого поэта, пробуждали в нем лирическое чувство. Она сделалась как бы историей поэтических ощущений поэта, которые слишком нежны для оды и не восходят до той превыспренности, но зато ощущаются гораздо чаще, нежели те, которые служат предметом оды. А потому редкий из наших поэтов не оставил прекрасных образцов, не говоря уже о Пушкине, который является как царь в средине этой области и которого всякое лирическое сочинение, как только появлялось в свет, в тот же миг перекладывалось на музыку и распевалось от необыкновенного обилия мелодии в звуках. Жуковский, Батюшков, Капнист,

Нелединский-Мелецкий, Языков, Козлов, Баратынский, Туманский, Лермонтов подарили поэзию нашу множеством самых мелодических песен. Песня обнимает всё: все чувства и ощущения жизни, и потому может делиться на множество разных родов; может изображать уединен<ие>, внутренние движения и поэтические мечты поэта, может выражать страсть и любовь, может быть застольной, и выражать веселье души и грусть; может изображать картину или состояние другого, как в романсе, переходя от дифирамба до тихой элегической задумчивости. Словом, всё что ни приводит к настроен<ному> состоянию дух, есть уже ее предмет, хотя это не есть та величаяя, высокая восторженность, как в оде, возвышенная уже самым величием взятого предмета. В песне восторг как бы утишенный, — это ликование духа уже после самого дела, или случившего<ся> велик<ого> восторг<а>, празднество во время отдыха. Как бы позабыв самый предмет своей радости, поющий хочет потеряться в гармонических звуках. Посему в песне почти музыкальная стройность строф, уместные повторения и

счастливые возвращения к тому же составля-
ют необыкновенную прелесть песни. Ее стро-
фы гораздо короче, нежели строфы оды. Стро-
фы длинные или тяжеловесные ей не при-
личны: чрез это песня будет не удобна для пе-
нья. Она никак тоже не должна быть и длин-
на, потому что и впечатленья все быстры.

Сочиняющий песню должен как бы слы-
шать в то же время ее внутреннюю музыку,
дающую тайный размер и стихам и строфам.
Лучшие песни сочинялись в самую минуту
пляски, пиршества и вызывались ударом
смычка, свистом волынки, звоном стаканов,
мерным ударом стоп. От этого они получают
то невыразимо-мелодическое свойство зву-
ков, составляющее такую прелесть в песнях
народных.

Самые поэтические мечты и нежные внут-
ренние изгибы души своей тогда выражались
хорошо и были достойны песни, когда они не
мечтались в его воображении, а как бы пе-
лись в самой душе поэта.

ЭЛЕГИЯ.

Элегия есть как бы покоенное изложение чувств, постоянно в нас пребывающих, не тех великих и сильных, которые пробуждаются в нас мгновенно при воззрении на предметы великие, не тех, которые, подобно святыне, сохранно пребывая в глубине души, стремят на великие подвиги человека, — но тихих, более ежедневных, более дружных с обыкновенным состоянием человека. Это сердечная история — то же, что дружеское откровенное письмо, в котором выказываются сами собою излучины и состояния внутренние души. В сравнении с одой и гимном она слишком отступила далеко в лиризме. Лирический свет ее перед светом гимна, что свет луны перед солнцем. Ее бы можно было назвать дидактич<еским> и описательным сочинением, если бы она не была изливанием умягченного и слишком нежного состояния души, подвинутого на тихую исповедь, которая не может излиться без душевно<й> лирической теплоты. Всё в ней тихо. Что взывает как бы громом гремящего оркестра в оде, поется в песне, — в ней произносится речитативом. Подобно сердечному письму, <она> может быть и коротка

и длинна, скупа на слова и неистоцимо говорлива, может обнимать один предмет и множество предметов, по мере того, как близки эти предметы ее сердцу. Чаще всего носит она одежду меланхолическ<ую>, чаще всего в ней слышатся жалобы, потому что обыкновенно в такие минуты ищет сердце высказаться и бывает говорливо.

<ДУМА.>

Дума есть род стихотворений, не заимствованный ниоткуда, но образовавшийся у славян. Песни северных конунгов имеют с ней некоторое сходство. Она не есть баллада, которой содержанием избирают<ся> таинственные поэтические предания, неясные, шевелящие и пугающие воображение явления. В ней ничего нет такого, что бы было необъясненно, неопределенно и заманивало бы самой поэтической своею неопределенностью. Напротив, в ней всё определено и ясно. Ее предмет — происшествие истинно историческое, действительно бывшее, или же предание, так живо хранящееся в народе, что сама история внесла его в свои страницы. Думы могут быть только об одних исторических ли-

цах. Этот род можно бы скорее причислить к сочинениям повествовательно-драматическим, если бы думы не распевались, подобно песням, нашими старцами слепцами, хотя и речитативом, и если бы не писались мерными строфами, среди которых многие есть отзывные и повторяющие, дающие гармоническое округление пиесе — свойство, составляющее неизъяснимую прелесть песни.

ПОЭЗИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ИЛИ ДРАМАТИЧЕСКАЯ.

Поэзия повествовательная, в противоположность лирической, есть живое изображение красоты предметов, движения мыслей и чувств вне самого себя, отдельно от своей личности, до такой степени, что чем более автор умеет отделиться от самого себя и скрыться самому за лицами, им выведенными, тем больше успевает он и становится сильнее и живей в этой поэзии; чем меньше умеет скрыться и воздержаться от вмешиванья своей собственности, тем более недостатков в его творении, тем он бессильней и вялее в своих представлениях. Значительность поэзии повествовательной или драматической увели-

чивается по мере того, когда поэт стремится доказать какую-нибудь мысль и, чтобы развить эту мысль, призывает в действие живые лица, из которых каждое своей правдивостью и верным сколком с природы увлекает внимание читателя и, разыгрыва<я> роль свою, ему данную автором, служит к доказательству его мысли. По мере того, чем совершается это естественней, и всё происшествие кажется живым, естественным случаем, недавно случившимся, — между тем как внутренне двигнуто глубоким логическим выводом ума. Тогда сочинение живое, драматическое, кипящее пред очами всех становится с тем вместе в высшей степени дидактическое и есть верх творчества, доступного одним только великим гениям.

Значительность поэзии драматической или повествов<ательной> уменьшается по мере того, как автор теряет из виду значительную и сильную мысль, подвигающую его на творчество, и есть простой списыватель сцен, перед ним происходящих, не приводя их в доказательство чего-нибудь такого, что

нужно сказать свету. Тогда значительность самого происшествия им управляет, и он получает только от него свою значительность, хотя она и не в нем, но в происшествии, а достоинство его в чутье и умение выбрать происшествие.

Пространство и пределы этой поэзии драматически-повествовательной велики. Она объемлет в себе бесчисленные роды, начиная с самых величайших: эпопеи и драмы — до самых мелких: басни или притчи.

ЭПОПЕЯ.

Величайшее, полнейшее, огромнейшее и многостороннейшее из всех созданий драматическо-повествовательных есть эпопея. Она избирает в героя всегда лицо значительное, которое было в связях, в отношениях и в соприкосновении со множеством людей, событий и явлений, вокруг которого необходимо должен созидаться весь век его и время, в которое он жил. Эпопея объемлет не некоторые черты, но всю эпоху времени, среди которого действовал герой с образом мыслей, верований и даже познаний, какие сделало в то вре-

мя человечество. Весь мир на великое пространство освещается вокруг самого героя, и не одни частные лица, но весь народ, а и часто и многие народы, совокупясь в эпопею, оживают на миг и восстают точно в таком виде перед читателем, в каком представляет только намеки и догадки история. Поэтому-то эпопея есть создание всемирное, принадлежащее всем народам и векам, долговечнейшее, не стареющееся и вечно живое, и потому вечно повторяющееся в устах. — Высокое совершенство всех качеств нужно соединить в себе поэту сверх высочайшего гения. Посему явления эти слишком редки в мире и, кроме одного Гомера, то есть кроме двух эпопей Илиады и Одиссеи, вряд ли есть другие, вполне вмещающие в себе ту полноту, видимость и многосторонность, какой требует эпопея. Сравнив с Гомером всех других эпиков, видим только, как входят они в частности, и, несмотря даже на явное желание захватить и объять много, стесняют пределы свое^{го} значень^я, всемирное уходит у них из вида, и эпопея превращается даже в явление частное. С тем вместе пропадает и та величаявая безыс-

кусственная простота, которая является у великого патриарха всех поэтов так, что весь погаснувший древний мир является у него в том же сиянии, освещенный тем же солнцем, как бы не погасал вовсе, дабы сохраниться навеки живым в памяти всего человечества.

МЕНЬШИЕ РОДЫ ЭПОПЕИ.

В новые веки произошел род повествовательных сочинений, составляющих как бы средину между романом и эпопеей, героем которого бывает хотя частное и невидное лицо, но однако же значительное во многих отношениях для наблюдателя души человеческой. Автор ведет его жизнь сквозь цепь приключений и перемен, дабы представить с тем вместе вживе верную картину всего значительного в чертах и нравах взятого им времени, ту земную, почти статистически схваченную картину недостатков, злоупотреблений, пороков и всего, что заметил он во взятой эпохе и времени достойного привлечь взгляд всякого наблюдательного современника, ищущего в былом, прошедшем живых уроков для настоящего. Такие явления от времени до времени появлялись у многих народов. Мно-

гие из них хотя писаны и в прозе, но тем не менее могут быть причислены к созданиям поэтическим.

Всемирности нет, но есть и бывает полный эпический объем замечательных частных явлений, по мере того как поэт облакает в стихи.

Так Ариост изобразил почти сказочную страсть к приключениям и к чудесному, которым была занята на время вся эпоха, а Сервантес посмеялся над охотой к приключениям, оставшимся, после рококо, в некоторых людях, в то время, когда уже самый век вокруг их переменялся, тот и другой сжились с взято<ю> ими мыслью. Она наполняла неотлучно ум их и потому приобрела обдуманную, строгую значительность, сквозит повсюду и дает их сочинениям малый вид эпопеи, несмотря на шуточный тон, на легкость и даже на то, что одна из них писана в прозе.

ЭКЛОГА И ИДИЛЛИЯ.

Есть род драматических описательных произведений, которы<м> издавна уже дано

имя эклог и идиллий и которые вообще называются пастушес<кими>. Эти два рода соединяют весьма несправедливо вместе и еще несправедливей смешивают одно с другим. Чтобы видеть существенное различие между ним<и>, поговорим о каждом роде отдельно: сначала об эклоге, потом об идиллии.

ЭКЛОГА.

Эклога есть слово греческое и значит просто: избранная пиеса. Те сочинения, которые назвал Virgilius эклогами, имеют только внешний вид сельских или пастушеских стихотворений. Пастухи его препираются друг с другом в песнопении, и песнопенья так возвышенны, что приемлют вид од, гимнов, ничуть не уступая в возвышенности одам Горация, так что вследствие сего произвольно взятое имя эклога стало выражать в наших понятия<х> состязание двух или многих между собою в песнопении или восхвалении чего-либо. Словом, как бы это было лирическое произведение, но облеченное в драматическую форму. Лица берутся не для них самих, но для того, что должны они рассказать. Их собственное драматическое значение ничтожно.

Они рисуют друг другу, начертывают один другому картину того, чего не захотел поэт сказать от своих собственн<ых> <уст>. Они не свои выражают страсти, не сами действуют, но повествуют о событиях других и восхваляют вне их находящиеся предметы, иногда даже вовсе выходящие из их быта. Посему эклога есть скорей возвышенное стихотворе<ние>, чем скромное сельское. Эклогой можно назвать состязание Гомера с Гезиодом, прекрасно переделанное из Мильвуа Батюшковым. Эклогой можно назвать разговор двух шаманов о завоеваниях Ермака, Дмитриева. Эклогой можно назвать стихотворение Катен<ина>, где поэт грек и поэт славянин состязаются друг с другом в песнопении. Наконец эклогами можно назвать все те картинно-лирические стихотворения, которые с недавнего времени введены нашими поэтами, которые имеют наружный вид препираний, разговоров и споров между предметами неодушевленными, но которых, однако же, поэт одушевляет и заставляет их рассказывать друг другу в картинном виде событие, служащее к проявлению той мысли, которая

занимала самого поэта. Таков например Спор у Лермонтова Машук с Шат-горою о будущей судьбе Кавказа. Таковы споры городов и рек, приемлющих на время вид одушевленных лиц, которые теперь весьма часто являются у наших поэтов.

ИДИЛЛИЯ.

Хотя с мыслью об идиллии соединяют мысль о пастушеском и сельском быте, но пределы ее шире и могут обнимать быт многих людей, если только с таким бытом неразлучны простота и скромный удел жизни. Она живописует до мельчайших подробностей этот быт, и как, по-видимому, ни мелка ее область, не содержа в себе ни высокого лирического настроения, ни драматического интереса, ни сильного потрясающего события, хотя, по-видимому, она не что иное, как всё первое попадающееся на глаза наши из обыкновенной жизни, — но тот, однако ж, ошибется, кто примет ее в одном таком смысле. Поэтому почти всегда управляла ею какая-нибудь внутренняя мысль, слишком близкая душе поэта, а быт и самую идиллию он употреблял как только удобнейшие формы. Лучшие идиллии

имели какое-нибудь историческое значение и писали<сь> по какому-нибудь случаю. Так, Гнедича Рыбаки заключает в себе случа<й> его собственной жизни, и в барине, о котором говорит рыбак, он изображает русского вельможу, приветствовавшего благосклонно первые труды поэта. Так, всякая идиллия Дельвига была писана по какому-нибудь поводу, не говоря уже о прекрасной идиллии: Изобретение ваяния, которая с первого заглавия говорит о том. Идиллия Купальницы была написана по поводу понравившегося поэту эстампа, висевшего в его комнате.

Идиллия не сказка и не повесть, хотя и содержит в себе что-то похож<ее> <на> происшествие, но живое представление тихого, мирного быта, сцена, не имеющая драматического движения. Ее можно назвать в истинном смысле картиною; по предметам, ею избираемым, всегда простым, — картиной фламандской.

РОМАН.

Роман, несмотря на то, что в прозе, но может быть высоким поэтическим созданием.

Роман не есть эпопея. Его скорее можно назвать драмой. Подобно драме, он есть сочинение слишком условленное. Он заключает также в себе строго и умно обдуманную завязку. Все лица, долженствующие действовать или, лучше, между которыми должно завязаться дело, должны быть взяты заранее автором; судьбою всякого из них озабочен автор и не может их пронести и передвигать быстро и во множестве, в виде пролетающих мимо явлений. Всяк приход лица, вначале, по-видимому, не значительный, уже возвещает о его участии потом. Всё, что ни является, является потому только, что связано слишком с судьбой самого героя. Здесь, как в драме, допускается одно только слишком тесное соединение между собою лиц; всякие же дальние между ними отношения или же встречи такого рода, без которых можно бы обойтись, есть порок в романе, делает его растянутым и скучным. Он летит, как драма, соединенный живым интересом самих лиц главного происшествия, в которое запутались действующие лица, и которое кипящим ходом заставляет самые действующие лица развивать и обнаружи-

вать сильней и быстро свои характеры, увеличивая увлечение. Потому всякое лицо требует окончательного поприща. Роман не берет всю жизнь, но замечательное происшествие в жизни, такое, которое заставило обнаружиться в блестящем виде жизнь, несмотря на условленное пространство.

<ПОВЕСТЬ.>

Повесть избирает своим предметом случаи, действительно бывшие или могущие случиться со всяким человеком, — случай почему-нибудь замечательный в отношении психологическом, иногда даже вовсе без желания сказать нравоучение, но только остановить внимание мыслящего или наблюдателя. Повесть разнообразится чрезвычайно. Она может быть даже совершенно поэтической и получает название поэмы, если происшествие, случившееся само по себе, имеет что-то поэтическое; или же придано ему поэтическое выражение отдаленность<ю> времени, в которое происшествие случилось; или же сам поэт взял его с той поэтической стороны, с какой может взять только поэт и которая только пребывает в нем. Так повесть Бахчисар<ай>

ский> фонтан есть уже поэма по тому теплому роскошному колориту, в который с начала до конца облек ее всю поэт. Она может быть просто живой рассказ, мастерски и живо рассказанный картинный случай, каковы Жуковского *Матте* <о> *Фальк* <оне>, Языкова *Сурмин*. Или же берет с сатирической стороны какой-нибудь случай, тогда делается значительным созданием, несмотря на мелочь взятого случая; таковы *Модная жена* <Дмитриева>, *граф Нулин Пушкина*, который сверх того имел значительное выражение, как живая картина. Иногда даже само происшествие не стоит внимания и берется только для того, чтобы выставить какую-нибудь отдельную картину, живую, характеристическую черту условного времени, места и нравов, а иногда и собственной фантазии поэта.

<СКАЗКА.>

Сказка может быть созданием высоким, когда служит аллегорическою одеждою, облекающею высокую духовную истину, когда обнаруживает ощутительно и видимо даже простолюдину дело, доступное только мудрецу. Таковы отчасти две повести Жуковского о

жизни человеческой. Сказка может быть создана не высокое по своему содержанию, но <в> высшей степени исполненное прелести поэтической, если поэт, взяв народный мотив, возлелеет ее воображением своим и усвоит вполне себе и разовьет из <нее> поэму, как, например, Руслан и Людмила. Наконец, сказка может быть создана значительная, когда содержание создано все поэтом, но в духе народном отгаданы дух и время, какова Лермонтова <Про> купца Калашникова, и, наконец, сказка может быть просто пересказ почти слово в слово народной сказки, — создание менее всего значительное, которое выигрывает только от того, когда поэт сумеет привести ее в лучший порядок, вычистить, удержав в ней то, что есть в ней ее характерное, и отстранив то, что <при>бавлено лишнего. Таковы сказки Жуковского <и> Пушкина о царе Султане, о царе Берендее, о царе Сал<тане?>, о Спящей царевне и семи братьях.

<УЧЕНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ И ТРАКТАТЫ.>

Ученые рассуждения и трактаты должны быть коротки и ясны, отнюдь не многослов-

ны. Нужно помнить, что наука для тех, которые еще не знают ее. В последнее время стали писать рассужд<ения> начиная с Лединых яиц. Это большая погрешность. Думая через это более раскрыть дело, более темнят. Терминов нужно держаться только тех, которые принадлежат миру той науки, о которой дело, а не общих философ<ских>, в которых блуждает, как в лабиринте, и отдаляется от дела. Приступ должен быть не велик и с первого же раза показать, в чем дело. Заключение должно повторить дело трактата и в сокращении обнять его снова, чтобы читатель мог повторить самому себ<е>.

<ПРИМЕРЫ.>

<ОДЫ.>

Вечернее размышление, Лом<оносова>.

Водопад, Держ<авина>.

Гимн богу, Дмит<риева>.

..... Капниста.

Землетрясение, Языков<а>.

Пастырь, Пушкина.

Подражание Иову, Ломонос <ова>.

Вельможа, Державин <а>.

Гений, Языкова.

Ода Ломоносова: На восстановление дома Романовых в лице родившегося имп<ератора> Павла I. [Выноска к оде Ломоносова на рождение Императора Павла. Рождение им-

ператора Павла I было радостнейшим происшеств<ием>, какое когда-либо запомнит Россия, по сказанию всех современников. Все единомысленно видели в нем восстановление дому Романовых, который, кажется, ежеминутно готовился угаснуть за неимением наследников мужского пола. Все услышали, что родился тот, который потом упрочил надолго и дом царский, подарив России мужественное и сильное царское поколение. Вот причина, почему вся эта ода у Ломоносова исполнена такого восторга и силы, и он пророчит младенцу всё, что только можно пожелать совершеннейшему государю. (Прим. Гоголя.)]

Осень во время осады Очаков<а>.

Императ<ору>, Никола<ю>, Пушки<на>.

Давыдову, Языкова.

На переход Альпийских гор, Держав <ина>.

Поэту, Языкова.

Благодарность Фелице, Державина.

России, Хомякова.

..... Капниста.

Пророк, Пушкина.

Фелица, Державина.

Подражание псалму СXXXVI, Языкова.

Благодарность Фелице, Державин<а>.

На смерть Мещерского, Державин <а>.

На смерть Орлова, Державин<а>.

Клеветникам России, Пушкин<а>.

К нерусским, Языкова.

Зубову, Державина.

Наполеон, Пушкина.

Мой истукан, Державина.

Пророк, Лермонтова.

К XIX веку, Лермонтова.

К XIX веку, М. Лихонина.

Изображение Фелицы, Державина.

Ответ Рафаэля певцу Фелицы, Капниста.

Елисавете, Ломоносова.

Лебедь, Державина.

ПЕСНИ.

Уже со тьмою нощи, Капниста.

У кого душевны силы, Нелединского-Мелецкого.

Талисман, Пушкина.

Венецианская ночь, Козлова.

Кудри, кудри шелковые, Дельвига.

Телега жизни, Пушкина.

По дороге зимней, скучной, Пушкина.

Цепи, Державина.

Жуковского. Отымет наши радости.

В местах, где Рона протекает, Батюшкова.

Где твоя родина, певец молодой? Языкова.

Море блеска, гул, удары... Языкова.

Ночь. Померкла неба синева, Языкова.

Я взлелеян югом, югом, В. Туманского.

Ночь, Жуковского.

Делибаш, Пушкина.

Русская песня: Гой, красна земля Володи-
мира, Хомякова.

Дельвига, Песня.

Я ехал к вам: живые сны... Пушкина.

Ночной зефир струит эфир, Пушкин<а>.

Пловец. Нелюдимо наше море, Языкова.

..... Козлова.

Песнь Гаральда, Батюшкова.

Мечта, Державина.

Две вечерние думы, Хомякова:

1-я Вчерашняя ночь была так светла.

2-я. Сумрак вечерний тихо взошел.

Ты велишь мне равнодушным, Неледин-

ского-Мелецкого.

Лермонтова. Молитва. Одну молитву чудную.

Лермонтова. Завещание. Наедине с тобою брат.

Зима. Что ты, муза, так печальна, Держав<ина>.

Мотылек и цветы. К нарисованному изображению того и друг<ого>, Жуковского.

Два рыцаря перед девой, испанск<ий> романс, Пушкина.

Песнь пажа, Пушкина.

Старость и младость, Капниста.

Прости мне дерзкое роптанье, Нелединского-Мелецкого.

Карикатура. Сними с меня завесу, седая

старина, Дмитриева.

Что мне делать в тяжелой участи моей?
Мерзлякова (Тоска сельской девушки).

Многи лета, многи лета (народная песня),
Жуковского.

Выйду я на реченьку, Нелединского-Мелецкого.

Ах, когда б я прежде знала, Дмитриева.

Уныние, Капниста: Дни отрады, где сокрылись?

Ангел. По небу полуночи ангел летел, Лермонтова.

Таинственный посетитель, Жуковского.

Пятнадцать мне минуло лет, Богдановича.

Когда веселий на крылах, Нелединского-Мелецкого.

К младенцу, Дмитриева.

Чувство в разлуке (Что не девица в тереме своем), Мерзлякова.

К востоку, всё к востоку, Жуковского.

Полно льститься мне слезами, Нелединского-Мелецкого.

Донскому воинству, Шатрова (Грянул внезапно гром над Москвою).

С Миленой позднею порою, Капниста.

К месяцу, Жуковского.

Весеннее чувство, Жуковского.

Сон, Жуковского. Заснув на холме луговом.

ЭЛЕГИИ.

Роняет лес багряный свой убор, Пушкина.

Умиравший Тасс, Батюшкова.

На смерть королевы Виртембергск<ой>, Жуковского.

На воспоминанье кн. Одоевск<ого>, Лермонтова.

Пожар, Языкова.

На развалинах замка в Швеции, Батюшкова.

Финляндия, Баратынского.

Элегия, Давыдова.

Пушкина, Ненастный день потух. Туманной ночи мгла.

Второй перевод Греевой <элегии>, Жуковского.

Я берег покидал туманный Альбиона, Батюшкова.

Элегия, А. Крылова.

Череп, Баратынского.

Лицейская годовщина, Пушкина.

Миних, Плетнева.

Элегия, Баратынского.

Тоска в немец<ком> городке.

Элегия, Языкова.

Элегия, Пушкина.

” Пушкина.

О сжальтесь надо мною, о дайте волю мне,
Хомякова.

Арфа, Державина.

Когда для смертного умолкнет шумный
день, Пушкина.

Зима. Что делать нам в деревне? я встречаю, Пушкина.

Вечер, Жуковского.

ЭКЛОГИ.

Гомер и Гезиод, Батюш<кова>

Ермак. Дмитриева.

” Катенина.

Спор <Казбека> с Шат-горою, Лермонтова.

Олег, Языкова.

ИДИЛЛИИ.

Рыбаки, Гнедича.

Купальницы, Дельвига.

Каприз, Пушкина.

Изобретение ваяния, Дельвига.

Сцены из Цыган. Пушкина.

Последние стихотворения Пушкина.

Солдат, Дельвига.

Сторож ночной, Жуковского.

ДУМЫ.

Олег, Пушкина.

Эвпатий, Языкова.

Острогжск, Рылеева.

Пир на Неве, Пушкина.

Кудесник, Языкова.

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ.

Труд, Пушкина.

Монастырь на Казбеке, Пушкина.

Недуг, Шевырева.

К статуе Петра Великого, Ломоносова.

(Гремящие по всем концам земным победы).

Пир Потемкина, данный Екатерине, Державина.

Домик поэта в Обуховке, Капниста.

Красавице перед зеркалом, Пушкина.

Домовому, Пушкина.

Буря, Языкова.

Птичке, Ф. Туманского.

Нереида, Пушкина.

Вдохновенье. Сонет, Дельвига.

Красавице, Пушкина.

На спуск корабля Златоуста, Ломоносова.

Весна, Языкова.

К статуе играющего в бабки, Пушкин<а>.

На перевод Илиады, Пушкин <на>.

Сонет при посылке книги, воспоминание
об искусстве, Батюшкова.

О милых призраках, Жуковского.

Поэту. Сонет, Пушкина.

К портрету Жуковского, Пушкина.

Нимфа, Баратынского.

Черта к биографии Державина, Держави-
на.

Последние стихи, Веневитинова.

Последние стихи, Державина.

Элегия болевшего ногами поэта, Языкова.

Сафо, Пушкина.

Дориде, Пушкина.

Сожженное письмо, Пушкина.

Рифма, Пушкина.

Мой голос для тебя и ласковый и томный,
Пушкина.

Ты и вы, Пушкина.

К портрету Жуковского, Пушкина.

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Пушкина.

О СОСЛОВИЯХ В ГОСУДАРСТВЕ.

Прошло то время, когда идеализировали и мечтали о разного рода правлениях, и умные люди, обольщенные формами, бывшими у других народов, горячо проповедывали: одни — совершенную демократию, другие — монархию, третьи — аристократию, четвертые — смесь всего вместе, пятые — потреб-

ность двух борющихся сил в государстве и на бореньи их основывали <...> Наступило время, когда всякий более или менее чувствует, что правленье не есть вещь, которая сочиняется в голове некоторых, что она образуется нечувствительно, сама собой, из духа и свойств самого народа, из местности — земли, на которой живет народ, из истории самого народа, которая показыва<ет> человеку глубокомысленному, когда и в каких случаях успевал народ и действовал хорошо и умно, и требует — внимательно всё это обсудить и взвесить.

История государства России начинается добровольным приглашением верховной власти. “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: придите княжить и владеть нами”, — слова эти были произне<сены> людьми вольных городов. Добровольным разумным сознанием вольных людей установлен монарх в России. Все сословия, дружно требуя защиты от самих себя, а не от соседних врагов, утвердили над собою высшую власть с тем, чтобы рассудить самих себя — потреб-

ность чисто понятная среди такого народа, в котором никто не хочет уступить один другому и где только в минуты величайшей опасности, когда приходится спасать родную землю, всё соединяется в один человек и делается одним телом. Сим определена высокая законность монарха-самодержца.

Итак, в самом начале, во время, когда не пробуждается еще потребность организации стройной, во время, когда легко ужиться с безначалием, уже всё потребовало одного такого лица, которое, стоя выше всех, не будучи связано личною выгодою ни с каким условием преимущественно, внимало бы всему равно и держало бы сторону каждого условия в государстве. Во всю историю нашу прошла эта потребность суда постороннего человека. Великий князь или, просто, умный князь уже требуется как примиритель других князей. Духовенство является как примиритель между князей или даже между народом, и сам государь судится народом не иначе, как верховный примиритель между собою. Стало быть, законность главы была

признана всеми единогласно.

Вопрос: какие начала правления преимущественно слышатся и слышались в истории народа?

Если правление переходило сколько-нибудь в народное, это обнаруживалось совершенною анархией и полным отсутствием всякого правления: ни одного человека не бывало согласн<ого>, всё спорило между собою.

Если правление переходило совершенно в монархич<еское>, то есть в правление чиновников от короля, воспитавшихся на служебном письменном поприще, государство наполнялось взяточниками, для ограничения которых требовались другие чиновники; через года два следовало и тех ограничивать, и образовывалась необыкновенная сложность, тоже близкая к анархии.

Стало быть, вопрос: где, в каких случаях следует допустить демократическое, народное участие и где, в каких случаях участвова-

ние короны и правительствующего корпуса? То и другое в руках монарха — и аристократия и демократия; тому и другому он господин; та и другая ему равно близка. Каковы же и в чем отношения монарха к подданному? Это — лицо, которое уже должно жить другою жизнью, нежели обыкновенный червь. Он должен отречься от себя и от своей собственности, как монах; его пищей должно быть одно благо его — счастье всех до единого в государстве; его лицо не иначе, как священно.

Где особенно и в каких случаях полезна мирская сходка? Тогда, когда уже решенное определение <?> следует привести в исполнение. Никто лучше мира не умеет, как разложить и сколько на кого, потому что они знают и свои состоянья и свои силы. Поэтому кто не сообразив и наложит на каждого заплатить по рублю, будет несправедлив, но, сложивши сумму, какая должна выйти, если положить рубль на человека, — потребовать эту сумму со всего мира. Это можно применить ко многому и в других сословиях.

Верховный совет государства предполагается состоящим из лиц, знающих нужды своего государ<ства>, которые достигнули этого звания не одним письменным поприщем и повышением за выслугу лет, но имея по службе, на многих поприщах внутри государства, случай стоять лицом <к тому>, как там происходит внутри государства. Стало быть, определения такого совета относительно всего государства могут быть менее всех других ошибочны.

Определение расходится по лицу России. Его требуется исполнить и применить <к> делу. Вот тут дело упирается на совете тех, которые должны исполнить и применить к делу: как удобней, как возможней, как необременительней ни для кого исключительно исполнить. Здесь необходимость веча, или совещания всего того сословия, к которому относится дело.

Правительство не имеет дела порознь [ни с кем] из со<словия>, но с целым сословием

вместе. Всё сословие отвечает. Сословие имеет употребить и полицию, и насильственные меры к приведению в послушание того ослушника, который бы воспротивился.

Везде, где только применены к делу постановления, там необходимо совещанье самих тех, на которых должны применять <их>. Сами они должны из себя избрать для того и чиновников, и блюстителей, и ускорителей, не требовать от правительства никакого для этого жалованья и не обременять этим сложность государственного механизма.

Но где дело касается до определения постановлений, там совещаются одни испытанные в делах государственные мужи, и определенное уже непреложно, если скреплено рукой монарха. Сословия могут посылать своих депутатов, которые могут предъявлять справедливые причины упущения или необходим<ые> требования, но они принимаются только к соображению и усмотрению. Если они будут отвергнуты, сословие не имеет права на апелляцию. Само собою разумеется, что

правда должна быть на стороне тех людей, которых <...> все стороны государства, — особенно, если правда эта узаконена тем, кто стоит выше всех в государстве и которому равно близки выгоды всех.

Дело в том, чтобы организовались сословия, чтобы почувствовало всякое сословие свои границы, пределы, обязанности, и знали, где их дело и деятельность, а потому в воспитанье человека, с самого начала, долж<ны> войти обязанности того сословия, к которому он принадлежит, чтобы он с самого начала почувст<вовал>, что он гражданин и не без места в своем государстве.

Взглянем на наши сословия от высших до низших. Начнем с дворянства.

Дворянство наше должно было непременно <иметь> другой характер, чем дворянства других краев. Во всех других землях дворянство образовалось из пришельцев, из народов, захвативших земли туземцев и обративших народ силою в своих вассал<ов>. Оно

установило насильственно отдельную касту аристократии, в которую уже не допускали никого. У нас дворянство есть цвет нашего же населения?>. Большею частью заслуги пред царем, народом и всей землей русской возводили у нас в знатный род людей из всех решительно сословий. Право над другими, если рассмотреть глубже, в основании, основано на разуме. Они не что иное, как управители государя. В награду за доблести, за испытанную честную службу даются ему в управление крестьяне, даются ему, как просвещеннейшему, как ставшему выше пред другими, — в предположении, что такой человек, кто лучше других понял высокие чувства и назначение, может лучше править, чем какой-нибудь простой чиновник, выбираемый в заседатели, или капитан-исправники. Вольно было помещикам, позабывши эту высокую обязанность, глядеть на крестьян, как на предмет только дохода для своей роскоши и увеселений. Этим они ничуть не доказали, что государи были неправы, а доказали только, что они сами уронили званье помещика.

Итак, дворянству нашему досталась прекрасная участь заботиться о благосостоянии низших... Вот первое, что должно нача<ть> чувствовать это сословие с самого начала. Из-за это<го> само<го> они должны составить между собою одно целое, совеща^{нье} они должны иметь между собою об управлении крестьянами. Они не должны попустить между собой присутствие такого помещика, который жесток или несправедлив: он делает им всем пятно. Они должны заставить его переменить образ обращенья. Они должны поступить так же, как в полку общество благородных офицеров поступает с тем, который обесчестит подлым поступком их общество, они приказывают ему выйти из круга, и он не осмеливается преступить этого, ничем уже не смягчаемого определе<ния>. Дворянство должно быть сосудом и хранит<елем> высокого нравственного чувства всей нации, рыцарями чести и добра, которые должны сторожить сами за собою. Так должны быть он<и> в России, где не хвастают ни родом, ни происхожден<ием>, ни point d'honneur, но каким-<то> нравственным благородством, кото-

рое, к сожалению, обнаруживает<ся> только во дни выс<оких> са<мо>пожертвований. Это от самой юности дол<жно> быть внушаемо, как в первую принадлежность.

Последний в государстве и многочис<лен- ный> класс — крестьяне составляют также сословие и имеют много о чем совещаться между собою. Состоя под управленьем помещика, они имеют тоже о чем совещаться. Установленный сбор, повинность, положенную на каждого человека, помещик должен предоставить принест<и?> миру, который сам должен и собрать и принес<ти>, потому что они лучше себя знают относительно всяких состояний, и помещику никогда не <...> Он также должен лучше чувствовать свое сословие, что имеет право законно требовать помещик, за что должен заплатить ему и нанимать, как вольного человека, и переговариваться с помещиком целым миром.

Сословие граждан, самое [разнохарактерное], меньше всего получившее [определенное выражение], от неопредел<енности> за-

нятий и от некоторого безвластия, должно непременно возвыситься до понятия <...> Оно должно помнить, что они стражи и хранители благосостояния и должны сами из себя избирать чиновников.

Полиция тогда только не будет брать взяток и грабить, когда сами граждане будут исполнять <...> Лучшая полиция, по признанию всех, в Англии и то потому, что этим занимается город, выбирая для этого чиновн<ика> и платя ему жалованье от себя. Правитель города должен требовать от магистрата, чтобы сдела<но> было так же точно; а магистрат уже сам рассмыслит, как это сделать так, чтобы тягость упала на все сословие.

ВАРИАНТЫ СТАТЕЙ О “СОВРЕМЕННОМ” И ДР

О СОВРЕМЕННОМ (Первоначальные варианты рукописи)

Даже эта самая прекрасная цель, во имя которой ты предпринял его, не обнаружилась никому очевидно и ясно из самого журнала; напротив, всяк спрашивал в недоумении друг у друга: “Объясните мне, зачем и для чего издает Плетнев свой журнал?

ради

Даже эта самая прекрасная цель, во имя которой ты предпринял его, не обнаружилась никому очевидно и ясно из самого журнала; напротив, всяк спрашивал в недоумении друг у друга: “Объясните мне, зачем и для чего издает Плетнев свой журнал?

После “его” было: издание

Даже эта самая прекрасная цель, во имя которой ты предпринял его, не обнаружилась никому очевидно и ясно из самого журнала;

напротив, всяк спрашивал в недоуменьи друг у друга: “Объясните мне, зачем и для чего издает Плетнев свой журнал?”

с недоуменьем у другого

что значат эти общие места в его программе, эти повторения о беспристрастии, о бескорыстной любви к искусству, о стремлении к истине и т. п., которые обещает всякой журналист и которых не исполняет никто?”

изношенные повторения

У тебя нет качеств журналиста: ни юношеского живого участия ко всем волнениям современным, ни того трепета любопытства к вопросам, раздающимся в массе общества, ни наконец энциклопедического науколюбивого стремления обнимать с равной охотой всё, что ни относится к развитию познаний человеческих во всех родах.

ко всем вопросам, раздающимся в обществе>

Твоя антологическая душа получила только на долю себе один возвышенный дар — услаждаться благоуханьем прекрасных цветов поэзии и обонять аромат высших движений души человеческой.

в удел

Современник даже и при Пушкине не был тем, чем должен быть журнал, несмотря на то, что Пушкин задал себе цель более положительную и близкую к исполнению.

он

Впрочем сильного желанья издавать этот журнал в нем не было, и он сам не ожидал от него большой пользы.

он не имел

Впрочем сильного желанья издавать этот журнал в нем не было, и он сам не ожидал от него большой пользы.

После “пользы” было: Журнал этот на ту пору был более нужен ему самому, нежели обществу

Не знал я, какими путями поведет меня провиденье, как отнимутся у меня силы ко всякой живой производительности литературной и как умру я надолго для всего того, что шевелит современного человека.

После “Не знал я” было: тогда

Не знал я, какими путями поведет меня провиденье, как отнимутся у меня силы ко всякой живой производительности литера-

турной и как умру я надолго для всего того, что шевелит современного человека.

современной

По смерти Пушкина, пораженный этой скорбной для всех утратой, а для тебя еще скорбнейшей, чем для всех, пораженный сиротством современного общества, очутившегося без поэзии, как без света, осужденного выслушивать пустые и черствые пренья и споры об искусстве наместо дел самого искусства, пораженный этим сиротством, которое, впрочем, началось уже и при Пушкине, ты взялся горячо за издание журнала, стремясь насильно создать ту поэтическую Элладу, которая образовалась сама собой в начале поприща Пушкина.

а. очутив<шегося>

б. долженствовавшего

По смерти Пушкина, пораженный этой скорбной для всех утратой, а для тебя еще скорбнейшей, чем для всех, пораженный сиротством современного общества, очутившегося без поэзии, как без света, осужденного выслушивать пустые и черствые пренья и споры об искусстве наместо дел самого искус-

ства, пораженный этим сиротством, которое, впрочем, началось уже и при Пушкине, ты взялся горячо за издание журнала, стремясь насильно создать ту поэтическую Элладу, которая образовалась сама собой в начале поприща Пушкина.

о поэзии

По смерти Пушкина, пораженный этой скорбной для всех утратой, а для тебя еще скорбнейшей, чем для всех, пораженный сиротством современного общества, очутившегося без поэзии, как без света, осужденного выслушивать пустые и черствые пренья и споры об искусстве наместо дел самого искусства, пораженный этим сиротством, которое, впрочем, началось уже и при Пушкине, ты взялся горячо за издание журнала, стремясь насильно создать ту поэтическую Элладу, которая образовалась сама собой в начале поприща Пушкина.

звуков самой поэзии

По смерти Пушкина, пораженный этой скорбной для всех утратой, а для тебя еще скорбнейшей, чем для всех, пораженный сиротством современного общества, очутивше-

гося без поэзии, как без света, осужденного выслушивать пустые и черствые пренья и споры об искусстве наместо дел самого искусства, пораженный этим сиротством, которое, впрочем, началось уже и при Пушкине, ты взялся горячо за издание журнала, стремясь насильно создать ту поэтическую Элладу, которая образовалась сама собой в начале поприща Пушкина.

им оставленного журнала

Признаюсь, я даже не могу и представить себе, чем может быть нужно нынешнему времени появление нового журнала.

обществу

Уже всё зовет ныне человека к занятиям более сосредоточенным, не только значительность современных вопросов, но даже самая пустота современного общества и легковесная ветреность дел его приглашают ныне человека взглянуть строго на самого себя, вопросить с большей отчетливостью свои силы и определить себе труд не временный, минутный, но тот живительный и полный, который ответствен за одним тем способностям, которыми своеобразно наделен из нас каждый

уже от самого рожденья своего.

значительностью

Уже всё зовет ныне человека к занятиям более сосредоточенным, не только значительность современных вопросов, но даже самая пустота современного общества и легковесная ветреность дел его приглашают ныне человека взглянуть строго на самого себя, воспросить с большей отчетливостью свои силы и определить себе труд не временный, минутный, но тот живительный и полный, который ответствен за одним тем способностям, которыми своеобразно наделен из нас каждый уже от самого рожденья своего.

но даже самой пустотой ветреных толков и занятий общества приглашается он к тому, чтобы взглянуть

Уже всё зовет ныне человека к занятиям более сосредоточенным, не только значительность современных вопросов, но даже самая пустота современного общества и легковесная ветреность дел его приглашают ныне человека взглянуть строго на самого себя, воспросить с большей отчетливостью свои силы и определить себе труд не временный, минут-

ный, но тот живительный и полный, который ответственен одним тем способностям, которыми своеобразно наделен из нас каждый уже от самого рожденья своего.

не ветренный, еженедельный

Уже всё зовет ныне человека к занятиям более сосредоточенным, не только значительность современных вопросов, но даже самая пустота современного общества и легковесная ветренность дел его приглашают ныне человека взглянуть строго на самого себя, попросить с большей отчетливостью свои силы и определить себе труд не временный, минутный, но тот живительный и полный, который ответственен одним тем способностям, которыми своеобразно наделен из нас каждый уже от самого рожденья своего.

для которого

Уже всё зовет ныне человека к занятиям более сосредоточенным, не только значительность современных вопросов, но даже самая пустота современного общества и легковесная ветренность дел его приглашают ныне человека взглянуть строго на самого себя, попросить с большей отчетливостью свои силы

и определить себе труд не временный, минутный, но тот живительный и полный, который ответствен за одним тем способностям, которыми своеобразно наделен из нас каждый уже от самого рожденья своего.

его собственным способностям, какими, отлично один от другого, наделяется уже от самого рожденья человек

Современник должен отбросить от себя название журнала; он должен сжаться по-прежнему в книги наместо листов и более еще, чем при Пушкине, походить на альманах: он должен скорей напомнить собой Северные цветы барона Дельвига, с которым было у тебя так много сходства в уменья нас<ла>ждаться и нежиться благоуханными звуками поэзии.

После “альманах” было: чем на журнал

Всё собственно журнальное в нем не должно иметь места: ни возвещенья о новостях ежедневных, ни политические известия, ни поименования всех выходящих книг, разве только один строгий отчет о замечательнейших из них за всю треть в таком виде, чтоб он сам собой мог уже составить замечательную

литературную статью.

После “места” было: ни отчеты

Нужно, чтобы здесь ничто не поминало читателю о том, что есть какие-нибудь распри в литературе и существует журнальная полемика.

о том, есть ли

Самые статьи должны быть допущены сосредоточенные, полные, которые ничем не походили бы на торопливые, отрывочные статьи журналов.

После “статьи” было: литературные

Самые статьи должны быть допущены сосредоточенные, полные, которые ничем не походили бы на торопливые, отрывочные статьи журналов.

После “допущены” было: сюда

Этого можно достигнуть только таким изданием, которое будет выходить не более трех раз в год: в три месяца можно набрать книжку.

Изданьем, которое выходит только три раза в год, этого можно достигнуть

Современное нам время, слава богу, не без талантов.

наше

Слог его точен и приличен во всех выражениях и оборотах.

Он у него

Один только недостаток: не набралась еще собственная душа автора содержания более строгого и не доведен еще он своими внутренними событиями к тому, чтобы строже и отчетливей взглянуть вообще на жизнь.

а. душа его самого

б. его собственная душа

Один только недостаток: не набралась еще собственная душа автора содержания более строгого и не доведен еще он своими внутренними событиями к тому, чтобы строже и отчетливей взглянуть вообще на жизнь.

собственными

Но, если и это в нем совершится, он будет вполне верный живописец лучшего общества; значительность творений его выиграет больше чем сто на сто.

будет тогда

Но, если и это в нем совершится, он будет вполне верный живописец лучшего общества; значительность творений его выиграет

больше чем сто на сто.

нашего лучшего общества русского и

Но, если и это в нем совершится, он будет вполне верный живописец лучшего общества; значительность творений его выиграет больше чем сто на сто.

После “творений его” было: много

Ему стоит, не прибегая ни к завязке, ни к развязке, над которыми так ломает голову романист, взять любой случай, случившийся в русской земле, первое дело, которого производству он был свидетелем и очевидцем, чтобы вышла сама собой наизамечательнейшая повесть.

После “любой случай” было начато: в Р<ос-сии>

Ему стоит, не прибегая ни к завязке, ни к развязке, над которыми так ломает голову романист, взять любой случай, случившийся в русской земле, первое дело, которого производству он был свидетелем и очевидцем, чтобы вышла сама собой наизамечательнейшая повесть.

наизамечательнейшая

Может быть, я сужу здесь пристрастно, по-

тому что писатель этот более других угодил личности моего собственного вкуса и своеобразью моих собственных требований: каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни; но зато всяк согласится со мной, что этот писатель полезен и нужен всем нам в нынешнее время.

потребностей

Может быть, я сужу здесь пристрастно, потому что писатель этот более других угодил личности моего собственного вкуса и своеобразью моих собственных требований: каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни; но зато всяк согласится со мной, что этот писатель полезен и нужен всем нам в нынешнее время.

нужен России в ее

Из того, что удалось прочесть мне самому, я заметил также тому признаки, хотя постройка самих повестей мне показалась особенно неискусна и неловка; в рассказе заметил я излишество и многословие, а в слоге отсутствие простоты.

действительно этому

Но я уверен, что если в каждом из этих писателей прежде сформируется человек, чем писатель — все прочее придет само собою, и каждый из них, обнаружив еще сильнее особенности пера своего, не покажет ни одного из этих недостатков.

После “придет” было: к нему

Но я уверен, что если в каждом из этих писателей прежде сформируется человек, чем писатель — все прочее придет само собою, и каждый из них, обнаружив еще сильнее особенности пера своего, не покажет ни одного из этих недостатков.

избегнет всех этих недостатков

Не имея в себе полной зрелости строения драматического, которое доступно одним только опытным драматургам, драма эта имеет в себе много тех достоинств, которые прочат в творце ее писателя замечательного.

она

Почему знать, может быть, от такого чтения родилась бы в нем благословенная мысль написать правдивую историю времени, его преимущественно поразившего.

После “правдивую” было: сторону

Вполне историческое произведение, исполненное писателем, умеющим так живо чувствовать исторические характеры, и написанное таким живым пером, будет в несколько раз значительней исторических драм.

После “историческое произведение” было: написанное таким живым пером

Вполне историческое произведение, исполненное писателем, умеющим так живо чувствовать исторические характеры, и написанное таким живым пером, будет в несколько раз значительней исторических драм.

всяких исторических драм

Он задремал теперь, я это знаю; он дал заснуть в себе желанию действовать на поприще просторном, самый круг его стал тесен и перед ним мало жизненного поля для наблюдений.

После “задремал теперь” было: в смысле духовном

Он задремал теперь, я это знаю; он дал заснуть в себе желанию действовать на попри-

ще просторном, самый круг его стал тесен и перед ним мало жизненного поля для наблюдений.

более просторном

Он задремал теперь, я это знаю; он дал заснуть в себе желанию действовать на поприще просторном, самый круг его стал тесен и перед ним мало жизненного поля для наблюдений.

После “круг его стал” было: перед ним

Уже самая своя собственная душевная повесть, предметом которой будет взято собственное пробуждение от мертвенного застоя, заставляющее с ужасом взглянуть человека на животное-истраченную жизнь свою, может быть высоким предметом для романа.

положим, будет избрано, хоть например, про<буждение>

Что же касается до меня самого, то я по-прежнему не могу быть работающим и ревностным вкладчиком в твой Современник.

достойным

Скажу тебе, что даже в самых ранних помышлениях моих о будущем поприще моем, никогда не представлялось мне поприще пи-

сателя.

о поприщах, меня ожидающих

Некоторые мои наблюдения над некоторыми сторонами жизни, мне нужными для дела душевного, издавна меня занимавшего, были виной того, что я взялся за перо и вздумал преждевременно поделиться с читателем тем, чем мне следовало поделиться уже потом, по совершении моего собственного воспитания.

более для дела

Всё мною написанное замечательно только в психологическом значении, но оно никак не может быть образцом словесности, и тот наставник поступит неосторожно, кто посоветует своим ученикам учиться у меня искусству писать или подобно мне живописать природу: он заставит их производить карикатуры.

После “написанное” было: может

Всё мною написанное замечательно только в психологическом значении, но оно никак не может быть образцом словесности, и тот наставник поступит неосторожно, кто посоветует своим ученикам учиться у меня ис-

искусству писать или подобно мне живописать природу: он заставит их производить карикатуры.

образцами

Всё мною написанное замечательно только в психологическом значении, но оно никак не может быть образцом словесности, и тот наставник поступит неосторожно, кто посоветует своим ученикам учиться у меня искусству писать или подобно мне живописать природу: он заставит их производить карикатуры.

неблагоразумно

Доказательство этому можешь видеть на некоторых молодых и неопытных подражателях моих, которые именно через это самое подражание стали несравненно ниже самих себя, лишив себя своей собственной самостоятельности.

подражание мне

У меня никогда не было стремленья быть отголоском всего и отражать в себе действительность, как она есть вокруг нас, — стремленья, которое тревожит поэта во всё продолженье его жизни и умирает в нем только с

его собственной смертью.

а. жизнь как она есть, в ее действительности

б. действительность, как она есть в природе и вокруг нас

У меня никогда не было стремленья быть отголоском всего и отражать в себе действительность, как она есть вокруг нас, — стремленья, которое тревожит поэта во всё продолжение его жизни и умирает в нем только с его собственной смертью.

После “тревожит” было: во всю жизнь

У меня никогда не было стремленья быть отголоском всего и отражать в себе действительность, как она есть вокруг нас, — стремленья, которое тревожит поэта во всё продолжение его жизни и умирает в нем только с его собственной смертью.

После “собственной смертью” было начало: Теперь же еще более, чем когда-либо прежде

Итак, если я почувствую, что чистосердечный голос мой будет истинно нужен кому-нибудь, и слово мое может принести какое-нибудь внутреннее примиренье человеку, тогда

у тебя в Современнике будет моя статья; если ж нет — ее не будет.

будет нужен истинно чьей-либо душе

Итак, если я почувствую, что чистосердечный голос мой будет истинно нужен кому-нибудь, и слово мое может принести какое-нибудь внутреннее примиренье человеку, тогда у тебя в Современнике будет моя статья; если ж нет — ее не будет.

этого не почувствую

Я здесь не упомянул также ни об одном из тех современных прозаических писателей наших, которые, будучи заняты собственными изданиями или же сидя над трудами более отвлеченными, требующими полного внимания, не имеют ни возможности, ни досуга поработать для твоего Современника.

заняты сами периодическими изданиями

Я здесь не упомянул также ни об одном из тех современных прозаических писателей наших, которые, будучи заняты собственными изданиями или же сидя над трудами более отвлеченными, требующими полного внимания, не имеют ни возможности, ни досуга поработать для твоего Современника.

важными

Я здесь не упомянул также ни об одном из тех современных прозаических писателей наших, которые, будучи заняты собственными изданиями или же сидя над трудами более отвлеченными, требующими полного внимания, не имеют ни возможности, ни досуга поработать для твоего Современника.

После “полного” было: посвящения

Вопреки людям, жалующимся на недостаток талантов в нынешнее время, я вижу их теперь гораздо больше, чем когда-либо прежде.

После “жалующимся на” было:

а. ныне

б. безлюдье

Они не попали на свою дорогу.

После “дорогу” было: и

Стремление узнать назначенье свое есть теперь страданье многих людей, одаренных способностями.

а. болезнь

б. страданье и болезнь

Стремление узнать назначенье свое есть теперь страданье многих людей, одаренных

способностями.

После “способностями” было: и силами
Оно-то есть настоящая, истинная причина
дремоты и бездейственности на поприще ли-
тературном.

и оно-то

Оно-то есть настоящая, истинная причина
дремоты и бездейственности на поприще ли-
тературном.

После “причина” было: повергнувшая

Стихотворная часть Современника может
быть также весьма богата, не взирая на то,
что, по-видимому, в современном обществе
угаснуло расположение к поэзии.

После “также” было: теперь

Стихотворная часть Современника может
быть также весьма богата, не взирая на то,
что, по-видимому, в современном обществе
угаснуло расположение к поэзии.

несмотря

Стихотворная часть Современника может
быть также весьма богата, не взирая на то,
что, по-видимому, в современном обществе
угаснуло расположение к поэзии.

в нынешнем

Слава богу, еще здравствует сам патриарх нашей поэзии: еще небо хранит нам Жуковского.

рука провиденья

Слава богу, еще здравствует сам патриарх нашей поэзии: еще небо хранит нам Жуковского.

После “хранит нам” было: до сих пор

В награду за безукоризненную, чистую жизнь ему одному из всех нас дано почувствовать свежесть молодости в старческие лета и силу юноши для дела поэтического.

многоплодную и многополезную жизнь его

Они не могли и не должны были произвести никакого впечатленья на общество, и нечего удивляться, что общество, оценивая всякое новое произведение относительно своих собственных потребностей душевных, ища в нем ответа на тревожные исканья свои, назвало эти стихотворенья ребячеством Жуковского.

ценя

Они не могли и не должны были произвести никакого впечатленья на общество, и

нечего удивляться, что общество, оценивая всякое новое произведение относительно своих собственных потребностей душевных, ища в нем ответа на тревожные исканья свои, назвало эти стихотворенья ребячеством Жуковского.

нынешнее

Они не могли и не должны были произвести никакого впечатленья на общество, и нечего удивляться, что общество, оценивая всякое новое произведение относительно своих собственных потребностей душевных, ища в нем ответа на тревожные исканья свои, назвало эти стихотворенья ребячеством Жуковского.

относительно к себе самому

Они не могли и не должны были произвести никакого впечатленья на общество, и нечего удивляться, что общество, оценивая всякое новое произведение относительно своих собственных потребностей душевных, ища в нем ответа на тревожные исканья свои, назвало эти стихотворенья ребячеством Жуковского.

Они были

Но теперь я знаю, что он пришлет тебе в Альманах который-нибудь из тех перлов, которые выработались во глубине его собственной души, где в последнее время так много произошло прекрасного.

в истории

Еще, слава богу, здравствуют два другие первоклассные наши поэты: князь Вяземский и Языков, и могут подарить Современник новыми, дотоле не раздававшими<ся> от них звуками, — звуками, исторгнутыми из выстрадавшегося сердца, песнями самой души, уже набравшейся строгого содержания высшей поэзии.

еще дотоле

Самые наши молодые, недавно показавшиеся поэты, которых я здесь не называю по именам, которые показали покуда одно благозвучие, легкость и щегольство стихосложения, но еще не показали истинных и верных ощущений своих, могут заговорить струнами поэзии, более нам близкой.

стиха

Поэзия есть чистая исповедь души, а не порожденье искусства или хотенья челове-

ского; поэзия есть правда души, а потому и всем равно может быть доступна.

Перед “Поэзия” было начато: Порож<де-
нье>

Многие даже из первокласснейших талантов становились ниже себя, зашедши в область вымысла, но высоко возвышались даже и небольшие таланты, когда событиями собственной души своей были наведены на то, чтобы передавать одну чистую правду души.

ниже самих себя, взошедши

Много поэтических звуков издадут даже и те, которые не помышляли быть поэтами; много прекрасных цветков, много драгоценных вкладов нанесут к тебе со всех сторон в твой Современник.

После “звуков” было: твоей

Тебе помогут слезы умиления и растроганные чувства признательной души твоей; они помогут тебе передать с такой силой, с какой не сумеет передать их великий, владеющий чародейством вымысла, но еще не выстрадавший поэт.

После “с такой силой” было: это все

Современник тогда оправдывает данное ему

название, но оправдывает его в другом — высшем смысле: он будет современен всем высшим минутам русского писателя и человека.

гораздо высшем

Один только ты в России можешь предпринять и выполнить такое издание, потому что один только ты питал о нем постоянную мысль, один только ты не имел в виду денежных интересов и вознаграждений за труды, один ты безотчетно питал чистую, младенческую любовь к искусству, сделавшую тебя другом лучших поэтов наших и превратившую для тебя самое искусство в твое собственное, как бы родное и семейственное дело.

После “о нем” было: хотя отдаленную

Один только ты в России можешь предпринять и выполнить такое издание, потому что один только ты питал о нем постоянную мысль, один только ты не имел в виду денежных интересов и вознаграждений за труды, один ты безотчетно питал чистую, младенческую любовь к искусству, сделавшую тебя другом лучших поэтов наших и превратившую для тебя самое искусство в твое соб-

ственное, как бы родное и семейственное дело.

эту родную любовь

Один только ты в России можешь предпринять и выполнить такое издание, потому что один только ты питал о нем постоянную мысль, один только ты не имел в виду денежных интересов и вознаграждений за труды, один ты безотчетно питал чистую, младенческую любовь к искусству, сделавшую тебя другом лучших поэтов наших и превратившую для тебя самое искусство в твое собственное, как бы родное и семейственное дело.

После “искусство” было: как бы

Меру книгам дай небольшую, немного чем побольше Северных цветов, словом — чтобы и по достоинству и по виду издание походило на драгоценность.

Формат дай ему небольшой

Меру книгам дай небольшую, немного чем побольше Северных цветов, словом — чтобы и по достоинству и по виду издание походило на драгоценность.

После “небольшую”: альманашную

Всё это можешь исполнить один только ты, потому что, не имея в виду пользоваться доходами с него для своего собственного содержания и прокормленья, ты можешь всё употребить на красоту самого издания и таким образом доставить хлеб бедным художникам нашим, которым приходится иногда претерпевать горькую чашу.

сделать

Всё это можешь исполнить один только ты, потому что, не имея в виду пользоваться доходами с него для своего собственного содержания и прокормленья, ты можешь всё употребить на красоту самого издания и таким образом доставить хлеб бедным художникам нашим, которым приходится иногда претерпевать горькую чашу.

с издания

Итак, если всё это, что я теперь сказал, пришлось тебе по сердцу, то, благословясь, приступай с богом к составленью первой книжки Современника ко времени наступающего праздника светлого воскресения 1847 года, а письмо мое поставь первой статьей в виде программы или вступленья в самую книгу.

светлого праздника

До того же времени дай его прочесть всем тем, от которых ты пожелал бы иметь статью.

После “дай его” было: заблаговр<еменно>

Как ни слабо и ни поверхностно оно написано, но я уверен, что по прочтении его всяк согласится вместе с тобой и со мной в необходимости такого издания в России и, верно, даст тебе наилучшее из своих произведений.

написано мое письмо

В газетных листах ты можешь объявить о нем только немногими словами — именно, что Современник будет выходить в трех книгах в означенные сроки; прибавь к этому одни только имена тех, которых статьи будут помещены — этого достаточно.

в немногих словах

В газетных листах ты можешь объявить о нем только немногими словами — именно, что Современник будет выходить в трех книгах в означенные сроки; прибавь к этому одни только имена тех, которых статьи будут помещены — этого достаточно.

и приложить

Пусть лучше всё остальное, как достоин-

ство статей, так и роскошь самого издания, будет приятной неожиданностью для каждого читателя.

всем

<АВТОРСКАЯ ИСПОВЕДЬ.> **(Первоначальные варианты** **рукописи)**

Все согласны в том, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразных толков, как Выбранные места из переписки с друзьями.

не производила

И что всего замечательней, чего не случилось, может быть, доселе еще ни в какой литературе, предметом толков и критик стала не книга, но автор.

была

Подозрительно и недоверчиво разобрано было всякое слово, и всяк наперерыв спешил объявить источник, из которого оно произошло.

Подозрительно разобрано

Как, однако же, ни были потрясающи и

обидны для человека благородного и честно-го многие заключения и выводы, но, скрепясь, сколько достало небольших сил моих, я решился стерпеть всё и воспользоваться этим случаем, как указаньем свыше — рассмотреть построже самого себя.

а. эти

б. многие из этих

Как, однако же, ни были потрясающи и обидны для человека благородного и честно-го многие заключения и выводы, но, скрепясь, сколько достало небольших сил моих, я решился стерпеть всё и воспользоваться этим случаем, как указаньем свыше — рассмотреть построже самого себя.

а. Начато: стерпеть все обвинения стро<гих?>

б. стерпеть всё, желая воспользоваться этим случаем

Никогда и прежде я не пренебрегал советами, мненьями, осужденьями и упреками, уверяясь, чем далее, более, что если только истребишь в себе те щекотливые струны, которые способны раздражаться и гневаться, и приведешь себя в состояние всё выслушивать

спокойно, тогда услышишь тот средний голос, который получается в итоге тогда, когда сложишь все голоса и сообразишь крайности обеих сторон, словом — тот всеми искомый средний голос, который недаром называют гласом народа и гласом Божиим.

даже весьма жесткими упреками

Никогда и прежде я не пренебрегал советами, мнениями, осуждениями и упреками, уверяясь, чем далее, более, что если только истребишь в себе те щекотливые струны, которые способны раздражаться и гневаться, и приведешь себя в состояние всё выслушивать спокойно, тогда услышишь тот средний голос, который получается в итоге тогда, когда сложишь все голоса и сообразишь крайности обеих сторон, словом — тот всеми искомый средний голос, который недаром называют гласом народа и гласом Божиим.

искомый средний голос

В итоге мне слышались три разные мнения: первое, что книга есть произведение неслыханной гордости человека, возмнившего, что он стал выше всех своих читателей, имеет право на внимание всей России и мо-

жет преобразовывать целое общество; второе, что книга эта есть творение доброго, но впавшего в прелесть и в обольщение человека, у которого закружилась голова от похвал, от самоуслаждения своими достоинствами, который вследствие этого сбился и спутался; третье, что книга есть произведение христианина, глядящего с верной точки на вещи и ставящего всякую вещь на ее законное место.

и самоуслаждения

В ней находится то же, что во всяком человеке; прежде всего желанье добра, создавшее самую книгу, которое живет у всякого человека, если только он почувствовал, что такое добро; сознание искреннее своих недостатков и рядом с ним высокое мнение о своих достоинствах, желанье искреннее учиться самому и рядом с ним уверенность, что можешь научить многому и других; смирение и рядом с ним гордость, и, может быть, гордость в самом смирении; упреки другим в том самом, на чем поскользнулся сам и за что достоин еще больших упреков.

а именно

В ней находится то же, что во всяком чело-

веке; прежде всего желанье добра, создавшее самую книгу, которое живет у всякого человека, если только он почувствовал, что такое добро; сознание искреннее своих недостатков и рядом с ним высокое мнение о своих достоинствах, желанье искреннее учиться самому и рядом с ним уверенность, что можешь научить многому и других; смирение и рядом с ним гордость, и, может быть, гордость в самом смирении; упреки другим в том самом, на чем поскользнулся сам и за что достоин еще больших упреков.

также

Словом, то же, что в каждом человеке, с той только разницей, что здесь слетели все условия и приличия и всё, что таит внутри человек, выступило внаружу, с той еще разницей, что завопило это крикливей и громче, как в писателе, у которого всё, что ни есть в душе, просится на свет, ударило ярче всем в глаза, как в человеке, получившем на долю больше способностей сравнительно с другим человеком.

скрывается

Словом, то же, что в каждом человеке, с

той только разницей, что здесь слетели все условия и приличия и всё, что таит внутри человек, выступило внаружу, с той еще разницей, что завопило это крикливей и громче, как в писателе, у которого всё, что ни есть в душе, просится на свет, ударилось ярче всем в глаза, как в человеке, получившем на долю больше способностей сравнительно с другим человеком.

а. здесь выступило внаружу

б. здесь выступило как есть внаружу

Словом, то же, что в каждом человеке, с той только разницей, что здесь слетели все условия и приличия и всё, что таит внутри человек, выступило внаружу, с той еще разницей, что завопило это крикливей и громче, как в писателе, у которого всё, что ни есть в душе, просится на свет, ударилось ярче всем в глаза, как в человеке, получившем на долю больше способностей сравнительно с другим человеком.

в котором

Словом, то же, что в каждом человеке, с той только разницей, что здесь слетели все условия и приличия и всё, что таит внутри

человек, выступило внаружу, с той еще разницей, что завопило это крикливей и громче, как в писателе, у которого всё, что ни есть в душе, просится на свет, ударилось ярче всем в глаза, как в человеке, получившем на долю больше способностей сравнительно с другим человеком.

выступило ярче и виднее

Словом, то же, что в каждом человеке, с той только разницей, что здесь слетели все условия и приличия и всё, что таит внутри человек, выступило внаружу, с той еще разницей, что завопило это крикливей и громче, как в писателе, у которого всё, что ни есть в душе, просится на свет, ударилось ярче всем в глаза, как в человеке, получившем на долю больше способностей сравнительно с другим человеком.

несколько больше достоинств

Словом, книга может послужить только доказательством великой истины слов апостола Павла, сказавшего, что весь человек есть ложь.

вся книга

Из боязни, что мне не удастся окончить то-

го сочиненья моего, которым занята была постоянно мысль моя в течение десяти лет, я имел неосторожность заговорить вперед кое о чем из того, что должно было мне доказать в лице выведенных героев повествовательного сочинения.

в лицах

Это обратилось в неуместную проповедь, странную в устах автора, в какие<-то> мистические непонятные места, не вяжущиеся с остальными письмами.

И это

Это обратилось в неуместную проповедь, странную в устах автора, в какие<-то> мистические непонятные места, не вяжущиеся с остальными письмами.

и в какие<-то>

Наконец, разнообразный тон самих писем, писанных к людям разных характеров и свойств, писанных в разные времена моего душевного состоянья.

таких

Одни были писаны в то время, когда я, воспитываясь сам упреками, прося и требуя их от других, считал в то же время надобностью

раздавать их и другим; другие были писаны в то время, когда я стал чувствовать, что упреки следует приберечь для самого себя, в речах же с другими следует употреблять одну только братскую любовь.

начинал

Одни были писаны в то время, когда я, воспитываясь сам упреками, прося и требуя их от других, считал в то же время надобностью раздавать их и другим; другие были писаны в то время, когда я стал чувствовать, что упреки следует приберечь для самого себя, в речах же с другими следует употреблять одну только братскую любовь.

а к другим

Наконец, моя собственная темнота и неумение выражаться, принадлежности не вполне организовавшегося писателя, всё это споспешествовало тому, чтобы сбить не одного читателя и произвести бесчисленное множество выводов и заключений невпопад.

свидетели

Наконец, моя собственная темнота и неумение выражаться, принадлежности не вполне организовавшегося писателя, всё это

споспешествовало тому, чтобы сбить не одного читателя и произвести бесчисленное множество выводов и заключений невпопад.

клонилось к тому

Сделаю вскользь замечанья два на то, что не относится до моих нравственных качеств.

вскользь только

Из двух, трех слов, сказанных такому помещику, у которого все крестьяне земледельцы, озабоченные круглый год работой, вывести заключение, что я воюю против просвещения народного — это показалось мне очень странно, тем более, что я полжизни думал сам о том, как бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовавши, что нужно быть очень умну для того, чтобы знать, что прежде нужно подать народу.

а. остановился только затем

б. остановился оттого

Мне казалось, наконец, гораздо более требовавшим вниманья к себе не сословие земледельцев, но то тесное сословие, ныне увеличивающееся, которое вышло из земледельцев, которое занимает разные мелкие места

и, не имея никакой нравственности, несмотря на небольшую, грамотность, вредит всем, затем, чтобы жить на счет бедных.

а. то народонаселенье, которое вышло из сословия крестьян, которое занимает

б. не крестьянское сословие, но то, которое

А землепашец наш мне всегда казался нравственнее всех других и менее других нуждающийся в наставлениях писателя.

нуждавшийся в книгах.

Тоже не менее странным показалось мне, когда из одного места моей книги, где я говорю, что в критиках, на меня нападавших, есть много справедливого, вывели заключения, что я отвергаю все достоинства моих сочинений и не согласен с теми критиками, которые говорили в мою пользу.

свои достоинства

Я очень помню и совсем не позабыл, что по поводу небольших моих достоинств явились у нас очень замечательные критики, которые навсегда останутся памятниками любви к искусству, которые возвысили в глазах общества значенье поэтических созданий.

потом<u>

Не менее странно также — из того, что я выставил ярко на вид наши русские элементы, делать вывод, будто я отвергаю потребность просвещения европейского и считаю ненужным для русского знать весь трудный <путь?>

После “русские элементы”: и начала

И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу, и что только с помощью этого знания <можно> почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит.

тогда только можно узнать

И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу, и что только с помощью этого знания <можно> почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит.

нужно

С этой целью я и заговорил преимущественно о старом.

о том, что есть в нас старого

Словом, все эти односторонние выводы людей умных и притом таких, которых я во-все не считал односторонними, все эти придирки к словам, а не к смыслу и духу сочинения, показывают мне то, что никто не был в покойном расположении, когда читал мою книгу; что уже вперед установилось какое-то предубеждение, прежде чем она явилась в свет, и всякой глядел на нее вследствие уже заготовленного вперед взгляда, останавливаясь только над тем, что укрепляло его в предубеждении и раздражало, и проходя мимо всё то, что способно опровергнуть предубеждение, а самого читателя успокоить.

но уже установилось вперед

Словом, все эти односторонние выводы людей умных и притом таких, которых я во-все не считал односторонними, все эти придирки к словам, а не к смыслу и духу сочинения, показывают мне то, что никто не был в покойном расположении, когда читал мою книгу; что уже вперед установилось какое-то предубеждение, прежде чем она явилась в свет, и всякой глядел на нее вследствие уже

заготовленного вперед взгляда, останавливаясь только над тем, что укрепляло его в предубеждении и раздражало, и проходя мимо всё то, что способно опровергнуть предубеждение, а самого читателя успокоить.

можно опровергнуть его

Почти в глаза автору стали говорить, что он сошел с ума, и приписывали ему рецепты от умственного расстройства.

ему в глаза

Почти в глаза автору стали говорить, что он сошел с ума, и приписывали ему рецепты от умственного расстройства.

дока<зывать>

Не могу скрыть, что меня еще более опечалило, когда люди также умные, и притом не раздраженные, превозгласили печатно, что в моей книге ничего нет нового, что же и ново в ней, то ложь, а не истинно.

объ<явили>

Исповедь человека, который провел несколько лет внутри себя, который воспитывал себя, как ученик, желая вознаградить, хотя поздно, за время, потерянное в юности, и который притом не во всем похож на других

и имеет некоторые свойства, ему одному принадлежащие, — исповедь такого человека не может не представить чего-нибудь нового.

и скрытно от других, который получил на долю свою некоторые свойства не общие другим

Исповедь человека, который провел несколько лет внутри себя, который воспитывал себя, как ученик, желая вознаградить, хотя поздно, за время, потерянное в юности, и который притом не во всем похож на других и имеет некоторые свойства, ему одному принадлежащие, — исповедь такого человека не может не представить чего-нибудь нового.

вознаградить себя

Как бы то ни было, но в таком деле, где замешалось дело души, нельзя так решительно возвещать приговор.

а. в деле душевном

б. там, где замешалась душа

В душевном деле трудно и над человеком обыкновенным произнести суд свой.

После “произнести суд свой” было: тем более над таким человеком, которого судьба не похожа на других людей и который по при-

знанию [самого] самих судящих имеет

Словом, в этой решительности, с какою был произнесен этот приговор, мне показалась большая собственная самоуверенность судившего — в уме своем и в верховности своей точки воззрения.

в этом решительном и

Чтобы отвечать на этот запрос, я решаюсь чистосердечно и сколько возможно короче изложить всю повесть моего авторства, чтобы дать возможность всякому справедливее осудить меня, чтобы увидал читатель, переменял ли я поприще свое, умничал ли сам от себя, желая дать себе другое направление, или и в моей судьбе так же, как и во всем, следует признать участие того, кто располагает миром не всегда сообразно тому, как нам хочется, и с которым трудно бороться человеку.

другое направление судьбе моей

Чтобы отвечать на этот запрос, я решаюсь чистосердечно и сколько возможно короче изложить всю повесть моего авторства, чтобы дать возможность всякому справедливее осудить меня, чтобы увидал читатель, переменял ли я поприще свое, умничал ли сам от

себя, желая дать себе другое направление, или и в моей судьбе так же, как и во всем, следует признать участие того, кто располагает миром не всегда сообразно тому, как нам хочется, и с которым трудно бороться человеку.

с тем

Может быть, эта чистосердечная повесть моя послужит объяснением хотя некоторой части того, что кажется такой необъяснимой загадкой для многих, в недавно вышедшей моей книге.

послужит несколько

Может быть, эта чистосердечная повесть моя послужит объяснением хотя некоторой части того, что кажется такой необъяснимой загадкой для многих, в недавно вышедшей моей книге.

хотя несколько объяснением всего того

Может быть, эта чистосердечная повесть моя послужит объяснением хотя некоторой части того, что кажется такой необъяснимой загадкой для многих, в недавно вышедшей моей книге.

ныне

Знаю только то, что в те годы, когда я стал

задумываться о моем будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали еще об играх), мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра.

какой-то просторный

Знаю только то, что в те годы, когда я стал задумываться о моем будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали еще об играх), мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра.

много добра

Я думал, просто, что я выслужусь и всё это доставит служба государственная.

После “выслужусь и” было: что мне

Она пребывала неотлучно в моей голове впереди всех моих дел и занятий.

Мысль о службе

Она пребывала неотлучно в моей голове впереди всех моих дел и занятий.

После “в моей голове” было: и была

Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя, несмотря на мой меланхолической от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками; хотя в самых ранних суждениях моих о людях находили уменье замечать те особенности, которые ускользают от вниманья других людей, как крупные, так мелкие и смешные.

иногда

Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя, несмотря на мой меланхолической от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками; хотя в самых ранних суждениях моих о людях находили уменье замечать те особенности, которые ускользают от вниманья других людей, как

крупные, так мелкие и смешные.

а. в раз<говорах>

б. находили в разговорах

Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя, несмотря на мой меланхолической от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками; хотя в самых ранних сужденьях моих о людях находили уменье замечать те особенности, которые ускользают от вниманья других людей, как крупные, так мелкие и смешные.

больше такие

Говорили, что я умею не то что передразнить, но угадать человека, то есть угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого склада и образа его мыслей и речей.

угадывать

Говорили, что я умею не то что передразнить, но угадать человека, то есть угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого склада и образа его

мыслей и речей.

сказать, что он должен при таких и таких обстоятельствах

Но всё это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думал о том, что сделаю со временем из этого употребление.

После “о том, что” было:

а. мне из некогда

б. мне из этого

Может быть, с годами и с потребностью развлекать себя веселость эта исчезнула бы, а с нею вместе и мое писательство.

пропала бы

Но Пушкин заставил меня взглянуть на дело сурьезно.

После “на дело” было: писателя

Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: “Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью, не приняться за

большое сочинение!

а. начато: по про<чтении>

б. когда я ему прочел

Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: “Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью, не приняться за большое сочинение!

мое сочин<ение>

Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: “Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью, не приняться за большое сочинение!

выставить

Это, просто, грех!”

Это уже

На этот раз и я сам уже задумался сурьезно, — тем более, что стали приближаться такие года, когда сам собой приходит запрос всякому поступку: зачем и для чего его делаешь?

После “сам собой” было: дело

Я увидел, что в сочинениях моих смеюсь даром, напрасно, сам не зная зачем.

совершенно даром

Я сам почувствовал, что уже смех мой не тот, какой был прежде, что уже не могу быть в сочиненьях моих тем, чем был дотоле, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вместе с молодыми моими летами.

а. смехом

б. невинными, беззаботными сочиненьями

Напротив, я чувствовал что-то в роде отвораченья: всё у меня выходило натянуто, насильно и даже то, над чем я смеялся, становилось печально.

как-то печально

Я увидел ясно, что больше не могу писать без плана, вполне определительного и ясного, что следует хорошо объяснить прежде самому себе цель сочиненья своего, его существенную полезность и необходимость, вследствие чего сам автор возгорелся бы любовью истинной и сильной к труду своему, которая живо творит всё и без которой не идет работа.

очень

Словом, чтобы почувствовал и убедился сам автор, что, творя творенье свое, он исполняет именно тот долг, для которого он призван на землю, для которого именно даны ему способности и силы, и что, исполняя <его>, он служит в то же самое время так же государству своему, как бы он действительно находился в государственной службе.

почувствовал сам тв<орец>

Словом, чтобы почувствовал и убедился сам автор, что, творя творенье свое, он исполняет именно тот долг, для которого он призван на землю, для которого именно даны ему способности и силы, и что, исполняя <его>, он служит в то же самое время так же государству своему, как бы он действительно

находился в государственной службе.

который исполнял

Я еще не знал тогда, как многого мне не доставало затем, чтобы служить так, как я хотел служить.

что служба требует

Я не знал тогда, что нужно для этого победить в себе все щекотливые струны самолюбья личного и гордости личной, не забывать ни на минуту, что взял место не для своего счастья, но для счастья многих тех, которые будут несчастны, если благородный человек бросит свое место, что позабыть нужно обо всех огорчениях собственных.

следует

Но как только я почувствовал, что на поприще писателя могу сослужить также службу государственную, я бросил всё: и прежние свои должности, и Петербург, и общества близких душе моей людей, и самую Россию, затем, чтобы вдали и в уединеньи от всех обсудить, как это сделать, как произвести таким образом свое творенье, чтобы доказало оно, что я был также гражданин земли своей и хотел служить ей.

общества друзей

Но как только я почувствовал, что на поприще писателя могу сослужить также службу государственную, я бросил всё: и прежние свои должности, и Петербург, и общества близких душе моей людей, и самую Россию, затем, чтобы вдали и в уединеньи от всех обсудить, как это сделать, как произвести таким образом свое творенье, чтобы доказало оно, что я был также гражданин земли своей и хотел служить ей.

произвести мое творенье так, чтобы в нем, на нем увидели

Мне хотелось в сочинении моем выставить преимущественно те высшие свойства русской природы, которые еще не всеми ценятся справедливо, и преимущественно те низкие, которые еще недостаточно всеми осмеяны и поражены.

одни

Мне хотелось сюда собрать одни яркие психологические явления, поместить те наблюдения, которые я делал издавна сокровенно над человеком, которые не доверял дотолу перу, чувствуя сам незрелость его, которые,

быв изображены верно, послужили бы разгадкой многого в нашей жизни, словом — чтобы, по прочтеньи моего сочиненья, предстал как бы невольню весь русский человек, со всем разнообразьем богатств и даров, доставшихся на его долю, преимущественно перед другими народами, и со всем множеством тех недостатков, которые находятся в нем, также преимущественно пред всеми другими народами.

важные

Мне хотелось сюда собрать одни яркие психологические явления, поместить те наблюдения, которые я делал издавна сокровенно над человеком, которые не доверял дотоле перу, чувствуя сам незрелость его, которые, быв изображены верно, послужили бы разгадкой многого в нашей жизни, словом — чтобы, по прочтеньи моего сочиненья, предстал как бы невольню весь русский человек, со всем разнообразьем богатств и даров, доставшихся на его долю, преимущественно перед другими народами, и со всем множеством тех недостатков, которые находятся в нем, также преимущественно пред всеми другими

народами.

разгаданный

Мне хотелось сюда собрать одни яркие психологические явления, поместить те наблюдения, которые я делал издавна сокровенно над человеком, которые не доверял дотолу перу, чувствуя сам незрелость его, которые, быв изображены верно, послужили бы разгадкой многого в нашей жизни, словом — чтобы, по прочтении моего сочиненья, предстал как бы невольно весь русский человек, со всем разнообразьем богатств и даров, доставшихся на его долю, преимущественно перед другими народами, и со всем множеством тех недостатков, которые находятся в нем, также преимущественно пред всеми другими народами.

разнообразьем

Я думал, что лирическая сила, которой у меня был запас, поможет мне изобразить так эти достоинства, что к ним возгорится любовью русской человек, а сила смеха, которого у меня также был запас, поможет мне так ярко <изобразить> недостатки, что их возненавидит читатель, если бы даже нашел их в себе

самом.

был всегда запас

С тех пор, как мне начали говорить, что я смеюсь не только над недостатком, но даже целиком и над самим человеком, в котором заключен недостаток, и не только над всем человеком, но и над местом, над самою должностью, которую он занимает (чего я никогда даже не имел и в мыслях), я увидал, что нужно со смехом быть очень осторожным, — тем более, что он заразителен, и стоит только тому, кто поостроумней, посмеяться над одной стороной дела, как уже, во след за ним, тот, кто, потупее и поглупее, будет смеяться над всеми сторонами дела.

дурным

С тех пор, как мне начали говорить, что я смеюсь не только над недостатком, но даже целиком и над самим человеком, в котором заключен недостаток, и не только над всем человеком, но и над местом, над самою должностью, которую он занимает (чего я никогда даже не имел и в мыслях), я увидал, что нужно со смехом быть очень осторожным, — тем более, что он заразителен, и стоит только то-

му, кто поостроумней, посмеяться над одной стороной дела, как уже, во след за ним, тот, кто, потупее и поглупее, будет смеяться над всеми сторонами дела.

за ним во с<лед>

Словом, я видел ясно, как дважды два четыре, что прежде, покамест не определю себе самому определительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши, мне нельзя приступить; а чтобы определить себе русскую природу, следует узнать получше природу человека вообще и душу человека вообще: без этого не станешь на ту точку воззрения, с которой видятся ясно недостатки и достоинства всякого народа.

достигнуть

Словом, я видел ясно, как дважды два четыре, что прежде, покамест не определю себе самому определительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши, мне нельзя приступить; а чтобы определить себе русскую природу, следует узнать получше природу человека вообще и душу человека вообще: без этого не ста-

нешь на ту точку воззрения, с которой видятся ясно недостатки и достоинства всякого народа.

увидишь

Всё, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустытника, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в нем ключ к душе человека, и что еще никто из душезнателей не всходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял он.

ясное познание

Всё, где только выражалось познание людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустытника, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в нем ключ к душе человека, и что еще никто из душезнателей не всходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял он.

никто доселе

К этому привел меня и анализ над моею

собственной душой: я увидел тоже математически ясно, что говорить и писать о высших чувствах и движениях человека нельзя по воображению: нужно заключить в себе самом хотя небольшую крупицу этого, словом — нужно сделаться лучшим.

сделаться хоть сколько-нибудь лучшим самому

Это может показаться довольно странным, особенно для тех, которые получили в юности совершенно оконченное и полное воспитание.

самое

Я начал с таких первоначальных книг, что стыдился даже показывать и скрывал все свои занятия.

Я учил себя самого, как учитель ученика. Я начал с первоначальных книг, которые стыдился даже показывать, так что никто не знал, чем я занимаюсь

Я наблюдал над собой, как учитель над учеником, не в книжном учении, но и в простом нравственном, глядя на себя самого, как на школьника.

не только в книжном учении, но даже

[так] и в нравственном

Я поместил кое-что из этих проделок над самим собою в книге моих писем, вовсе не затем, чтобы пощеголять чем-нибудь (да и не знаю, чем тут щеголять), но из желанья добра: авось кому-нибудь принесет это пользу: я был уверен, что много, подобно мне, воспитались в школе плохо и потом, подобно мне, спохватились, желая искренно себя поправить.

порисоваться

Я поместил кое-что из этих проделок над самим собою в книге моих писем, вовсе не затем, чтобы пощеголять чем-нибудь (да и не знаю, чем тут щеголять), но из желанья добра: авось кому-нибудь принесет это пользу: я был уверен, что много, подобно мне, воспитались в школе плохо и потом, подобно мне, спохватились, желая искренно себя поправить.

потому что я был уверен

В ответ же тем, которые попрекают мне, зачем я выставил свою внутреннюю клеть, могу сказать то, что все-таки я еще не монах, а писатель.

тем, что

В ответ же тем, которые попрекают мне, зачем я выставил свою внутреннюю клеть, могу сказать то, что все-таки я еще не монах, а писатель.

После “писатель” было: У писателя не может ничего выходить внаружу, кроме того, что [есть] делается в его собственной душе

Я не считал ни для кого соблазнительным открыть публично, что я стараюсь быть лучшим, чем я есть.

После “я есть” было: Что же делать, если я точно стораю [честолюбьем] желаньем совершенства? Разве я должен стыдиться этого чувства? И не вижу, зачем это скрывать. Я не вижу или что

Противным я действительно казался себе самому вовсе не от смиренья, но потому, что в мыслях моих чем далее, тем яснее представлялся идеал прекрасного человека, тот благостный образ, каким должен быть на земле человек, и мне становилось всякой раз после этого противно глядеть на себя.

но чем представлял <ся> мне ясней в моих мыслях идеал прекрасного человека, чем яр-

че, выше выступал передо мною

Это не смирение, но скорее то чувство, которое бывает у завистливого человека, который, увидевши в чужих руках вещь лучшую, бросает свою и не хочет уже глядеть на нее.

Это вовсе не смирение, это скорее похоже на то чувство

Это не смирение, но скорее то чувство, которое бывает у завистливого человека, который, увидевши в чужих руках вещь лучшую, бросает свою и не хочет уже глядеть на нее.

После “лучшую” было начато: нежели та, которая

Притом мне посчастливилось встретить на веку своем, и особенно в последнее время, несколько таких людей, перед душевными качествами которых показались мне мелкими мои качества, и всякий раз я негодовал на себя за то, что не имею того, что имеют другие.

много

Притом мне посчастливилось встретить на веку своем, и особенно в последнее время, несколько таких людей, перед душевными качествами которых показались мне мелки-

ми мои качества, и всякий раз я негодовал на себя за то, что не имею того, что имеют другие.

слишком презренными

Тут нужно обвинять разве завистливую вообще натуру.

мою

Всё меня приводило в это время к исследованию общих законов души нашей: мои собственные душевные обстоятельства, наконец обстоятельства внешние, над которыми мы не властны и которые всякой раз обращали меня противовольно вновь к тому же предмету, как только я от него отдалялся.

даже почти противовольно

Жизнь я преследовал в ее действительности, а не в мечтах воображения, и пришел к тому, кто есть источник жизни.

пришел вновь

От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движениях его, которые пропускаются без вниманья людьми — и я пришел к тому, который один полный ведатель души и от кого одного и мог только узнать полнее ду-

шу.

есть

И только тогда, когда нашел удовлетворенье в некоторых главных вопросах, мог приступить вновь к моему сочинению, первая часть которого составляет еще поныне загадку, потому что заключает в себе некоторую часть переходного состоянья моей собственной души, тогда как еще не вполне отделилось во мне то, чему следовало отделяться.

составляет

Как только кончилось во мне это состояние, и жажда знать человека вообще удовлетворилась, во мне родилось желанье сильное знать Россию.

как только

Как только кончилось во мне это состояние, и жажда знать человека вообще удовлетворилась, во мне родилось желанье сильное знать Россию.

во мне удовлетворилась

Из-за этого я старался завести переписку с такими людьми, которые могли мне что-нибудь сообщать.

После “сообщать” было: по этой части

Всё это было мне нужно не затем, чтобы в голове моей не было ни характеров, ни героев: их было у меня уже много; они выработались из познания природы человеческой гораздо полнейшего, чем какое было во мне прежде; но сведения эти мне, просто, нужны были, как нужны этюды с натуры художнику, который пишет большую картину своего собственного сочинения.

нужны были так же

Всё это было мне нужно не затем, чтобы в голове моей не было ни характеров, ни героев: их было у меня уже много; они выработались из познания природы человеческой гораздо полнейшего, чем какое было во мне прежде; но сведения эти мне, просто, нужны были, как нужны этюды с натуры художнику, который пишет большую картину своего собственного сочинения.

такому художнику

Мне нужно было знать гораздо больше, сравнительно со всяким другим писателем, потому что стоило мне несколько подробностей пропустить, не принять в соображение — и ложь у меня выступала ярче, нежели

у кого другого.

предметов

Но воображенье мое до сих пор не подарило меня ни одним замечательным характером и не создало ни одной такой вещи, которую где-нибудь не подметил мой взгляд в натуре.

не видела моя память

Я поместил в книге моей Переписка с друзьями несколько писем к помещикам и к разным должностным лицам (из них большая часть не напечатана) вовсе не затем, чтобы со мной безусловно согласились, но чтобы опровергнули меня приведеньем анекдотических фактов.

Я напечатал

Но вместо дел, интересных для всякого русского человека, и наших русских вопросов, занялись моей собственной личностью и исписали целые листы о том, имею ли я право мешаться в подобные дела.

Но как известно вам, вместо дел России и наших русских вопросов занялись моей собственной личностью и стали рассуждать

Я очень знал, что над ним многие посме-

ются; но я готов был выдержать всякое осмеяние, лишь бы только добиться своего.

весьма

Я думал, что, может, хоть пять, шесть человек захотят исполнить мою просьбу так, как я желал.

После “пять, шесть человек”: в России

Зная, что у всех нас есть какая-то лень на подъемность, на работу, вследствие которых почти всякому из нас трудно что-нибудь доставать из своей памяти, я думал, что чтение Мертвых душ может расшевелить, особенно, если и карандаш и бумага будет при этом под рукой.

иного расшевелить

Я выставил свой адрес и просил прислать мне в письме только тех, которые не захотели бы печатать, но вообще я считал гораздо полезнее сделать их всеобщую известностью.

в таком случае, если

Мне казалось даже необходимым и в нынешнее время это распространение известий о России посредством живых фактов, потому что в это время, которое недаром называют переходным, почти у всякого человека, на

всех поприщах, заметно стремление преобразовывать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противу всякого зла.

казалось это

Мне казалось даже необходимым и в нынешнее время это распространение известий о России посредством живых фактов, потому что в это время, которое недаром называют переходным, почти у всякого человека, на всех поприщах, заметно стремление преобразовывать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противу всякого зла.

После “живых фактов” было начато: именно в нынешнее время, которое недаром называют

Мне казалось даже необходимым и в нынешнее время это распространение известий о России посредством живых фактов, потому что в это время, которое недаром называют переходным, почти у всякого человека, на всех поприщах, заметно стремление преобразовывать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противу всякого зла.

готовыми средствами

Я думал, что теперь более, чем когда-либо,

нужно нам обнаружить внаружу всё, что ни есть внутри Руси, чтобы мы почувствовали, из какого множества разнородных начал состоит наша почва, на которой мы все стремимся сеять, и лучше бы осмотрелись прежде, чем произносить что-либо так решительно, как ныне все произносят.

чтобы хоть сколько-нибудь мы почувствовали все, что русская наша почва состоит из такого множества разнородных начал, что [если] слишком хорошо нужно разобрать их, прежде чем что-нибудь на ней сеять

Я думал, что теперь более, чем когда-либо, нужно нам обнаружить внаружу всё, что ни есть внутри Руси, чтобы мы почувствовали, из какого множества разнородных начал состоит наша почва, на которой мы все стремимся сеять, и лучше бы осмотрелись прежде, чем произносить что-либо так решительно, как ныне все произносят.

какое-нибудь мнение или заключение вообще

Я питал втайне надежду, что чтение Мерт<вых> душ наведет некоторых на мысль писать свои собственные записки, что многие

почувствуют даже некоторое обращение на самих себя, потому что и в самом авторе, в то время, когда писаны были Мертвые души, произошло некоторое обращение на самого себя.

во время их писания

Я думал, что тот, кто уже находится на склоне дней своих и тревожим мыслью, что жизнь его протекла без пользы, и он сделал мало для общего добра земли своей, почувствует сильнее, что верным и живым изображением людей, характеров и случаев своего времени он может познакомить с Русью людей молодых и начинающих действовать и таким образом больше чем вознаградит прекрасно за свою недеятельность.

После “что” было:

а. многое он может вознаградить

б. он познакомив

Я думал, что тот, кто уже находится на склоне дней своих и тревожим мыслью, что жизнь его протекла без пользы, и он сделал мало для общего добра земли своей, почувствует сильнее, что верным и живым изображением людей, характеров и случаев своего

времени он может познакомить с Русью людей молодых и начинающих действовать и таким образом больше чем вознаградит прекрасно за свою недеятельность.

а. познакомить других с Русью

б. познакомить людей молодых и начинающих действовать с Русью

Привожу всё это затем, чтобы показать, как я употреблял все силы держаться на своем поприще и придумывал все средства, которые могли двинуть мою работу, не имея и в мыслях оставлять звание писателя.

чтобы видел читатель

Привожу всё это затем, чтобы показать, как я употреблял все силы держаться на своем поприще и придумывал все средства, которые могли двинуть мою работу, не имея и в мыслях оставлять звание писателя.

средства

Не могу не заметить при этом случае, что многие изъясляли изумление тому, что я так желаю известий о России и в то же время сам остаюсь вне России, не соображая того, что, кроме болезненного состоянья моего здоровья, потребовавшего теплого климата, мне

нужно было это удаление от России затем, чтобы пребывать живее мыслью в России.

После “России” было: Кроме

Не могу не заметить при этом случае, что многие изъявляли изумление тому, что я так желаю известий о России и в то же время сам остаюсь вне России, не соображая того, что, кроме болезненного состоянья моего здоровья, потребовавшего теплого климата, мне нужно было это удаление от России затем, чтобы пребывать живее мыслью в России.

После “пребывать” было: в России

Для <тех>, которые не могут этого почувствовать, объяснюсь, хотя мне несколько трудно объясняться во всем том, что составляет свойства, собственно мне принадлежащие.

составляют мою собственную оригинальность, особенность, качества

Почти у всех писателей, которые не лишены творчества, есть способность, которую я не назову воображеньем, способность представлять предметы отсутствующие так живо, как бы они были пред нашими глазами.

одарен<ы>

Почти у всех писателей, которые не лишены

ны творчества, есть способность, которую я не назову воображением, способность представлять предметы отсутствующие так живо, как бы они были пред нашими глазами.

так представлять

Но я видел в то же время, что, изображая современность, нельзя находиться в том высоко настроенном и спокойном состоянии, какое необходимо для произведения большого и стройного труда.

вместе с тем

Но я видел в то же время, что, изображая современность, нельзя находиться в том высоко настроенном и спокойном состоянии, какое необходимо для произведения большого и стройного труда.

высоком настроенье

Я стал думать о том, как бы выбраться из ряду других и стать на такое место, откуда бы я мог увидеть всю массу, а не людей только, возле меня стоящих, — как бы, отдалившись от настоящего, обратить его некоторым образом для себя в прошедшее.

около

Но, странное дело, даже в детстве, даже во

время школьного ученья, даже в то время, когда я помышлял только об одной службе, а не о писательстве, мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвованье и что, именно для службы моей отчизне, я должен буду воспитаться где-то вдали от нее.

в школе

Но, странное дело, даже в детстве, даже во время школьного ученья, даже в то время, когда я помышлял только об одной службе, а не о писательстве, мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвованье и что, именно для службы моей отчизне, я должен буду воспитаться где-то вдали от нее.

моему отечеству

Я не знал, ни как это будет, ни почему это нужно; я даже не задумывался об этом, но видел самого себя так живо в какой-то чужой земле тоскующим по своей отчизне, картина эта так часто меня преследовала, что я чувствовал от нее грусть.

Я даже не знал

Я не знал, ни как это будет, ни почему это

нужно; я даже не задумывался об этом, но видел самого себя так живо в какой-то чужой земле тоскующим по своей отчизне, картина эта так часто меня преследовала, что я чувствовал от нее грусть.

всей

Я не знал, ни как это будет, ни почему это нужно; я даже не задумывался об этом, но видел самого себя так живо в какой-то чужой земле тоскующим по своей отчизне, картина эта так часто меня преследовала, что я чувствовал от нее грусть.

просто грусть

Может бы<ть>, это было, просто, то непонятное поэтическое влечение, которое тревожило иногда и Пушкина, ехать в чужие края, единственно затем, чтобы, по выраженью его, “Под небом Африки моей / Вздохнуть о сумрачной России”.

После “Пушкина” было начато: остави<ть>

Как бы то ни было, но это противувольное мне самому влеченье было так сильно, что не прошло пяти месяцев по прибытии моем в Петербург, как я сел уже на корабль, не будучи в силах противиться чувству, мне само-

му непонятному.

а. приехавши в Петербург

б. не прошло месяца

Как бы то ни было, но это противувольное мне самому влечение было так сильно, что не прошло пяти месяцев по прибытии моем в Петербург, как я сел уже на корабль, не будучи в силах противиться чувству, мне самому непонятному.

После “как” было: службу

Я знал только то, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорей, чтобы натерпеться, точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее.

почувствую

Я знал только то, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорей, чтобы натерпеться, точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее.

истинную любовь

Едва только я очутился в море, на чужом

корабле, среди чужих людей (пароход был аглицкий, и на нем ни души русской), мне стало грустно; мне сделалось так жалко друзей и товарищей моего детства, которых я оставил и которых я всегда любил, что прежде, чем вступить на твердую землю, я уже подумал о возврате.

После “людей” было: как почувствовал такую жалость

Едва только я очутился в море, на чужом корабле, среди чужих людей (пароход был аглицкий, и на нем ни души русской), мне стало грустно; мне сделалось так жалко друзей и товарищей моего детства, которых я оставил и которых я всегда любил, что прежде, чем вступить на твердую землю, я уже подумал о возврате.

я прежде, чем вступил на твердую землю, подумал

Три дни только я пробыл в чужих краях и, несмотря на то, что новость предметов начала меня завлекать, я поспешил на том же самом пароходе возвратиться, боясь, что иначе мне не удастся возвратиться.

те горы предметов

Три дни только я пробыл в чужих краях и, несмотря на то, что новость предметов начала меня завлекать, я поспешил на том же самом пароходе возвратиться, боясь, что иначе мне не удастся возвратиться.

аглицком пароходе

Три дни только я пробыл в чужих краях и, несмотря на то, что новость предметов начала меня завлекать, я поспешил на том же самом пароходе возвратиться, боясь, что иначе мне не удастся возвратиться.

как бы опасаясь

С тех пор я дал себе слово не питать и мысли о чужих краях, и точно, во все время пребывания моего в Петербурге, в продолжение целых семи лет не приходили мне никогда на мысли чужие края, покамест обстоятельства моего здоровья, некоторые огорченья и наконец потребность большего уединения не заставили меня оставить Россию.

наконец обстоятельства

Я узнавал только то, что делается в аглицком клубе, да кое-что из того, что я и сам уже знал.

О ТОМ

Но с другой стороны, от этого произошла торопливость делать выводы и заключения из двух, трех фактов о всем целом и беспрестанная позабывчивость того, что не все вещи и не все стороны соображены и взвешены.

взять к соображению

Мне нужно было не того, мне нужно было просто таких бесед, как бывали в старину, как всяк рассказывал только то, что видел, слышал на веку, и разговор казался собраньем анекдотов, а не рассуждением.

что припоминал из того <...>

Это мне нужно было уже и потому, что я и сам начинал невольно заражаться этой торопливостью <ю> заключать и выводить, всеобщим поветрием нынешнего времени.

тем, что я стал чувствовать, что уже и сам начинаю заражаться

Словом — во всё пребыванье мое в России Россия у меня в голове рассеивалась и разлеталась.

После “разлеталась” было: Россия

Но как только я выезжал из нее, она совокуплялась вновь в моих мы<сл>ях целой, же-

ланье знать ее пробуждалось во мне вновь, и охота знакомиться со всяким свежим человеком, недавно выехавшим из России, становилась вновь сильна.

а. совокуплялась вновь в одно целое

б. совокуплялась в какое-то целое

Но как только я выезжал из нее, она совокуплялась вновь в моих мы^{<сл>}ях целой, желание знать ее пробуждалось во мне вновь, и охота знакомиться со всяким свежим человеком, недавно выехавшим из России, становилась вновь сильна.

только недавно

Вот что заставило меня предпочесть пребывание вне России, даже и в отношении <к тому, чтобы> побольше слышать о России.

слышать и знать о России

Разъездами по государству немного возьмешь, останутся в голове только станции да трактиры.

тут останутся

Знакомства и в городах и деревнях тоже довольно трудны для разъезжающего не по казенной надобности, могут принять за какого-нибудь шпиона, и приобретешь разве толь-

ко сюжет для комедии, которой имя бестолковщина.

После “шпиона” начато: доста<нешь>

Если ж узнают, что разъезжающий есть и писатель вместе, тогда положение еще смешнее: половина читающей России уверена серьезно, что я живу единственно для осмеянья всего, что ни есть в человеке, от головы до ног.

А если

Если ж узнают, что разъезжающий есть и писатель вместе, тогда положение еще смешнее: половина читающей России уверена серьезно, что я живу единственно для осмеянья всего, что ни есть в человеке, от головы до ног.

тем более, что очень уверен

Если ж узнают, что разъезжающий есть и писатель вместе, тогда положение еще смешнее: половина читающей России уверена серьезно, что я живу единственно для осмеянья всего, что ни есть в человеке, от головы до ног.

других

А между тем никогда еще до сих пор не

чувствовал <я> так сильно потребность знать современное состояние нынешнего русского человека, — тем более, что теперь так разошлись все в образах мыслей, так вихорь недо-разумений обуял всех, что никто не в силах судить верно друг друга, и нужно как бы щупать собственной рукою всякую вещь, не доверяя никому.

никто почти не судит верно

Я не мог быть без этих сведений.

Я тем более чувствовал потребность сведе-ний

Ныне избранные характеры и лица мое<го> соч<ине>ния крупней прежних.

потому что характеры, выбранные лица и герои у меня

Для этого нужны все те бесчисленные мелочи и подробности, которые говорят, что взятое лицо действительно жило на свете.

это лицо

Иначе оно станет идеальным: будет бледно и, сколько ни навяжи ему добродетелей, будет всё ничтожно.

станет вдруг идеальным

Иначе оно станет идеальным: будет блед-

но и, сколько ни навяжи ему добродетелей, будет всё ничтожно.

как бы

Это полное воплощение в плоть, это полное округление характера совершалось у меня только тогда, когда я беру в уме своем весь этот прозаический существенный дрязг жизни, когда, держа в голове все крупные черты характера, собираю в то же время вокруг его всё тряпье до малейшей булавки, которое кружится ежедневно вокруг человека, словом — когда соображу всё от мала до велика, ничего не пропустивши.

соображу решительно всё

Мне всегда нужно было выслушать слишком много людей, чтобы образовалось во мне собственное мое мнение, и тогда только мое мнение находили здоровым и умным.

выходило у меня мнение, которое находили точно здоровым

Когда же я не всех выслушаю и потороплюсь выводом, оно выходило только резко и необыкновенно.

потороплюсь с своим выводом, у меня мнение выходило

В ней всё выводы; но дело в том, что одни выводы взяты из всех сторон дела и потому всем ясны, другие из некоторых, не всем известных, и потому темны, а для многих кажутся даже и вовсе нелепицей.

для некоторых людей

Как воевать с собою, если сделался требователен к самому себе?

а. Я хотел писать так, как писалось в молодости, то есть как попало, куда поведет, но как воевать с собою, если потребности так увеличились

б. Я пробовал писать по-прежнему, как писалось в молодости, то есть как попало, куда поведет, но как воевать с собою

Как воевать с собою, если сделался требователен к самому себе?

так

Как воевать с собою, если сделался требователен к самому себе?

После “самому себе” было начато: Если так сильны

Как полететь воображеньем, если б оно и было, если рассудок на всяком шагу задает вопрос: зачем?

Куда тут полететь воображением, если б [пришл<о>] оно и было, если рассудок требует отчета и на всяком шагу спрашивает

Зачем случились многие такие обстоятельства, которых я не призывал?

странные обстоятельства

Зачем случились многие такие обстоятельства, которых я не призывал?

После “не призывал” было: Зачем жажда знать душу так томила меня?

Зачем мне определено было не иначе приобрести познание души человека, как произведя строгий анализ над собственной душою?

а. сдела<вши>

б. произведши

Зачем желаньем изобразить русского человека я возгорелся не прежде, как узнавши получше общие законы действий человеческих, а узнал их не прежде, как пришедши к тому, кто один ведатель и действий человеческих и всех малейших наших душевных тайн?..

После “действий человеческих” было: вообще

Зачем, наконец, были такие обстоятель-

ства, о которых я не могу даже сказать, но которые заставляли меня, против воли моей собственной, входить глубже в душу человека?

мне не следует никому говорить

Обрадовавшись тому, что расписался кое-как в письмах к моим знакомым и друзьям, я захотел тотчас же из этого сделать употребление, и едва только оправился от тяжелой болезни моей, как составил из них книгу, поставившись дать ей какой-то порядок и последовательность, <что>бы она походила на дельную книгу, не размысливши того, что многое, обращенное к некоторым, общество примет на свой <счет>, особенно после завещанья, обращенного к лицу всех соотечественников.

кое-как дать порядок

Обрадовавшись тому, что расписался кое-как в письмах к моим знакомым и друзьям, я захотел тотчас же из этого сделать употребление, и едва только оправился от тяжелой болезни моей, как составил из них книгу, поставившись дать ей какой-то порядок и последовательность, <что>бы она походила на дельную книгу, не размысливши того, что многое,

обращенное к некоторым, общество примет на свой <счет>, особенно после завещанья, обращенного к лицу всех соотечественников.

После “книгу” было: да

Обрадовавшись тому, что расписался кое-как в письмах к моим знакомым и друзьям, я захотел тотчас же из этого сделать употребленье, и едва только оправился от тяжелой болезни моей, как составил из них книгу, поставившись дать ей какой-то порядок и последовательность, <что>бы она походила на дельную книгу, не размысливши того, что многое, обращенное к некоторым, общество примет на свой <счет>, особенно после завещанья, обращенного к лицу всех соотечественников.

После “что” было: не все то будет общество

Я думал вслед ее заговорить о том, что раскроет предо мною побольше Русь, освежит, оживит меня и заставит меня взяться за перо.

заговорить о тех вопросах и о всем

Положим, если бы даже я в силах был как-нибудь победить <себя>, перо мое получило бы беглость и страницы полились непринужденно одна за другою — таково ли душевное состоянье мое, чтобы сочиненья мои были

действительно в это время полезны и нужны
нынешнему обществу?

перо б мое

Все, более чем когда-либо прежде, ныне
чувствуют, что мир в дороге, а не у пристани,
не на ночлеге, не на временной станции или
отдыхе.

После “не у пристани” было начато: даже
время

Но это желанное состояние ищется всеми;
уши всех чутко обращены в т<у> сторон<у>,
где думают услышать хоть что-нибудь о во-
просах, всех занимающих.

жадно и чутко обращены к тому

Но это желанное состояние ищется всеми;
уши всех чутко обращены в т<у> сторон<у>,
где думают услышать хоть что-нибудь о во-
просах, всех занимающих.

После “что-нибудь” начато: разре<шаю-
щее?>

Никто не хочет читать другой книги, кро-
ме той, где может содержаться хотя намек на
эти вопросы.

не хочет теперь

Никто не хочет читать другой книги, кро-

ме той, где может содержаться хотя намек на эти вопросы.

есть хотя какой-нибу<дь>

Надобны ли в это время сочинения такого писателя, который одарен способностью творить, создавать живые образы людей и представлять ярко жизнь в том виде, как она представляется ему самому, мучимому жаждой знать ее?

Полезны

Требованья от него слишком велики — и справедливо: для того, чтобы передавать одну верную копию с того, что видим перед глазами, есть также другие писатели, одаренные иногда в высшей степени способностью живописать, но лишенные способности творить.

всякий день перед глазами

Но кто создает, кто трудится над этим долго, кому приходится дорого его создание, тот должен уже потрудиться не даром.

После “создает” было: кому

Так, по крайней <мере>, определяют поэтов и вообще писателей, наделенных творчеством, эстетики как нынешнего времени, так и прежних времен.

определяют себя

Возвратить людей в том же виде, в каком и взял, для писателя-творца даже невозможно: это дело сделает лучше его тот, кто, владея беглою кистью, может рисовать всякую минуту всё, что проходит пред его глазами, не мучимый и не тревожимый внутри ничем.

беглыми

Возвратить людей в том же виде, в каком и взял, для писателя-творца даже невозможно: это дело сделает лучше его тот, кто, владея беглою кистью, может рисовать всякую минуту всё, что проходит пред его глазами, не мучимый и не тревожимый внутри ничем.

После “не тревожимый” было: никакой

Стало быть, в нынешнее время, когда все так заняты вопросом жизни, такой писатель может, более чем кто-либо другой, быть разрешителем современных вопросов; но когда и в каком случае?

После “в нынешнее время” начато:

а. более, чем кто-либ<о>

б. Такой писатель

Стало быть, в нынешнее время, когда все так заняты вопросом жизни, такой писатель

может, более чем кто-либо другой, быть разрешителем современных вопросов; но когда и в каком случае?

современным вопросам

Если он, при всех великих дарах, при картинной живописи слова, при орлиной силе взгляда, при возносящей силе лиризма и поражающей силе сарказма, и приобретет полное познание земли своей и своего народа в корне и в ветвях, воспитается как гражданин своей земли и как гражданин всего человечества, и как кремень станет во всем том, в чем повелено быть крепку скале — человеку, тогда он выступай на поприще.

при даре слова

Если он, при всех великих дарах, при картинной живописи слова, при орлиной силе взгляда, при возносящей силе лиризма и поражающей силе сарказма, и приобретет полное познание земли своей и своего народа в корне и в ветвях, воспитается как гражданин своей земли и как гражданин всего человечества, и как кремень станет во всем том, в чем повелено быть крепку скале — человеку, тогда он выступай на поприще.

После “сарказма” было: и воспитается
Владея ~ Разумеет<ся>, что с такими сред-
ствами ему ничего не будет стоить выгнать
из голов всех тех героев, которых напустили
туда модные писатели.

Если с такими средствами, с такими ору-
дьями станет подавать он обществу людей и
притом таких людей, которые потребны в ны-
нешнее время, в современную эпоху и оденет
этой портретной живостью, [которая произ-
водит то, что], которая делает <то, что> [ли-
ца], изображенные образы преследуют нас
повсюду, так что нельзя и оторваться, то разу-
меется

Разумеет<ся>, что с такими средствами
ему ничего не будет стоить выгнать из голов
всех тех героев, которых напустили туда мод-
ные писатели.

модных героев

Заговори только с обществом, наместо са-
мых жарких рассуждений, этими живыми об-
разами, которые, как полные хозяева, входят
в души людей, и двери сердец растворятся са-
ми навстречу к принятью их, если только по-
чувствуют, хоть каплю почувствуют, что они

взяты из нашей природы, из того же тела.

а. рас<суждений>

б. фраз и рассуждений

Заговори только с обществом, наместо самых жарких рассуждений, этими живыми образами, которые, как полные хозяева, входят в души людей, и двери сердец растворятся сами навстречу к принятью их, если только почувствуют, хоть каплю почувствуют, что они взяты из нашей природы, из того же тела.

После “людей” было: даже против

Заговори только с обществом, наместо самых жарких рассуждений, этими живыми образами, которые, как полные хозяева, входят в души людей, и двери сердец растворятся сами навстречу к принятью их, если только почувствуют, хоть каплю почувствуют, что они взяты из нашей природы, из того же тела.

невольюно раскрываются

Заговори только с обществом, наместо самых жарких рассуждений, этими живыми образами, которые, как полные хозяева, входят в души людей, и двери сердец растворятся сами навстречу к принятью их, если только почувствуют, хоть каплю почувствуют, что они

взяты из нашей природы, из того же тела.

а. если только они взяты из того же тела,
природы

б. особенно, когда вся

Заговори только с обществом, наместо самых жарких рассуждений, этими живыми образами, которые, как полные хозяева, входят в души людей, и двери сердец растворятся сами навстречу к принятью их, если только почувствуют, хоть каплю почувствуют, что они взяты из нашей природы, из того же тела.

После “нашей” было: русск<ой>

Чем он сам менее похож на других людей, чем он необыкновеннее, чем отличное от других, чем своеобразнее, тем больше может произвести всеобщих заблуждений и недоразумений.

других людей

То, что в нем есть не более, как естественное явление, законный ход его необыкновенного организма, состоянье временн<ое> духа, может показать<ся> другим людям верховною точкою, до которой следует всем дойти.

естественный переход или, лучше

То, что в нем есть не более, как естествен-

ное явление, законный ход его необыкновенного организма, состояние временного духа, может показать<ся> другим людям верховною точкою, до которой следует всем дойти.

переход

Чем больше одушевится он любовью к героям и лицам своим, чем больше отделает, чем с большею живостью выставит их, тем больше вреда.

к тем героям

Чем больше одушевится он любовью к героям и лицам своим, чем больше отделает, чем с большею живостью выставит их, тем больше вреда.

После “вреда” было начато: Таким образом

Известная французская писательница, больше всех других наделенная талантами, в немного лет произвела сильнее изменение в нравах, чем все писатели, заботившиеся о развращении людей.

а. Рассуждающие о нравственности

б. заботившиеся получить<?> рассуждения

Она, может быть, и в промышленности не имела проповедовать разврат, а обнаружила только временное заблуждение свое, от кото-

рого потом, может быть, и отказалась, переступивши в другую эпоху своего состояния душевного.

После “потом” было начато: и отказ<алась>

Я сам писатель, не лишенный творчества; я владею также некоторыми из тех даров, которые способны увлекать.

я владел

Покорный общему стремлению, которое не от нас, но совершается по воле того <...>, [помышляю я] о своем собственном строении, как помышляют и другие.

После “того” было:

а. помышлял также

б. Я потом по пример<у>

Я чувствую, что и теперь нахожусь далеко от того, к чему стремлюсь, а потому не должен выступать.

и может быть еще нахожусь доселе

Я чувствую, что и теперь нахожусь далеко от того, к чему стремлюсь, а потому не должен выступать.

и чувствую

Я чувствую, что и теперь нахожусь далеко

от того, к чему стремлюсь, а потому не должен выступать.

После “выступить” было начато: И доказательством

Если и эта книга, которая не более, как рассуждение, говорят, неопределительностью своею производит заблуждения, распространяет даже ложные мысли; если и из этих писем, говорят, остаются в голове, как живые картины, целиком фразы и страницы, — что же было, если бы я выступил <с> живыми образами повествовательного сочинения наместо этих писем?

Если эта книга уже

Если и эта книга, которая не более, как рассуждение, говорят, неопределительностью своею производит заблуждения, распространяет даже ложные мысли; если и из этих писем, говорят, остаются в голове, как живые картины, целиком фразы и страницы, — что же было, если бы я выступил <с> живыми образами повествовательного сочинения наместо этих писем?

После “производит” было начато: ложны<е>

Если и эта книга, которая не более, как рассуждение, говорят, неопределительностью своею производит заблуждения, распространяет даже ложные мысли; если и из этих писем, говорят, остаются в голове, как живые картины, целиком фразы и страницы, — что же было, если бы я выступил <с> живыми образами повествовательного сочинения вместо этих писем?

После “писем” начато: Как бы то ни было

Теперь еще может меня оспаривать критика, а тогда вряд ли бы в силах был меня кто опровергнуть.

сражаться со мной критика

Теперь еще может меня оспаривать критика, а тогда вряд ли бы в силах был меня кто опровергнуть.

она в силах была воевать с

Образы мои были соблазнительны и так бы заст<ряли> крепко в головы, что критика бы их оттуда не вытащила.

После “были”: слиш<ком>

Образы мои были соблазнительны и так бы заст<ряли> крепко в головы, что критика бы их оттуда не вытащила.

вошли

Образы мои были соблазнительны и так бы заст<ряли> крепко в головы, что критика бы их оттуда не вытащила.

После “критика бы”: читателю

Образы мои были соблазнительны и так бы заст<ряли> крепко в головы, что критика бы их оттуда не вытащила.

читатель на критика бы и не взглянул

Не нужно упускать того из виду, <что> все выставленные лица и характеры должны были доказать истину моих собственных убеждений.

а мысли мои, положенья, убежденья были бы те же, какие в ныне изданной книге и все лица, выставленные

Не нужно упускать того из виду, <что> все выставленные лица и характеры должны были доказать истину моих собственных убеждений.

После “убеждений” начато: а мои убеждения им<енно?> в ныне<шнее?>

Как сравню эту книгу с уничтоженными мною Мертвыми душами, не могу <не> возблагодарить за насланное мне внушение

<их> уничтожить.

После “Мертвыми душами” было: вижу, что в ней я стою все-таки на высшей точке [в уничтоженных>] и во мне больше определилось, чем прежде

Темнота выражения во многих местах сбивает только читателя, но если бы пояснее выразил ту же самую мысль, со мною бы многие перестали спорить.

После “во многих местах” начато: причиною того, что выводят из

В уничтоженных Мертвых душах гораздо больше выражалось моего переходного состояния, гораздо меньшая определительность в главных основаниях и мысль двигательней, а уже много увлекательности в частях, и герои были соблазнительны.

После “в главных основаниях” было: между тем

В уничтоженных Мертвых душах гораздо больше выражалось моего переходного состояния, гораздо меньшая определительность в главных основаниях и мысль двигательней, а уже много увлекательности в частях, и герои были соблазнительны.

После “соблазнительны” начато: Я д<олжен?>

Словом — как честный <человек>, я должен бы оставить перо, даже и тогда, если бы действительно почувствовал позыв к нему.

позывы

Мне, верно, потяжелей, чем кому-либо другому, отказаться от писательства, когда это составляло единственный предмет всех моих <по>мышлений, когда я всё прочее оставил, все лучшие приманки жизни и, как монах, разорвал связи со всем тем, что мило человеку на земле, затем, чтобы ни о чем другом не помышлять, кроме труда своего.

все узы

Мне не легко отказаться от писательства, одни из лучших минут в жизни моей были те, когда я наконец клал на бумагу то, что выносилось долговременно в моих мыслях; когда я и до сих пор уверен, что едва есть ли высшее из наслаждений, как наслаждение творить.

когда лучшие минуты

Не знаю, достало ли бы у меня честности это сделать, если бы не отнялась у меня спо-

способность писать; потому что, — скажу откровенно, — жизнь потеряла бы для меня тогда вдруг всю цену, и не писать для меня совершенно значило то же, что не жить.

не отнял бог у меня способности писать

Не знаю, достало ли бы у меня честности это сделать, если бы не отнялась у меня способность писать; потому что, — скажу откровенно, — жизнь потеряла бы для меня тогда вдруг всю цену, и не писать для меня совершенно значило то же, что не жить.

После “писать” было начато: знаю только

Но нет лишений, во след которым нам <не> посылается замена, в свидетельство, что ни на малое время не оставляет человека создатель.

Но нам посылается замена. Нет полного лишения. Ни на малое время не оставляет человека тот, кто создал его

Как земля, на время освобожденная от пашни, износит другие травы, покуда вновь не обратится под пашню, оплодотворенная и удобренная ими, так и во мне, как только способность писать <меня оставила>, мысли как бы сами вновь возвратились к тому, о чем я

помышлял в самом детстве.

После “пашни” было: покрывается

Мне захотелось служить на какой бы ни было, хотя на самой мелкой и незаметной должности, но служить земле своей, так служить, как я хотел некогда, и даже гораздо лучше, нежели я некогда хотел.

на самом мелком и незаметном ме<сте>

Я примирился и с писательством своим только тогда, когда почувствовал, что на этом поприще могу также служить земле своей.

на этой земле

Но и тогда, однако же, я помышлял, как только кончу большое сочинение, вступить, по примеру других, в службу и взять место.

по окончаньи моего большого сочинения занять место

Планы мои <и> виды были только горды и заносчивы.

тогда несколько

Мне казалось, что если только доказать, что я точно знаю русского человека в корне и в существенных его началах, как в тех, которые обнаружены всем, так равно и в тех, <которые> в нем покуда скрыты и видны не для

всех, что знаю душу человека не по книгам и рассказам, но по опыту, влекомый от младенчества желаньем знать человека, — то мне дадут такое место, где я буду в соприкосновении с людьми разных сословий, с многими людьми в соприкосновении личном, а не посредством бумаг и канцелярий, где я могу употребить с действительной пользой мое знание человека и где могу быть полезным многим людям, а для себя самого приобрести еще большее познание человека.

после моего сочинения, которое должно доказать

Мне казалось, что если только доказать, что я точно знаю русского человека в корне и в существенных его началах, как в тех, которые обнаружены всем, так равно и в тех, <которые> в нем покуда скрыты и видны не для всех, что знаю душу человека не по книгам и рассказам, но по опыту, влекомый от младенчества желаньем знать человека, — то мне дадут такое место, где я буду в соприкосновении с людьми разных сословий, с многими людьми в соприкосновении личном, а не посредством бумаг и канцелярий, где я могу

употребить с действительной пользой мое знание человека и где могу быть полезным многим людям, а для себя самого приобрести еще большее познание человека.

с разными

Мне казалось, что если только доказать, что я точно знаю русского человека в корне и в существенных его началах, как в тех, которые обнаружены всем, так равно и в тех, <которые> в нем покуда скрыты и видны не для всех, что знаю душу человека не по книгам и рассказам, но по опыту, влекомый от младенчества желаньем знать человека, — то мне дадут такое место, где я буду в соприкосновении с людьми разных сословий, с многими людьми в соприкосновении личном, а не посредством бумаг и канцелярий, где я могу употребить с действительной пользой мое знание человека и где могу быть полезным многим людям, а для себя самого приобрести еще большее познание человека.

После “знание человека” было начато: Я был так горд, что

Мне казалось, что если только доказать, что я точно знаю русского человека в корне и

в существенных его началах, как в тех, которые обнаружены всем, так равно и в тех, <которые> в нем покуда скрыты и видны не для всех, что знаю душу человека не по книгам и рассказам, но по опыту, влекомый от младенчества желаньем знать человека, — то мне дадут такое место, где я буду в соприкосновении с людьми разных сословий, с многими людьми в соприкосновении личном, а не посредством бумаг и канцелярий, где я могу употребить с действительной пользой мое знание человека и где могу быть полезным многим людям, а для себя самого приобрести еще большее познание человека.

многим людям вместе

Мне казалось, что больше всего страдает всё на Руси от взаимных недоразумений, а что больше нам нужен всякой такой человек, который <бы> при некотором познании души и сердца и при некотором знании вообще, проникнут был желаньем истинным мирить.

После “больше всего” было: на свете

Мне казалось, что больше всего страдает всё на Руси от взаимных недоразумений, а что больше нам нужен всякой такой человек,

который <бы> при некотором познании души и сердца и при некотором знании вообще, проникнут был желаньем истинным мирить.

После “страждет всё” было: от недораз<умений>

Мне казалось, что больше всего страждет всё на Руси от взаимных недоразумений, а что больше нам нужен всякой такой человек, который <бы> при некотором познании души и сердца и при некотором знании вообще, проникнут был желаньем истинным мирить.

больше всего нужен среди нас

Мне казалось, что больше всего страждет всё на Руси от взаимных недоразумений, а что больше нам нужен всякой такой человек, который <бы> при некотором познании души и сердца и при некотором знании вообще, проникнут был желаньем истинным мирить.

После “при некотором” было: желаньи

Я видел и уже испытал, как личным переговором и объяснением прекращать можно много таких <дел>, которые никогда не оканчиваются на бумаге.

можно было

Я думал, что хоть теперь и нет таких мест,

но что я получу после того, как выйдет вполне мое сочинение, и приготавливал уже в мыслях и самый проект, в котором намеревался изъяснить, как вследствие тех способностей, какие у меня есть, я могу быть нужен и полезен России.

После “сочинение, и” было начато: которого начала

Я думал, что хоть теперь и нет таких мест, но что я получу после того, как выйдет вполне мое сочинение, и приготавливал уже в мыслях и самый проект, в котором намеревался изъяснить, как вследствие тех способностей, какие у меня есть, я могу быть нужен и полезен России.

После “приготавливал” было: даже

Замыслы мои были горды, но так как они были основаны только на успехе моего сочинения, то и упали вместе с тем, как оставила меня способность производить созданныя поэтические.

Мысли

Замыслы мои были горды, но так как они были основаны только на успехе моего сочинения, то и упали вместе с тем, как оставила

меня способность производить созданныя поэтические.

а. творить

б. производить и писать

Теперь все должности мне кажутся равны, все места равно значительны, от малого до великого, если только на них взглянешь значительно.

Теперь в глазах

И мне кажется, что если только хотя сколько-нибудь умеешь ценить человека и понимать его достоинство, которое в нем бывает даже и среди множества недостатков, и если только при этом хоть сколько-нибудь имеешь истинно христианской любви к человеку и, в заключение проникнут точно любовью к России, — то, мне кажется, на всяком месте можно сделать много добра.

И если

И мне кажется, что если только хотя сколько-нибудь умеешь ценить человека и понимать его достоинство, которое в нем бывает даже и среди множества недостатков, и если только при этом хоть сколько-нибудь имеешь истинно христианской любви к человеку и, в

заклученье проникнут точно любовью к России, — то, мне кажется, на всяком месте можно сделать много добра.

После “сколько-нибудь” было: знае<шь>

И мне кажется, что если только хотя сколько-нибудь умеешь ценить человека и понимать его достоинство, которое в нем бывает даже и среди множества недостатков, и если только при этом хоть сколько-нибудь имеешь истинно христианской любви к человеку и, в заключенье проникнут точно любовью к России, — то, мне кажется, на всяком месте можно сделать много добра.

истинной христианской братской любви

И мне кажется, что если только хотя сколько-нибудь умеешь ценить человека и понимать его достоинство, которое в нем бывает даже и среди множества недостатков, и если только при этом хоть сколько-нибудь имеешь истинно христианской любви к человеку и, в заключенье проникнут точно любовью к России, — то, мне кажется, на всяком месте можно сделать много добра.

После “и” было: если

И мне кажется, что если только хотя сколько-

ко-нибудь умеешь ценить человека и понимать его достоинство, которое в нем бывает даже и среди множества недостатков, и если только при этом хоть сколько-нибудь имеешь истинно христианской любви к человеку и, в заключение проникнут точно любовью к России, — то, мне кажется, на всяком месте можно сделать много добра.

а. любо<вью>

б. русской любовью

И мне кажется, что если только хотя сколько-нибудь умеешь ценить человека и понимать его достоинство, которое в нем бывает даже и среди множества недостатков, и если только при этом хоть сколько-нибудь имеешь истинно христианской любви к человеку и, в заключение проникнут точно любовью к России, — то, мне кажется, на всяком месте можно сделать много добра.

После “много добра” было начато: Мне кажется, что тем больше, чем

Место и должность сделались для меня, как для плывущего по морю пристань и твердая земля.

Словом, место

Место и должность сделались для меня, как для плывущего по морю пристань и твердая земля.

После “для меня” вставлено: с э<тих?> п<ор?>

Место и должность сделались для меня, как для плывущего по морю пристань и твердая земля.

как бы прист<ань>

Место и должность сделались для меня, как для плывущего по морю пристань и твердая земля.

После “твердая земля” было: Как ни бурно нынешнее время, как ни мятется и волнуется все вокруг, но можно пребыть среди это<го> в тишине, если взявши только первую должность, какая [только возьмешь] какую бы ни было должность, но возьмешь се с желаньем исполнить на ней долг свой. Как <бы> то ни было, но жизнь для нас уже не загадка

Я убежден, что теперь всякому тому, кто пламенеет желаньем добра, кто русской и кому дорога честь земли русской, должно сейчас<?> также брать многие места и должности в государстве, с такой же ревностью, как

становился некогда из нас всяк в ряды противу неприятелей спасать родную землю, потому что неправда велика и много опозорила <...>

а. Мне казалось

б. Я убежден и доньне

Я убежден, что теперь всякому тому, кто пламенеет желаньем добра, кто русской и кому дорога честь земли русской, должно сейчас<?> также брать многие места и должности в государстве, с такой же ревностью, как становился некогда из нас всяк в ряды противу неприятелей спасать родную землю, потому что неправда велика и много опозорила <...>

и кто русской

Я убежден, что теперь всякому тому, кто пламенеет желаньем добра, кто русской и кому дорога честь земли русской, должно сейчас<?> также брать многие места и должности в государстве, с такой же ревностью, как становился некогда из нас всяк в ряды противу неприятелей спасать родную землю, потому что неправда велика и много опозорила <...>

После “должно” было: точно также, как в двенадцатом

Как ни бурно нынешнее время, как ни мятутся и ни волнуются вокруг умы, как ни возмущает тебя собственный ум твой, — но можно остаться среди всего этого в тишине, если с тем именно возьмешь свое место, чтобы на нем исполнить долг таким образом, чтобы не стыдно было дать и за который дашь ответ небу.

для которого призван на землю

Она была тогда загадка, когда умнейшие из людей, <от> мыслителей до поэтов, над ней задумывались и приходили только к сознанию, что не знают, что такое жизнь.

приходили наконец только к тому, что должны сознаться

Она была тогда загадка, когда умнейшие из людей, <от> мыслителей до поэтов, над ней задумывались и приходили только к сознанию, что не знают, что такое жизнь.

они не знают

Но когда один всех наиумнейший, сказал твердо, не колеблясь никаким сомнением, что он знает, что такое жизнь, когда этот

один признан всеми за величайшего человека из всех доселе бывших, даже и теми, которые не признают в нем его божественности, тогда следует поверить ему на слово, даже и в таком случае, если бы он <был> просто человек.

После “Но когда” было: всех умнейший

Но когда один всех наиумнейший, сказал твердо, не колеблясь никаким сомнением, что он знает, что такое жизнь, когда этот один признан всеми за величайшего человека из всех доселе бывших, даже и теми, которые не признают в нем его божественности, тогда следует поверить ему на слово, даже и в таком случае, если бы он <был> просто человек.

от тех

Если взглянешь на место и должность, как на средство к достиженью не цели земной, но цели небесной, во спасенье своей души — увидишь, что закон, данный Христом, дан как бы для тебя самого, как <бы> устремлен лично к тебе самому, затем, чтобы ясно показать тебе, как быть на своем месте во взятой тобою должности.

И если

Если взглянешь на место и должность, как на средство к достиженью не цели земной, но цели небесной, во спасенье своей души — увидишь, что закон, данный Христом, дан как бы для тебя самого, как <бы> устремлен лично к тебе самому, затем, чтобы ясно показать тебе, как быть на своем месте во взятой тобою должности.

После “место и” было: взятое

Стоит только всех тех людей, с которыми происходят у нас частные неприятности наищекотливейшие, обратить именно в тех самых ближних и братьев, которых повелевает больше всего прощать и любить Христос.

и наищекотливейшие

Стоит только всех тех людей, с которыми происходят у нас частные неприятности наищекотливейшие, обратить именно в тех самых ближних и братьев, которых повелевает больше всего прощать и любить Христос.

проси<ть>

Стоит только не смотреть на то, как другие с тобою поступают, а смотреть на то, как сам поступаешь с другими.

не посмотреть

Стоит только не смотреть на то, как тебя любят другие, а смотреть только на то, любишь ли сам их.

сам их так

Стоит только, не оскорбяс<ь> ничем, подавать первому руку на примиренье.

ничего

Стоит только, не оскорбяс<ь> ничем, подавать первому руку на примиренье.

быть готовому подать

Пред ним узник в тюрьме имеет преимущество: он знает, что он узник, а потому и знает, что братъ из закона.

именно взять для

Весь мир не полюбишь, если не начнешь прежде любить тех, которые стоят поближе к тебе и имеют случай огорчить тебя.

бл<иже>

Итак, после долгих лет и трудов, и опытов, и разм<ышлений>, идя видимо вперед, я пришел к тому, о чем уж<е> помышлял во время моего детства: что назначенье человека — служить и вся жизнь наша есть служба.

пришел однако же

Итак, после долгих лет и трудов, и опытов, и разм<ышлений>, идя видимо вперед, я пришел к тому, о чем уж<е> помышлял во время моего детства: что назначенье человека — служить и вся жизнь наша есть служба.

жизнь его

Итак, после долгих лет и трудов, и опытов, и разм<ышлений>, идя видимо вперед, я пришел к тому, о чем уж<е> помышлял во время моего детства: что назначенье человека — служить и вся жизнь наша есть служба.

После “служба” было начато: Разница в том, что я почувст<вовал>

Не забывать только нужно того, что взято место в земном государстве затем, чтобы служить на нем государю небесному и потому иметь в виду его закон.

После “затем” было: только

Только так служа, можно угодить всем: государю, и народу, и земле своей.

угодить истинно и земному государю, и всему народу, и всей земле русской

Одною из главных причин моего путешествия к святым <местам> было желанье искреннее помолиться и испросить благослове-

ний на честное исполнение должности, на вступление в жизнь, у самого того, кто открыл нам тайну жизни, на том самом месте, где некогда проходили стопы его; поблагодарить за всё, что ни случилось в моей жизни, испросить деятельности и напутственного освежения на дело, для которого я себя воспитывал и к которому приготавливал себя.

После “благословений” было начато: у самого того

Одною из главных причин моего путешествия к святым <местам> было желанье искреннее помолиться и испросить благословений на честное исполнение должности, на вступление в жизнь, у самого того, кто открыл нам тайну жизни, на том самом месте, где некогда проходили стопы его; поблагодарить за всё, что ни случилось в моей жизни, испросить деятельности и напутственного освежения на дело, для которого я себя воспитывал и к которому приготавливал себя.

После “в моей жизни” было: за помощь

Если сын спешит на могилу отца перед тем, как предстоит ему поприще, — почему же и мне не поклониться той могиле, которой

поклоняются все, на которой все получают себе какое-нибудь напутствие, где вдохновляются все, даже и не поэты?

большое поприще

Если сын спешит на могилу отца перед тем, как предстоит ему поприще, — почему же и мне не поклониться той могиле, которой поклоняются все, на которой все получают себе какое-нибудь напутствие, где вдохновляются все, даже и не поэты?

где все

Я не знал, как сделать, чтобы голос мой достигнул в глубину келий и стен затворников, в мысли, что авось кто-либо из прочитавших донесет им мое слово.

достигнуть

Я не знал, как сделать, чтобы голос мой достигнул в глубину келий и стен затворников, в мысли, что авось кто-либо из прочитавших донесет им мое слово.

какой-либо

За это не следовало бы меня много осуждать, а выполнить, помня слова: просящему дай.

выполнить прежде всего заповедь

Как случилось, что я должен обо всем входить в объяснения с читателем, этого я сам не могу понять.

Перед “Как случилось” было начато: Все то, что

Я решился твердо не открывать ничего из душевной своей истории, выносить всякие заключения о себе, какие бы ни раздавались, в уверенности, что когда выйдет второй и третий том Мертвых душ, всё будет объяснено ими и никто не будет делать запроса: что такое сам автор?

что

Но, начавши некоторые объяснения по поводу моих сочинений, я должен был неминуемо заговорить о себе самом, потому что сочинения связаны тесно с делом моей души, Бог весть, может быть, и в этом была также воля того, без воли которого ничто не делается на свете; может быть, произошло это именно затем, чтобы дать мне возможность взглянуть на себя самого.

с моей собственной душой

Мне легко было почувствовать некоторую гордость, особенно после того, <как> удалось

мне действительно избавиться от многих недостатков.

После “недостатков” было: и чрез то сделаться более приятным людям окружающим и близким людям

Но, когда выставишься перед лицо незнакомых людей, перед лицо всего света, и разберут по нитке всякое твое действие, всякой поступок, и люди всех возможных убеждений, предубеждений, образов мыслей взглянут на тебя каждый по-своему, и посыплются со всех сторон упреки впопад и не впопад, ударят и с умыслом, и невзначай по всем чувствительным струнам твоим, — тут поневоле взглянешь на себя с таких сторон, с каких бы никогда на себя не взглянул; станешь в себе отыскивать тех недостатков, которых никогда бы не вздумал прежде отыскивать.

и образов мысли

Мне нужно было иметь зеркало, в которое бы я мог глядеться и видеть получше себя, а без этой книги вряд ли бы я имел это зеркало.

и лучше видеть

Вместо того, чтобы выступать ратниками за всё общество и вызывать меня на суд перед

всю Россию, нужно было рассмотреть дело проще, рассмотреть книгу, что такое она в своем основании, а не останавливаться над частями и подробностями прежде, чем объяснился вполне внутренний смысл ее.

наездниками

Учить общество в том смысле, какой некоторые мне приписали, я вовсе не думал.

После “не думал” было: и ничуть не представлял общество школой, наполненной моими учениками, а себя учителем, долженствующим учить его

Учить я принимал в том простом значении, в каком повелевает нам церковь учить друг друга и беспрестанно, умея с такой же охотой принимать и от других советы, с какой подавать их самому.

не останавливаться в этом учении

Я пришел к своим братьям, соученикам, как равный им соученик; принес несколько тетрадей, которые успел записать со слов того же учителя, у которого мы все учимся; принес на выбор, чтобы всяк взял, что кому придется: Тут были письма, писанные к людям разных характеров, разных склонностей, и притом

находившимся на разных степенях своего собственного душевного состояния, которые никак не могли прийти ровно всем.

После “соученик” было: такой же

Я думал, что каждый схватит только, что нужно ему, а на другое не обратит внимания.

о другом скажет — это не для меня

Я не думал, что иной, схвативши то, что нужно для другого, будет кричать: “Это мне не нужно!”

После “схвативши” было: тетрадь

Я думал, что, при прочтении книги, будет мне сказано: “Благодарю тебя, собрат”, а не: “Благодарю тебя, учитель”.

В рукописи ошибочно: Я не думал

Стало быть, во всяком случае, после книги моей читатель обратится к церкви, а в церкви встретит и учителей церкви, которые укажут, что следует ему взять из моей книги для себя, а может быть, дадут ему, наместо моей книги, другие позначительнее, полезнее и для которых он оставит мою книгу, как ученик бросает склады, когда выучится читать по верхам.

стало быть

Стало быть, во всяком случае, после книги моей читатель обратится к церкви, а в церкви встретит и учителей церкви, которые укажут, что следует ему взять из моей книги для себя, а может быть, дадут ему, наместо моей книги, другие позначительнее, полезнее и для которых он оставит мою книгу, как ученик бросает склады, когда выучится читать по верхам.

После “моей” было начато: долж<ен>

Стало быть, во всяком случае, после книги моей читатель обратится к церкви, а в церкви встретит и учителей церкви, которые укажут, что следует ему взять из моей книги для себя, а может быть, дадут ему, наместо моей книги, другие позначительнее, полезнее и для которых он оставит мою книгу, как ученик бросает склады, когда выучится читать по верхам.

После “ученик” было: выучивший

В заключеньи всего я должен заметить: сужденья больш<ею> частью были слишком уж решительны, слишком резки, и всяк укорявший меня в недостатке смиренья истинного, не показал смиренья относительно ме-

ня самого.

После “и” было: слишком

Положим, я в гордости своей, основавшись на многих достоинствах, мне приписанных всеми, мог подумать, что я стою выше всех и имею право произносить <суд> над другим.

Положивши

Положим, я в гордости своей, основавшись на многих достоинствах, мне приписанных всеми, мог подумать, что я стою выше всех и имею право произносить <суд> над другим.

После “имею” было начато: возмо<жность>

Положим, я в гордости своей, основавшись на многих достоинствах, мне приписанных всеми, мог подумать, что я стою выше всех и имею право произносить <суд> над другим.

После “право” было: судить

Можно делать замечанья по частям на то и на другое, можно давать и мненья, и советы, но выводит<ть>, основываясь на этих мненьях, обо всем человеке, объявлять его решительно помешавшимся, сошедшим с ума, называть лжецом и обманщиком, надевшим личину набожности, приписывать подлые и низкие цели — это такого рода обвинения, которых я

бы не в силах <был взвести> даже <на> отъявленного мерзавца, который заклеен клеем всеобщего презрения.

После “мненья, и” было начато: усовершенствования?>

Можно делать замечанья по частям на то и на другое, можно давать и мненья, и советы, но выводи<ть>, основываясь на этих мненьях, обо всем человеке, объявлять его решительно помешавшимся, сошедшим с ума, называть лжецом и обманщиком, надевшим личину набожности, приписывать подлые и низкие цели — это такого рода обвинения, которых я бы не в силах <был взвести> даже <на> отъявленного мерзавца, который заклеен клеем всеобщего презрения.

После “набожности” было начато: так

Можно делать замечанья по частям на то и на другое, можно давать и мненья, и советы, но выводи<ть>, основываясь на этих мненьях, обо всем человеке, объявлять его решительно помешавшимся, сошедшим с ума, называть лжецом и обманщиком, надевшим личину набожности, приписывать подлые и низкие цели — это такого рода обвинения, которых я

бы не в силах <был взвести> даже <на> отъявленного мерзавца, который заклеямен клеймом всеобщего презрения.

суждения

Мне кажется, что прежде, чем произносить такие обвинения, следовало бы хоть сколько-нибудь содрогнуться душою и подумать о том, каково было бы нам самим, если бы такие обвинения обрушились на нас публично, в виду всего света.

После “подумать” было: в таком

Душа человека — кладезь, не для всех доступный иногда, и на видимом сходстве некоторых признаков нельзя основываться.

недоступный

Часто и наиискуснейшие врачи принимали одну болезнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разр<ез>ывали уже мертвый труп”.

труп

Для того, чтобы сколько-нибудь почувствовать эту книгу, нужно иметь или очень просту<ю> и добрую душу, или быть слишком многосторонним человеком, <который> при уме, обнимающем со всех сторон, заключал

бы высокий поэтический талант и душу, умеющую любить полною и глубокою любовью.

при множестве качеств всех родо<в>

Душа моя изнемогла бы от множества упреков, из них многие были так страшны, что не дай их бог никому получать.

После “упреков”: особливо

УЧЕБНАЯ КНИГА СЛОВЕСНОСТИ...

**(Первоначальные варианты
рукописи)**

Каждый том состоит из двух половин: в первой половине изложение правил, или теория, во второй — примеры.

После “в первой половине” было начато: текст или

Каждый том состоит из двух половин: в первой половине изложение правил, или теория, во второй — примеры.

теории

Первая половина, то есть правила, должна быть напечатана<на> большими четкими литерами всплошь, не разделяя на столбцы, с широким бордюром вокруг, дабы не слишком ве-

лика была квадра, — с пробелами и расстановка<ми>; вторая же половина, или примеры, должна быть напечатана тесно в два столбца мелким шрифтом и вокруг, вместо бордюра, одна тоненькая линеечка или черта.

После “литерами” начато: с бо<рдюром>

Заглавия те же и в правилах и в примерах, и должны быть занумерованы теми же номерами, — дабы вдруг можно было, по прочтении правила, найти ему соответствующие и принадлежащие приме<ры>.

Разделения и заглавия

Наука, окинутая русским взглядом, всеозирающим, расторопным, отрешившимся от всех сторонних влияний, ибо русский отрешился даже от самого себя, чего не случалось доселе ни с одним народ<ом>.

впечат<лений>

К этому нужно присовокупить нашу способность схватывать живо малейшие оттенки других наций и, наконец, живое и меткое наше слово, не описывающее, но отражающее, как в зеркале, предмет.

метко и живо

Наука у нас непременно дойдет до своего

высшего значения и поразит самым существом, а не краснобайством преподавателя, его даром рассказывать, или же применениями к тому, что интересует моду, и всякими другими нарумяниваниями и подслащиваниями, которыми стараются сделать <науку> удобопроглотимую.

дойдет потом

Наука у нас непременно дойдет до своего высшего значения и поразит самым существом, а не краснобайством преподавателя, его даром рассказывать, или же применениями к тому, что интересует моду, и всякими другими нарумяниваниями и подслащиваниями, которыми стараются сделать <науку> удобопроглотимую.

развития, то есть поразит

Наука у нас непременно дойдет до своего высшего значения и поразит самым существом, а не краснобайством преподавателя, его даром рассказывать, или же применениями к тому, что интересует моду, и всякими другими нарумяниваниями и подслащиваниями, которыми стараются сделать <науку> удобопроглотимую.

После “рассказывать” было начато: и не всякими но

Наука у нас непременно дойдет до своего высшего значения и поразит самым существом, а не краснбайством преподавателя, его даром рассказывать, или же применениями к тому, что интересуе моде, и всякими другими нарумяниваниями и подслащиваниями, которыми стараются сделать <науку> удобопротимою.

к современному интересу, который в моде
Наука у нас непременно дойдет до своего высшего значения и поразит самым существом, а не краснбайством преподавателя, его даром рассказывать, или же применениями к тому, что интересуе моде, и всякими другими нарумяниваниями и подслащиваниями, которыми стараются сделать <науку> удобопротимою.

и всяк<ими> вообще

Наука у нас непременно дойдет до своего высшего значения и поразит самым существом, а не краснбайством преподавателя, его даром рассказывать, или же применениями к тому, что интересуе моде, и всякими

другими наругиваниями и подслащиваниями, которыми стараются сделать <науку> удобопроглотимую.

заманчивую и удобопроглотимую

Она поразит своим живым духом, из нее же исходящим, и сим только станет доступною всем: и простолюду<иму>, и не простолюдиму.

она поразит у нас всех

Она поразит своим живым духом, из нее же исходящим, и сим только станет доступною всем: и простолюду<иму>, и не простолюдиму.

и станет чрез то доступною равно всем: и уму [высокому] высоко образованному и простому здоровому рассудку простолюдима

Ее сила будет в ее многозначительном краткословии, а краткословья этого, сколько мне кажется, не добыть никому из народов, кроме русского, ибо сама природа наша требует его.

После “сколько мне кажется” начато: вряд

Нам не нужно то постепенное, медленное развитие мыслей, не прерывающий<ся> исход и вывод одного из другого, без которого

немец не ступит шага и не пойдет по дороге.

После “развитие” было: которое

У нас, напротив, всякий скучает, начиная от образованного до простолюдима, когда ему дается слишком<м> долгая инструкция и толкуют то, что он и сам уже смекнул, и не можем идти шаг за шагом, так, как идет немец.

а. долго

б. долгую инструкции<ю>

У нас, напротив, всякий скучает, начиная от образованного до простолюдима, когда ему дается слишком<м> долгая инструкция и толкуют то, что он и сам уже смекнул, и не можем идти шаг за шагом, так, как идет немец.

Нужно

У нас, напротив, всякий скучает, начиная от образованного до простолюдима, когда ему дается слишком<м> долгая инструкция и толкуют то, что он и сам уже смекнул, и не можем идти шаг за шагом, так, как идет немец.

идти медленно, как немец, шаг за шагом

Отсюда неуспех всякого изложения науки ходом немецкой философии.

Поэтом<у>

И когда уже совокупились в тебе самом на-

ука в одно крепкое ядро, и содержишь ее в голове всю в неразрушаемой связи, — тогда можешь проповедывать ее.

уже она

И когда уже совокупились в тебе самом наука в одно крепкое ядро, и содержишь ее в голове всю в неразрушаемой связи, — тогда можешь проповедывать ее.

это

И когда уже совокупились в тебе самом наука в одно крепкое ядро, и содержишь ее в голове всю в неразрушаемой связи, — тогда можешь проповедывать ее.

После “можешь” было: отверзнуть

Несись ровными и мерными скачками, не усиливая и не замедляя, борзо, как добрый ямщик, который ни лошадей не горячит, ни сам не горячит<ся>, несется не подлой рысцой, не во всю прыть, не сломя голову, а тем веселящим сердце лётном, с каким начал дорогу, и прилетает на станцию, не заморив коней, ни себя самого.

Не спеши <?>

Несись ровными и мерными скачками, не усиливая и не замедляя, борзо, как добрый

ямщик, который ни лошадей не горячит, ни сам не горячит<ся>, несется не подлой рысцой, не во всю прыть, не сломя голову, а тем веселящим сердце лѐтом, с каким начал дорогу, и прилетает на станцию, не заморив коней, ни себя самого.

за тобой [по], пропуская мелкий дрязг

Несись ровными и мерными скачками, не усиливая и не замедляя, борзо, как добрый ямщик, который ни лошадей не горячит, ни сам не горячит<ся>, несется не подлой рысцой, не во всю прыть, не сломя голову, а тем веселящим сердце лѐтом, с каким начал дорогу, и прилетает на станцию, не заморив коней, ни себя самого.

После “ямщик” было начато: подобр<ав?>

Несись ровными и мерными скачками, не усиливая и не замедляя, борзо, как добрый ямщик, который ни лошадей не горячит, ни сам не горячит<ся>, несется не подлой рысцой, не во всю прыть, не сломя голову, а тем веселящим сердце лѐтом, с каким начал дорогу, и прилетает на станцию, не заморив коней, ни себя самого.

ИХ

Несись ровными и мерными скачками, не усиливая и не замедляя, борзо, как добрый ямщик, который ни лошадей не горячит, ни сам не горячит<ся>, несется не подлой рысцой, не во всю прыть, не сломя голову, а тем веселящим сердце лётом, с каким начал дорогу, и прилетает на станцию, не заморив коней, ни себя самого.

чтоб свернуть себе

Смело поступи, как наш сказочный конь: мелкие кусты и травник промеж ног пропускает.

Можешь и ты подобно нашему

Смело поступи, как наш сказочный конь: мелкие кусты и травник промеж ног пропускает.

между ног мелкие кусты и долины

Не заботься, тебя поймут. Сметливость — наше свойство, и у нас давно живет пословица: умный поп хоть губами шевели, а мы, грешные, догадываемся.

Помни, что [тебе] говоришь ты русским: смекнут. Сметливость — наше первое свойство

Сметливость — наше свойство, и у нас дав-

но живет пословица: умный поп хоть губами шевели, а мы, грешные, догадываемся.

недаром есть

Говорится всё, записывается немного, и только то, что нужно.

После “нужно” было начато: Поэтому сло<весность?>

Всё, что должно быть передано от отцов к сыновьям в научение, а не то, что болтает ежедневно глупый<?> человек, то должно быть предметом словесности.

После “в научение” было: что способно воспи<тывать>

Поэтому злоупотребление, если кто пишет без надобности или потребности внутренней передать свои <...>, кто пишет только затем, <...>

без всякой надобности

Поэтому злоупотребление, если кто пишет без надобности или потребности внутренней передать свои <...>, кто пишет только затем, <...>

После “свои” и “затем” пропущены слова, фраза не доработана

Поэтому для того, чтобы писать, нужно

иметь или очень много сведений и познаний не общих всем, тогда писанья его будут принадлежать к области науки, или же избыток ощущений и опытности, тогда он поэт, и его произведения принадлежат области поэтической.

или познаний

Поэтому для того, чтобы писать, нужно иметь или очень много сведений и познаний не общих всем, тогда писанья его будут принадлежать к области науки, или же избыток ощущений и опытности, тогда он поэт, и его произведения принадлежат области поэтической.

После “всем” было начато:

а. или много

б. наук

Поэтому для того, чтобы писать, нужно иметь или очень много сведений и познаний не общих всем, тогда писанья его будут принадлежать к области науки, или же избыток ощущений и опытности, тогда он поэт, и его произведения принадлежат области поэтической.

или много ощущений

Поэтому для того, чтобы писать, нужно иметь или очень много сведений и познаний не общих всем, тогда писанья его будут принадлежать к области науки, или же изобилие ощущений и опытности, тогда он поэт, и его произведения принадлежат области поэтической.

После “опытности” было: практической
Тому и другому необходима способность воображать и живо представлять себе предмет, о котором говорит.

После “о котором говорит” начато: Без <...>
у него

Она есть только образ, которым передает человек человеку всё им узнанное, найденное, почувствованное и открытое, как в мире внешних явлений, так и в мире явлений внутренних, происходящих в собственной душе его.

душе св<оей>

Открыть тайны такого живого преподавания занимается наука словесности.

Постигнуть тайну этого живого преподавания всем

Но научить этой тайне не может наука

словесности никого, так же как никакой науке и никакому искусству нельзя научиться в такой степени, чтобы быть мастером, а не ремесленником, — если не даны к тому способности и орудия в нас самих.

После “научиться” было:

а. из теории

б. Начато: Это не

в. Она есть искусство, до которого достигать легко. Как искусству нельзя, так же нельзя выучиться так как следует, дабы сделаться великим мастером

г. Постигнуть эту тайну и выучиться ей

д. никакой науке

Но научить этой тайне не может наука словесности никого, так же как никакой науке и никакому искусству нельзя научиться в такой степени, чтобы быть мастером, а не ремесленником, — если не даны к тому способности и орудия в нас самих.

сделать<ся> мастером, а не простым ремесленником

Но при всем том наука словесности [так же нужна], как для всякого другого знания нужна наука.

нужна пото<му>

Нужно для того, чтобы ввести в сущность дела, показать, в чем дело, дабы если точно есть в нас способности, силы, — навести их на путь, вдвинуть их в надлежащую колею; дабы, как по углаженной дороге, быстрее устремилось б<ы> их развитие.

После “показать” было: порядок и ход

Нужно для того, чтобы ввести в сущность дела, показать, в чем дело, дабы если точно есть в нас способности, силы, — навести их на путь, вдвинуть их в надлежащую колею; дабы, как по углаженной дороге, быстрее устремилось б<ы> их развитие.

После “дабы” было: быстреей

Если ж нет способностей, то чтобы знал учащи<йся>, чего требует предмет этот, — видел бы всю великость того, чего он требует, и не отважился бы вслед за другими принимать<ся> за ее роды высокие или же просто не свойственные его свойству, а выбрал бы оружие по руке.

увидел

Если ж нет способностей, то чтобы знал учащи<йся>, чего требует предмет этот, — ви-

дел бы всю великость того, чего он требует, и не отважился бы вслед за другими принимать<ся> за ее роды высокие или же просто не свойственные его свойству, а выбрал бы оружие по руке.

за дело огромное не по его силам

Если ж нет способностей, то чтобы знал учащи<йся>, чего требует предмет этот, — видел бы всю великость того, чего он требует, и не отважился бы вслед за другими принимать<ся> за ее роды высокие или же просто не свойственные его свойству, а выбрал бы оружие по руке.

силам

Ибо словесность обширна, объемлет всё, и нет человека, который не был бы способен для какого-нибудь ее рода, если только есть в голове его рассудок и может он о чем-нибудь порядочно размыслить.

После “который” было: бы сколько-нибудь

Ибо словесность обширна, объемлет всё, и нет человека, который не был бы способен для какого-нибудь ее рода, если только есть в голове его рассудок и может он о чем-нибудь порядочно размыслить.

рода словесности

Ибо словесность обширна, объемлет всё, и нет человека, который не был бы способен для какого-нибудь ее рода, если только есть в голове его рассудок и может он о чем-нибудь порядочно размыслить.

После “рассудок” было: и он сколько-нибудь может удержать

Есть два языка словесности, две одежды слова, два слишком отличных рода выражений: один слишком возвышенный, весь гармонический, который не только живым, картинным представлением всякой мысли, самыми чудными сочетаниями звуков усиливает силу выражений и тем живей выдает жизнь всего выражаемого, — род, доступный весьма немногим и сим даже немногим доступный только в минуты глубоко растроганного <со>стояния душевного настроения чувств, называемый поэтическим, высшим языком человеческим, или, как называли все народы, языком богов; — и другой, простой, не ищущий слишком живых образов, картинности выражения, ни согласных сочетаний в звуках, предающий<ся> естественному ходу

мыслей своих в самом покойном расположении духа, в каком способен находиться всякий, — род прозаический.

рода выражений

Есть два языка словесности, две одежды слова, два слишком отличных рода выражений: один слишком возвышенный, весь гармонический, который не только живым, картинным представлением всякой мысли, самыми чудными сочетаниями звуков усиливает силу выражений и тем живей выдает жизнь всего выражаемого, — род, доступный весьма немногим и сим даже немногим доступный только в минуты глубоко растроганного <со>стояния душевного настроения чувств, называемый поэтическим, высшим языком человеческим, или, как называли все народы, языком богов; — и другой, простой, не ищущий слишком живых образов, картинности выражения, ни согласных сочетаний в звуках, предающий<ся> естественному ходу мыслей своих в самом покойном расположении духа, в каком способен находиться всякий, — род прозаический.

всякого изображаемого

Есть два языка словесности, две одежды слова, два слишком отличных рода выражений: один слишком возвышенный, весь гармонический, который не только живым, картинным представлением всякой мысли, самыми чудными сочетаниями звуков усиливает силу выражений и тем живей выдает жизнь всего выражаемого, — род, доступный весьма немногим и сим даже немногим доступный только в минуты глубоко растроганного <со>стояния душевного настроения чувств, называемый поэтическим, высшим языком человеческим, или, как называли все народы, языком богов; — и другой, простой, не ищущий слишком живых образов, картинности выражения, ни согласных сочетаний в звуках, предающий<ся> естественному ходу мыслей своих в самом покойном расположении духа, в каком способен находиться всякий, — род прозаический.

душевного и гармонического настроения

Есть два языка словесности, две одежды слова, два слишком отличных рода выражений: один слишком возвышенный, весь гармонический, который не только живым, кар-

тинным представлением всякой мысли, самыми чудными сочетаниями звуков усиливает силу выражений и тем живей выдает жизнь всего выражаемого, — род, доступный весьма немногим и сим даже немногим доступный только в минуты глубоко растроганного <со>стояния душевного настроения чувств, называемый поэтическим, высшим языком человеческим, или, как называли все народы, языком богов; — и другой, простой, не ищущий слишком живых образов, картинности выражения, ни согласных сочетаний в звуках, предающий<ся> естественному ходу мыслей своих в самом покойном расположении духа, в каком способен находиться всякий, — род прозаический.

и называемый

Есть два языка словесности, две одежды слова, два слишком отличных рода выражений: один слишком возвышенный, весь гармонический, который не только живым, картинным представлением всякой мысли, самыми чудными сочетаниями звуков усиливает силу выражений и тем живей выдает жизнь всего выражаемого, — род, доступный

весьма немногим и сим даже немногим доступный только в минуты глубоко растроганного <со>стояния душевного настроения чувств, называемый поэтическим, высшим языком человеческим, или, как называли все народы, языком богов; — и другой, простой, не ищущий слишком живых образов, картинности выражения, ни согласных сочетаний в звуках, предающий<ся> естественному ходу мыслей своих в самом покойном расположении духа, в каком способен находиться всякий, — род прозаический.

В рукописи ошибочно: в самих

Есть два языка словесности, две одежды слова, два слишком отличных рода выражений: один слишком возвышенный, весь гармонический, который не только живым, картинным представлением всякой мысли, самыми чудными сочетаниями звуков усиливает силу выражений и тем живей выдает жизнь всего выражаемого, — род, доступный весьма немногим и сим даже немногим доступный только в минуты глубоко растроганного <со>стояния душевного настроения чувств, называемый поэтическим, высшим

языком человеческим, или, как называли все народы, языком богов; — и другой, простой, не ищущий слишком живых образов, картинности выражения, ни согласных сочетаний в звуках, предающий<ся> естественному ходу мыслей своих в самом покойном расположении духа, в каком способен находиться всякий, — род прозаический. Он всем доступный, хотя между тем может неприметно возвыситься до поэтического состояния и гармонии, по мере, как доведется к такому растроганному настроению душевному, до которого также может достигнуть всякий человек в душевные, истинные минуты.

Всем почти доступный

Он всем доступный, хотя между тем может неприметно возвыситься до поэтического состояния и гармонии, по мере, как доведется к такому растроганному настроению душевному, до которого также может достигнуть всякий человек в душевные, истинные минуты.

могущий непринужденно

Само собою разумеется; что как в том роде, так и в этом есть тысячи оттенков и ступеней, высших и низших, из которых одни даются<я>

в удел только необыкновенным гениям, другие — счастливым талантам и наконец третьи — почти всем сколько-нибудь способным людям.

тысячи ступеней

Но тем не менее они составляют два отдельные рода человеческой речи.

В рукописи ошибочно: она

При виде красоты возбуждается в человеке чувство хвалить ее, песнословить и петь.

От прикосновенья к красоте

Хвалить такими словами, чтобы и другой почувствовал красоту им восхваляемого.

ее

Поэт только тот, кто более других способен чувствовать красоту творения.

Потому поэт есть

Потребность поделиться своими чувствами воспламеняет его и превращает в поэта.

После “превращает в поэта” было: В минуту же такого превращения она освящает и очищает самую душу, потому что самое желание заставить и других восчувствовать красоту божьего творения есть уже желание высокое, воспаряюще<е> его и дающее [ему] силу.

Два главные образа его действования <я> речи

Двумя путями передает он другим ощущения: или от себя самого лично, — тогда поэзия его лирическая; или выводит других людей и заставляет их действовать в живых примерах, — тогда поэзия его драматическая и повествующая.

И двумя

Двумя путями передает он другим ощущения: или от себя самого лично, — тогда поэзия его лирическая; или выводит других людей и заставляет их действовать в живых примерах, — тогда поэзия его драматическая и повествующая.

После “в живых примерах” было: Отсюда и два рода поэзии — или лирическая, или драматическая и описательная

Двумя путями передает он другим ощущения: или от себя самого лично, — тогда поэзия его лирическая; или выводит других людей и заставляет их действовать в живых примерах, — тогда поэзия его драматическая и повествующая.

После “повествующая” было начато: и драм<атическая>

Третий род — так называемый описательный, или дидактический, может входить равно в оба рода, но не есть сам по себе путь, которым передает свои впечатления поэт.

сама по себе; после “сама по себе” было: одним

Поэзия лирическая есть портрет, отражение и зеркало собственных высших движений души поэта, его самонужнейшие заметки, биография его восторгновений.

После “портрет” было: самого поэта — есть отражение его собственных чувств и его собственных движений души, в ней портрет, отражение и зеркало ее природы, отражающее природу его самого

Поэзия лирическая есть портрет, отражение и зеркало собственных высших движений души поэта, его самонужнейшие заметки, биография его восторгновений.

После “зеркало” было: в ней

Поэзия лирическая есть портрет, отражение и зеркало собственных высших движений души поэта, его самонужнейшие заметки, биография его восторгновений.

После “поэта” было: она есть

Поэзия лирическая есть портрет, отражение и зеркало собственных высших движений души поэта, его самонужнейшие заметки, биография его восторгновений.

собственные

Поэзия лирическая есть портрет, отражение и зеркало собственных высших движений души поэта, его самонужнейшие заметки, биография его восторгновений.

его биография

Она есть, начиная от самых высших до самых низших ее родов, ничто иное, как отчет ощущений самого поэта.

От самых высших ~ она есть ничто иное

Гремит ли он в оде, поет ли в песне, жалуется ли в элегии, или же повествует в балладе, повсюду высказывает личные тайны собственной души поэта.

она повеству<ет>

Ложь в лирической поэзии опасна, ибо обличит себя вдруг надутостью: тот, кто имеет чутье поэта, в миг ее услышит и называет лжецом надевшего маску поэта.

всякая ложь в ней опасна

Ложь в лирической поэзии опасна, ибо об-

личит себя вдруг надутостью: тот, кто имеет чутье поэта, в миг ее услышит и называет лжецом надевшего маску поэта.

После “опасна” было: как везде

Ложь в лирической поэзии опасна, ибо обличит себя вдруг надутостью: тот, кто имеет чутье поэта, в миг ее услышит и называет лжецом надевшего маску поэта.

а. и тот

б. до того

Она обширна и объемлет собою всю внутреннюю биографию человека, начиная от его высоких движений, в оде, и до почти прозаических и чувственных в мелком антологическом стихотворении, в котором он желает отыскать сторону поэтическую.

поэта

Она обширна и объемлет собою всю внутреннюю биографию человека, начиная от его высоких движений, в оде, и до почти прозаических и чувственных в мелком антологическом стихотворении, в котором он желает отыскать сторону поэтическую.

движений, возвещающих в нем небесное происхождение в оде и до самых [обыкновен-

ных, и чувственн<ых>] обыкновенных обличающих его чувственное происхождение в песне или в мелком антологическом сочинении [С работой над этим местом, очевидно, связана и помещенная на обороте предыдущего листа фраза: мечтает ли, или как бы сквозь сон, в мелких антологических стихотворения<х>]

Ее предметом может послужить только одно высокое: ибо одно высокое может, только внушить душе то лирическое, торжественно<е> настроение души, какое для нее нужно и без какого не произвесть оды поэту, как бы велик он ни был.

После “внушить душе то” былс: возвыше<нное>

Ее предметом может послужить только одно высокое: ибо одно высокое может, только внушить душе то лирическое, торжественно<е> настроение души, какое для нее нужно и без какого не произвесть оды поэту, как бы велик он ни был.

а. без которого она невозможна

б. без которого невозможно поэту, как бы велик он ни был, написать оды

Посему и предмет од или сам источник
всего — бог или то, что слишком близко высо-
тою чувств своих к божественному.

После “Посему” было: лучшие

Посему и предмет од или сам источник
всего — бог или то, что слишком близко высо-
тою чувств своих к божественному.

После “близко” было: к нему

Нужно слишком быть проникнуту святы-
ней предмета, нужно долго носить в себе са-
мом высокий предмет, сродниться с ним,
облагоухать<ся> им самому, — дабы быть в
силах произвести оду.

После “проникнуту” было: предметом свое-
го во<сторга?>

Нужно слишком быть проникнуту святы-
ней предмета, нужно долго носить в себе са-
мом высокий предмет, сродниться с ним,
облагоухать<ся> им самому, — дабы быть в
силах произвести оду.

После “носить” было начато: ег<о> нужно

Нужно слишком быть проникнуту святы-
ней предмета, нужно долго носить в себе са-
мом высокий предмет, сродниться с ним,
облагоухать<ся> им самому, — дабы быть в

силах произвести оду.

предметом

Она не летит вверх, как гимн, но как бы пребывает вся на равной высоте, паря, а не улета.

Она вся на равной высоте, не летит вверх как гимн

Гимн не имеет тех качеств.

После “не имеет” было: того порядка и

Он беспорядочен, как самые сильно возбужденные в нас чувства, которые стремятся только поскорей выразиться, не думая о том, откуда и с чего приличнее начать: и начинается он и оканчивается, где ему вздумается, имея во жатаем одно вдохновение, которое внушило поэту на ту пору обнявшее его чувство.

беспорядочней оды. Може<t>

Он беспорядочен, как самые сильно возбужденные в нас чувства, которые стремятся только поскорей выразиться, не думая о том, откуда и с чего приличнее начать: и начинается он и оканчивается, где ему вздумается, имея во жатаем одно вдохновение, которое внушило поэту на ту пору обнявшее его чув-

СТВО.

После “самые” было: чувства

Он беспорядочен, как самые сильно возбужденные в нас чувства, которые стремятся только поскорей выразиться, не думая о том, откуда и с чего приличнее начать: и начинается он и оканчивается, где ему вздумается, имея вожатаем одно вдохновение, которое внушило поэту на ту пору обнявшее его чувство.

с чего бы начать

Он беспорядочен, как самые сильно возбужденные в нас чувства, которые стремятся только поскорей выразиться, не думая о том, откуда и с чего приличнее начать: и начинается он и оканчивается, где ему вздумается, имея вожатаем одно вдохновение, которое внушило поэту на ту пору обнявшее его чувство.

и начинает он и оканчивает

Он редко сдерживает себя границами размеренных строф, но льется бесстрофно, быстро, как ручьи возбужденных чувств, и прекращается вдруг, неожиданно, быстро.

Он не определяет себе

Поэтому это излишнее благодарения душевного чаще всего его предмет, или же восхваление того, что возбудило в нем такое чувство.

После “это” было: он есть

Есть еще род лирических стихотворений, которые составляют средину между одой и гимном: толь<ко> приобретают некоторый порядок размеренные строфы и некоторое спокойствие, хотя не имеют еще той великой полноты и просторной рамы, какая принадлежит оде.

Есть средина

Есть еще род лирических стихотворений, которые составляют средину между одой и гимном: толь<ко> приобретают некоторый порядок размеренные строфы и некоторое спокойствие, хотя не имеют еще той великой полноты и просторной рамы, какая принадлежит оде.

и размеренное число стрóf

Есть еще род лирических стихотворений, которые составляют средину между одой и гимном: толь<ко> приобретают некоторый порядок размеренные строфы и некоторое

спокойствие, хотя не имеют еще той великой полноты и просторной рамы, какая принадлежит оде.

принадлежат

Наконец есть еще род, уступающий всем трем в полноте, который можно назвать лирическими воззваниями, которые заключают в себе как бы один только клич, вопль, возглас, приглашение или крик, возбуждающий к чему-либо других.

менее уступающий

Песня составляет самый богатейший отдел поэзии у народов славянских.

у всех народов

Песня составляет самый богатейший отдел поэзии у народов славянских.

После “славянских” было: мелодическое

Преобладание поэтического элемента в глубине славянской души и особенное мелодическое расположение нашего языка были причиною происхождения бесчисленного множества песен в нашей словесности, которые уже и вдревле, когда слова не записывались и словесность, не переходя в письменность, оставалась в буквальном смысле сло-

весностью, составляли наше достояние.

глубоко поэтического элемента

Преобладание поэтического элемента в глубине славянской души и особенное мелодическое расположение нашего языка были причиною происхождения бесчисленного множества песен в нашей словесности, которые уже и вдревле, когда слова не записывались и словесность, не переходя в письменность, оставалась в буквальном смысле словесностью, составляли наше достояние.

После “вдревле” было: составля<ли>

Впоследствии, когда более и более наши поэты стали входить в развитие собственного поэтического духа, песня явилась как необходимое выражение всех тех впечатлений, которые обнимали душу самого поэта, пробуждали в нем лирическое чувство.

выражение [обни<мавших>] всех впечатлений, обнимавших когда-либо душу

Она сделалась как бы историей поэтических ощущений поэта, которые слишком нежны для оды и не восходят до той превыспренно<сти>, но зато ощущаются гораздо чаще, нежели те, которые служат предметом

Оды.

слишком были нежны

Она сделалась как бы историей поэтических ощущений поэта, которые слишком нежны для оды и не восходят до той превыспренно<сти>, но зато ощущаются гораздо чаще, нежели те, которые служат предметом оды.

После “ощущаются” было: часто

А потому редкий из наших поэтов не оставил прекрасных образцов, не говоря уже о Пушкине, который является как царь в средин<е> этой области и которого всякое лирическое сочинение, как только появлялось в свет, в тот же миг перекладывалось на музыку и распевалось от необыкновенного обилия мелодии в звуках.

В рукописи ошибочно: у Пушкина

А потому редкий из наших поэтов не оставил прекрасных образцов, не говоря уже о Пушкине, который является как царь в средин<е> этой области и которого всякое лирическое сочинение, как только появлялось в свет, в тот же миг перекладывалось на музыку и распевалось от необыкновенного обилия

мелодии в звуках.

После “всякое” было: стихотвор<ение>

А потому редкий из наших поэтов не оставил прекрасных образцов, не говоря уже о Пушкине, который является как царь в средин<е> этой области и которого всякое лирическое сочинение, как только появлялось в свет, в тот же миг перекладывалось на музыку и распевалось от необыкновенного обилия мелодии в звуках.

После “распевалось” было: по

Жуковский, Батюшков, Капнист, Нелединский-Мелецкий, Языков, Козлов, Баратынский, Туманский, Лермонтов подарили поэзию нашу множеством самых мелодических песен.

Песни Жуковского, Батюшкова, Капниста, Нелединского-Мелецкого, Языкова, Козлова, Баратынского, Туманского, Лермонтова созда<ли?>

Жуковский, Батюшков, Капнист, Нелединский-Мелецкий, Языков, Козлов, Баратынский, Туманский, Лермонтов подарили поэзию нашу множеством самых мелодических песен.

После “множеством” было: разны<x>
песн<...>

Песня обнимает всё: все чувства и ощущения жизни, и потому может делиться на множество разных родов; может изображать уединен<ие>, внутренние движения и поэтические мечты поэта, может выражать страсть и любовь, может быть застольной, и выражать веселье души и грусть; может изображать картину или состояние другого, как в романсе, переходя от дифирамба до тихой элегической задумчивости.

После “веселье души и грусть” было: Ее строфы короче гораздо строфы оды. Она не может быть длинна. Строфы длинные, тяжеловесные ей не приличны, чрез это песнь не была бы так удобна для пенья и вообще вся она не может быть длинна

Песня обнимает всё: все чувства и ощущения жизни, и потому может делиться на множество разных родов; может изображать уединен<ие>, внутренние движения и поэтические мечты поэта, может выражать страсть и любовь, может быть застольной, и выражать веселье души и грусть; может изобра-

жать картину или состояние другого, как в романсе, переходя от дифирамба до тихой элегической задумчивости.

элегического чувства

Словом, всё что ни приводит к настроен<ному> состоянию дух, есть уже ее предмет, хотя это не есть та величаявая, высокая восторженность, как в оде, возвышенная уже самым величием взятого предмета.

Всё, ч<то>

Словом, всё что ни приводит к настроен<ному> состоянию дух, есть уже ее предмет, хотя это не есть та величаявая, высокая восторженность, как в оде, возвышенная уже самым величием взятого предмета.

[Само] В самом названии этого рода лирических сочинений раскрывается значение их. Они пишутся для того, чтобы сопровождать музыкою и голосом

В песне восторг как бы утишенный, — это ликование духа уже после самого дела, или случившего<ся> велик<ого> восторг<а>, празднество во время отдыха.

Это состояние души тоже восторженное, хотя не так возвышенно, как в оде, потому

что кроме того, <что> предмет не так возвышен, песня есть какое-то отдохновенное ликование духа

В песне восторг как бы утишенный, — это ликование духа уже после самого дела, или случившегося великого восторга, празднество во время отдыха.

души

В песне восторг как бы утишенный, — это ликование духа уже после самого дела, или случившегося великого восторга, празднество во время отдыха.

или ощущения, произведенного великим восторгом

Как бы позабыв самый предмет своей радости, поющий хочет потеряться в гармонических звуках.

в своих звуках

Она никак тоже не должна быть и длинна, потому что и впечатленья все быстры.

Вообще она

Она никак тоже не должна быть и длинна, потому что и впечатленья все быстры.

не может быть длинна

Сочиняющий песню должен как бы слы-

шать в то же время ее внутреннюю музыку, дающую тайный размер и стихам и строфам.

Грусть выливается также песнью, и также обыкновенно гораздо после случившегося события, и также находит отраду в самих звуках, в повторения и возвращении к тому же, как бы нежась мелодией самой грусти

Лучшие песни сочинялись в самую минуту пляски, пиршества и вызывались ударом смычка, свистом волынки, звоном стаканов, мерным ударом стоп.

самые песни

Лучшие песни сочинялись в самую минуту пляски, пиршества и вызывались ударом смычка, свистом волынки, звоном стаканов, мерным ударом стоп.

После “минуту” было: когда пелись

От этого они получают то невыразимо-мелодическое свойство звуков, составляющее такую прелесть в песнях народных.

После “в песнях народных” было:

а. Начато: Романс отличается от песни тем

б. Начато: От песни несколько отличается романс уж потому, что он так

в. От песни несколько отличается романс.

Он соединенными голосами многих нес<е>т также дружное ликование [многих] обществ<ва?>, но принадлежит одному, заключает свойство как бы элегическое, более утонченное

Самые поэтические мечты и нежные внутренние изгибы души своей тогда выражались хорошо и были достойны песни, когда они не мечтались в его воображении, а как бы пелись в самой душе поэта.

В самых даже

Самые поэтические мечты и нежные внутренние изгибы души своей тогда выражались хорошо и были достойны песни, когда они не мечтались в его воображении, а как бы пелись в самой душе поэта.

После “нежные” было: изгибы

Самые поэтические мечты и нежные внутренние изгибы души своей тогда выражались хорошо и были достойны песни, когда они не мечтались в его воображении, а как бы пелись в самой душе поэта.

После “как бы” было: тихое

Элегия есть как бы покоенное изложение чувств, постоянно в нас пребывающих, не тех

великих и сильных, которые пробуждаются в нас мгновенно при воззрении на предметы великие, не тех, которые, подобно святыне, сохранно пребывая в глубине души, стремят на великие подвиги человека, — но тихих, более ежедневных, более дружных с обыкновенным состоянием человека.

живут

Элегия есть как бы покоевое изложение чувств, постоянно в нас пребывающих, не тех великих и сильных, которые пробуждаются в нас мгновенно при воззрении на предметы великие, не тех, которые, подобно святыне, сохранно пребывая в глубине души, стремят на великие подвиги человека, — но тихих, более ежедневных, более дружных с обыкновенным состоянием человека.

не чувств тех также, которые содержатся в душе как великая святыня и

Это сердечная история — то же, что дружеское откровенное письмо, в котором выказываются сами собою излучины и состояния внутренние души.

После “выказываются” было: как бы

Ее бы можно было назвать дидак-

тич<еским> и описательным сочинением, если бы она не была изливанием умягченного и слишком нежного состояния души, подвинутого на тихую исповедь, которая не может излиться без душевно<й> лирической теплоты.

Элегия почти дидактическое и описательное сочинение, но потому только не переходит в дидактическое, а остается в области лирической, что описывает слишком близкое душе своей, что никак не может описываться.

Что взывает как бы громом гремящего оркестра в оде, поется в песне, — в ней произносится речитативом.

а. возглашается криком

б. взывает как бы и восклицает

Подобно сердечному письму, <она> может быть и коротка и длинна, скупа на слова и неистоцимо говорлива, может обнимать один предмет и множество предметов, по мере того, как близки эти предметы ее сердцу.

Она как сердечное письмо может быть и коротка и длинна и описывает

Подобно сердечному письму, <она> может быть и коротка и длинна, скупа на слова и неистоцимо говорлива, может обнимать

один предмет и множество предметов, по мере того, как близки эти предметы ее сердцу.

После “скупа на слова” было: сжата

Подобно сердечному письму, <она> может быть и коротка и длинна, скупа на слова и неистоцимо говорлива, может обнимать один предмет и множество предметов, по мере того, как близки эти предметы ее сердцу.

и может

Она не есть баллада, которой содержанием избирают<ся> таинственные поэтические предания, неясные, шевелящие и пугающие воображение явления.

После “избирают<ся>” было: предметы

Ее предмет — происшествие истинно историческое, действительно бывшее, или же предание, так живо хранящееся в народе, что сама история внесла его в свои страницы.

После “историческое” было: происшеств<ие>

Ее предмет — происшествие истинно историческое, действительно бывшее, или же предание, так живо хранящееся в народе, что сама история внесла его в свои страницы.

сохранившееся

Этот род можно бы скорее причислить к сочинениям повествовательно-драматическим, если бы думы не распевались, подобно песням, нашими старцами слепцами, хотя и речитативом, и если бы не писались мерными строфами, среди которых многие есть отзывные и повторяющие, дающие гармоническое округление пиесе — свойство, составляющее неизъяснимую прелесть песни.

Их бы

Этот род можно бы скорее причислить к сочинениям повествовательно-драматическим, если бы думы не распевались, подобно песням, нашими старцами слепцами, хотя и речитативом, и если бы не писались мерными строфами, среди которых многие есть отзывные и повторяющие, дающие гармоническое округление пиесе — свойство, составляющее неизъяснимую прелесть песни.

пелись

Этот род можно бы скорее причислить к сочинениям повествовательно-драматическим, если бы думы не распевались, подобно песням, нашими старцами слепцами, хотя и речитативом, и если бы не писались мерными

ми строфами, среди которых многие есть отзывные и повторяющие, дающие гармоническое округление пьесе — свойство, составляющее неизъяснимую прелесть песни.

как песни

Поэзия повествовательная, в противоположность лирической, есть живое изображение красоты предметов, движения мыслей и чувств вне самого себя, отдельно от своей личности, до такой степени, что чем более автор умеет отделиться от самого себя и скрыться самому за лицами, им выведенными, тем больше успевает он и становится сильней и живей в этой поэзии; чем меньше умеет скрыться и воздержаться от вмешиванья своей собственности, тем более недостатков в его творении, тем он бессильней и вялее в своих представлениях.

После “Поэзия” было: есть

Поэзия повествовательная, в противоположность лирической, есть живое изображение красоты предметов, движения мыслей и чувств вне самого себя, отдельно от своей личности, до такой степени, что чем более автор умеет отделиться от самого себя и скрыть-

ся самому за лицами, им выведенными, тем больше успевает он и становится сильней и живей в этой поэзии; чем меньше умеет скрыться и воздержаться от вмешиванья своей собственности, тем более недостатков в его творении, тем он бессильней и вялее в своих представлениях.

После “есть” было: они

Поэзия повествовательная, в противоположность лирической, есть живое изображение красоты предметов, движения мыслей и чувств вне самого себя, отдельно от своей личности, до такой степени, что чем более автор умеет отделиться от самого себя и скрыться самому за лицами, им выведенными, тем больше успевает он и становится сильней и живей в этой поэзии; чем меньше умеет скрыться и воздержаться от вмешиванья своей собственности, тем более недостатков в его творении, тем он бессильней и вялее в своих представлениях.

После “изображение” было: красотою же вне

Значительность поэзии повествовательной или драматической увеличивается по ме-

ре того, когда поэт стремится доказать какую-нибудь мысль и, чтобы развить эту мысль, призывает в действие живые лица, из которых каждое своей правдивостью и верным сколком с природы увлекает внимание читателя и, разыгрыва^{<я>} роль свою, ему данную автором, служит к доказательству его мысли.

Поэт имеет доказать какую-нибудь мысль и приводит к тому всё действие изображаемых им лиц и в действиях живых лиц, нарочно им для того призванных, которые все

Тогда сочинение живое, драматическое, кипящее пред очами всех становится с тем вместе в высшей степени дидактическое и есть верх творчества, доступного одним только великим гениям.

После “драматическое” было: “и”

Значительность поэзии драматической или повестов^{<ательной>} уменьшается по мере того, как автор теряет из виду значительную и сильную мысль, подвигающую его на творчество, и есть простой списыватель сцен, перед ним происходящих, не приводя их в доказательство чего-нибудь такого, что

нужно сказать свету.

После “мысль” было: для которой

Значительность поэзии драматической или повестов<ательной> уменьшается по мере того, как автор теряет из виду значительную и сильную мысль, подвигающую его на творчество, и есть простой списыватель сцен, перед ним происходящих, не приводя их в доказательство чего-нибудь такого, что нужно сказать свету.

того

Тогда значительность самого происшествия им управляет, и он получает только от него свою значительность, хотя она и не в нем, но в происшествии, а достоинство его в чутье и уменье выбрать происшествие.

После “Тогда” было: живость, достоинство и

Тогда значительность самого происшествия им управляет, и он получает только от него свою значительность, хотя она и не в нем, но в происшествии, а достоинство его в чутье и уменье выбрать происшествие.

После “значительность” было: которая не

Тогда значительность самого происше-

ствия им управляет, и он получает только от него свою значительность, хотя она и не в нем, но в происшествии, а достоинство его в чутье и умение выбрать происшествие.

а его достоинство только

Она избирает в героя всегда лицо значительное, которое было в связях, в отношениях и в соприкосновении со множеством людей, событий и явлений, вокруг которого необходимо должен созидаться весь век его и время, в которое он жил.

слишком значительное

Она избирает в героя всегда лицо значительное, которое было в связях, в отношениях и в соприкосновении со множеством людей, событий и явлений, вокруг которого необходимо должен созидаться весь век его и время, в которое он жил.

После “значительное” было: в героя

Эпопея объемлет не некоторые черты, но всю эпоху времени, среди которого действовал герой с образом мыслей, верований и даже познаний, какие сделало в то время человечество.

Эпопея объемлет всю эпоху не так как ро-

ман некоторые черты того времени, но всю эпоху того времени

Весь мир на великое пространство освещается вокруг самого героя, и не одни частные лица, но весь народ, а и часто и многие народы, совокупясь в эпопею, оживают на миг и восстают точно в таком виде перед читателем, в каком представляет только намеки и догадки история.

После “на миг и” было начато: оста<ются?>

Весь мир на великое пространство освещается вокруг самого героя, и не одни частные лица, но весь народ, а и часто и многие народы, совокупясь в эпопею, оживают на миг и восстают точно в таком виде перед читателем, в каком представляет только намеки и догадки история.

После “виде” было: в каком

Поэтому-то эпопея есть создание всемирное, принадлежащее всем народам и векам, долговечнейшее, не стареющееся и вечно живое, и потому вечно повторяющееся в устах.

творение

Поэтому-то эпопея есть создание всемирное, принадлежащее всем народам и векам,

долговечнейшее, не стареющееся и вечно живое, и потому вечно повторяющееся в устах.

вечно живущее

Посему явления эти слишком редки в мире и, кроме одного Гомера, то есть кроме двух эпоей Илиады и Одиссеи, вряд ли есть другие, вполне вмещающие в себе ту полноту, видимость и многосторо<нность>, какой требует эпопея.

После “двух” было: его

Посему явления эти слишком редки в мире и, кроме одного Гомера, то есть кроме двух эпоей Илиады и Одиссеи, вряд ли есть другие, вполне вмещающие в себе ту полноту, видимость и многосторо<нность>, какой требует эпопея.

соответствую<щие>

Сравнив с Гомером всех других эпиков, видим только, как входят они в частности, и, несмотря даже на явное желание захватить и объять много, стесняют пределы свое<го> значень<я>, всемирное уходит у них из вида, и эпопея превращается даже в явление частное.

пределы и значенье

Сравнив с Гомером всех других эпиков, ви-

дим только, как входят они в частности, и, несмотря даже на явное желание захватить и объять много, стесняют пределы свое<го> значень<я>, всемирное уходит у них из вида, и эпопея превращается даже в явление частное.

После “вида” было: обращая их эпопею

С тем вместе пропадает и та величаявая безыскусственная простота, которая является у великого патриарха всех поэтов так, что весь погаснувший древний мир является у него в том же сиянии, освещенный тем же солнцем, как бы не погасал вовсе, дабы сохраниться навеки живым в памяти всего человечества.

После “поэтов” было начато: Он <?>

С тем вместе пропадает и та величаявая безыскусственная простота, которая является у великого патриарха всех поэтов так, что весь погаснувший древний мир является у него в том же сиянии, освещенный тем же солнцем, как бы не погасал вовсе, дабы сохраниться навеки живым в памяти всего человечества.

После “так” было: как

С тем вместе пропадает и та величаявая

безыскусственная простота, которая является у великого патриарха всех поэтов так, что весь погаснувший древний мир является у него в том же сиянии, освещенный тем же солнцем, как бы не погасал вовсе, дабы сохраниться навеки живым в памяти всего человечества.

сияет у него тем же светом и

С тем вместе пропадает и та величавая безыскусственная простота, которая является у великого патриарха всех поэтов так, что весь погаснувший древний мир является у него в том же сиянии, освещенный тем же солнцем, как бы не погасал вовсе, дабы сохраниться навеки живым в памяти всего человечества.

После “всего человечества” было: Это всемирное нет ни в одной из новейших эпопей, исключая может быть только одного Данта, у которого она является [но слишком] отчасти условленная [ограниченностью] врем^{енем} и личным взглядом самого поэта

В новые веки произошел род повествовательных сочинений, составляющих как бы средину между романом и эпопеей, героем

которого бывает хотя частное и невидное лицо, но однако же значительное во многих отношениях для наблюдателя души человеческой.

предметом

В новые веки произошел род повествовательных сочинений, составляющих как бы средину между романом и эпопеей, героем которого бывает хотя частное и невидное лицо, но однако же значительное во многих отношениях для наблюдателя души человеческой.

иногда даже не сов<сем...>

В новые веки произошел род повествовательных сочинений, составляющих как бы средину между романом и эпопеей, героем которого бывает хотя частное и невидное лицо, но однако же значительное во многих отношениях для наблюдателя души человеческой.

а. значительное лицо

б. значительное в некотор<ых> отношениях

Автор ведет его жизнь сквозь цепь приключений и перемен, дабы представить с тем

вместе вживе верную картину всего значительного в чертах и нравах взятого им времени, ту земную, почти статистически схваченную картину недостатков, злоупотреблений, пороков и всего, что заметил он во взятой эпохе и времени достойного привлечь взгляд всякого наблюдательного современника, ищущего в былом, прошедшем живых уроков для настоящего.

изобразить

Автор ведет его жизнь сквозь цепь приключений и перемен, дабы представить с тем вместе вживе верную картину всего значительного в чертах и нравах взятого им времени, ту земную, почти статистически схваченную картину недостатков, злоупотреблений, пороков и всего, что заметил он во взятой эпохе и времени достойного привлечь взгляд всякого наблюдательного современника, ищущего в былом, прошедшем живых уроков для настоящего.

верную картину развития человеческого

Автор ведет его жизнь сквозь цепь приключений и перемен, дабы представить с тем вместе вживе верную картину всего значи-

тельного в чертах и нравах взятого им времени, ту земную, почти статистически схваченную картину недостатков, злоупотреблений, пороков и всего, что заметил он во взятой эпохе и времени достойного привлечь взгляд всякого наблюдательного современника, ищущего в былом, прошедшем живых уроков для настоящего.

После “всякого” было: человека

Автор ведет его жизнь сквозь цепь приключений и перемен, дабы представить с тем вместе вживе верную картину всего значительного в чертах и нравах взятого им времени, ту земную, почти статистически схваченную картину недостатков, злоупотреблений, пороков и всего, что заметил он во взятой эпохе и времени достойного привлечь взгляд всякого наблюдательного современника, ищущего в былом, прошедшем живых уроков для настоящего.

человека

Многие из них хотя писаны и в прозе, но тем не менее могут быть причислены к созданиям поэтическим.

После “поэтическим” было: Как напри-

ме<р> Сервантесов Дон Кишот, отчасти романы Фильдинга и наконец множество других. [Ил<и>?] Берет или почти топографичес<кое> изображение жизни

Всемирности нет, но есть и бывает полный эпический объем замечательных частных явлений, по мере того как поэт облакает в стихи.

После “объем” было: довольно

Всемирности нет, но есть и бывает полный эпический объем замечательных частных явлений, по мере того как поэт облакает в стихи.

После “по мере того как” было: они поэтически

Всемирности нет, но есть и бывает полный эпический объем замечательных частных явлений, по мере того как поэт облакает в стихи.

После “поэт” было: становится и в образе поэт

Всемирности нет, но есть и бывает полный эпический объем замечательных частных явлений, по мере того как поэт облакает в стихи.

После “в стихи” было: и когда переходит в слишком обыкновенную жизнь

Пастухи его препираются друг с другом в песнопении, и песнопенья так возвышенны, что приемлют вид од, гимнов, ничуть не уступая в возвышенности одам Горация, так что вследствие сего произвольно взятое имя эклога стало выражать в наших понятиях^х соствязание двух или многих между собою в песнопении или восхвалении чего-либо.

с этих пор

Словом, как бы это было лирическое произведение, но облеченное в драматическую форму.

Перед “Словом” было начато: Лица беру^{тся}

Словом, как бы это было лирическое произведение, но облеченное в драматическую форму.

После “лирическое” было: или же просто

Они рисуют друг другу, начертывают один другому картину того, чего не захотел поэт сказать от своих собственн^{ых} ^{<уст>}.

После “Они” было: повест^{вуют}

Они не свои выражают страсти, не сами

действуют, но повествуют о событиях других и восхваляют вне их находящиеся предметы, иногда даже вовсе выходящие из их быта.

но повествуют

Они не свои выражают страсти, не сами действуют, но повествуют о событиях других и восхваляют вне их находящиеся предметы, иногда даже вовсе выходящие из их быта.

и как бы

Наконец эклогами можно назвать все те картинно-лирические стихотворения, которые с недавнего времени введены нашими поэтами, которые имеют наружный вид препираний, разговоров и споров между предметами неодушевленными, но которых, однако же, поэт одушевляет и заставляет их рассказывать друг другу в картинном виде событие, служащее к проявлению той мысли, которая занимала самого поэта.

После “с недавнего времени” было: начали упот<ребляться?>

Наконец эклогами можно назвать все те картинно-лирические стихотворения, которые с недавнего времени введены нашими поэтами, которые имеют наружный вид пре-

пираций, разговоров и споров между предметами неодушевленными, но которых, однако же, поэт одушевляет и заставляет их рассказывать друг другу в картинном виде событие, служащее к проявлению той мысли, которая занимала самого поэта.

имеющие вид споров, препиращий и разговоров

Таковы споры городов и рек, приемлющих на время вид одушевленных лиц, которые теперь весьма часто являются у наших поэтов.

которые как бы на

Хотя с мыслью об идиллии соединяют мысль о пастушеском и сельском быте, но пределы ее шире и могут обнимать быт многих людей, если только с таким бытом неразлучны простота и скромный удел жизни.

После “идиллии” было: всегда

Хотя с мыслью об идиллии соединяют мысль о пастушеском и сельском быте, но пределы ее шире и могут обнимать быт многих людей, если только с таким бытом неразлучны простота и скромный удел жизни.

соединяется

Хотя с мыслью об идиллии соединяют

мысль о пастушеском и сельском быте, но пределы ее шире и могут обнимать быт многих людей, если только с таким бытом неразлучны простота и скромный удел жизни.

когда

Хотя с мыслью об идиллии соединяют мысль о пастушеском и сельском быте, но пределы ее шире и могут обнимать быт многих людей, если только с таким бытом неразлучны простота и скромный удел жизни.

После “простота и” было: тихий

Она живописует до мельчайших подробностей этот быт, и как, по-видимому, ни мелка ее область, не содержа в себе ни высокого лирического настроения, ни драматического интереса, ни сильного потрясающего события, хотя, по-видимому, она не что иное, как всё первое попадающее на глаза наши из обыкновенной жизни, — но тот, однако ж, ошибется, кто примет ее в одном таком смысле.

Она хотя

Она живописует до мельчайших подробностей этот быт, и как, по-видимому, ни мелка ее область, не содержа в себе ни высокого лирического настроения, ни драматического ин-

тереса, ни сильного потрясающего события, хотя, по-видимому, она не что иное, как всё первое попадающее на глаза наши из обыкновенной жизни, — но тот, однако ж, ошибется, кто примет ее в одном таком смысле.

Перед “драматического” было: описания

Поэтому почти всегда управляла ею какая-нибудь внутренняя мысль, слишком близкая душе поэта, а быт и самую идиллию он употреблял как только удобнейшие формы.

Сверх

Идиллия Купальницы была написана по поводу понравившегося поэту эстампа, висевшего в его комнате.

прекрас<ного>

Идиллия не сказка и не повесть, хотя и содержит в себе что-то похож<ее> <на> происшествие, но живое представление тихого, мирного быта, сцена, не имеющая драматического движения.

После “представление” было: быта

Идиллия не сказка и не повесть, хотя и содержит в себе что-то похож<ее> <на> происшествие, но живое представление тихого,

мирного быта, сцена, не имеющая драматического движения.

сказочного

Ее можно назвать в истинном смысле картиною; по предметам, ею избираемым, всегда простым, — картиной фламандской.

Она есть

Ее можно назвать в истинном смысле картиною; по предметам, ею избираемым, всегда простым, — картиной фламандской.

а по ее предметам

Он заключает также в себе строго и умно обдуманную завязку.

После “умно” было начато: завяз<занную?>

Все лица, долженствующие действовать или, лучше, между которыми должно завязаться дело, должны быть взяты заранее автором; судьбою всякого из них озабочен автор и не может их пронести и передвигать быстро и во множестве, в виде пролетающих мимо явлений.

После “Все лица” было начато: взятые, до<лженствующие?>, межд<у?>

Все лица, долженствующие действовать или, лучше, между которыми должно завяз-

заться дело, должны быть взяты заранее автором; судьбою всякого из них озабочен автор и не может их пронести и передвигать быстро и во множестве, в виде пролетающих мимо явлений.

а. пронести всех мимо и передвигать быстро пролетающие мимо явления

б. пронести во множестве и передвигать быстро пролетающие мимо явления

Все лица, долженствующие действовать или, лучше, между которыми должно завязаться дело, должны быть взяты заранее автором; судьбою всякого из них озабочен автор и не может их пронести и передвигать быстро и во множестве, в виде пролетающих мимо явлений.

мимо пролетающих

Здесь, как в драме, допускается одно только слишком тесное соединение между собою лиц; всякие же дальние между ними отношения или же встречи такого рода, без которых можно бы обойтись, есть порок в романе, делает его растянутым и скучным.

После “лиц” было: дальние

Здесь, как в драме, допускается одно толь-

ко слишком тесное соединение между собою лиц; всякие же дальние между ними отношения или же встречи такого рода, без которых можно бы обойтись, есть порок в романе, делает его растянутым и скучным.

После “в романе” было начато: Обраща

Он летит, как драма, соединенный живым интересом самих лиц главного происшествия, в которое запутались действующие лица, и которое кипящим ходом заставляет самые действующие лица развивать и обнаруживать сильней и быстро свои характеры, увеличивая увлечение.

В рукописи ошибочно: Она

Он летит, как драма, соединенный ~ увлечение.

соединенный живым интересом [лиц] как лиц, так <и> главного происшествия, в которое они все запутались

Он летит, как драма, соединенный живым интересом самих лиц главного происшествия, в которое запутались действующие лица, и которое кипящим ходом заставляет самые действующие лица развивать и обнаруживать сильней и быстро свои характеры.

ры, увеличивая увлечение.

характеров

Он летит, как драма, соединенный живым интересом самих лиц главного происшествия, в которое запутались действующи^e лица, и которое кипящим ходом заставляет самые действующи^e лица развиваться и обнаруживать сильней и быстро свои характеры, увеличивая увлечение.

а. [свое] развивать себя более и более

б. развивать характеры и притом с быстротой

Он летит, как драма, соединенный живым интересом самих лиц главного происшествия, в которое запутались действующи^e лица, и которое кипящим ходом заставляет самые действующи^e лица развиваться и обнаруживать сильней и быстро свои характеры, увеличивая увлечение.

завлекая читателя

Потому всякое лицо требует окончательного поприща.

После “лицо” было: хотя и

Роман не берет всю жизнь, но замечательное происшествие в жизни, такое, которое за-

ставило обнаружиться в блестящем виде жизнь, несмотря на условленное пространство.

После “всю жизнь” было: как эпопея

Повесть избирает своим предметом случаи, действительно бывшие или могущие случиться со всяким человеком, — случай почему-нибудь замечательный в отношении психологическом, иногда даже вовсе без желания сказать нравоучение, но только остановить внимание мыслящего или наблюдателя.

После “нравоучение” было: или поучение

Повесть разнообразится чрезвычайно.

После “Повесть” было: может

Она может быть даже совершенно поэтической и получает название поэмы, если происшествие, случившееся само по себе, имеет что-то поэтическое; или же придано ему поэтическое выражение отдаленность времени, в которое происшествие случилось; или же сам поэт взял его с той поэтической стороны, с какой может взять только поэт и которая только пребывает в нем.

После “что-то поэтическое” было: похоже<е?> <на> кот<орое?>

Она может быть даже совершенно поэтической и получает название поэмы, если происшествие, случившееся само по себе, имеет что-то поэтическое; или же придано ему поэтическое выражение отдаленность<ю> времени, в которое происшествие случилось; или же сам поэт взял его с той поэтической стороны, с какой может взять только поэт и которая только пребывает в нем.

оно

Она может быть даже совершенно поэтической и получает название поэмы, если происшествие, случившееся само по себе, имеет что-то поэтическое; или же придано ему поэтическое выражение отдаленность<ю> времени, в которое происшествие случилось; или же сам поэт взял его с той поэтической стороны, с какой может взять только поэт и которая только пребывает в нем.

сам только

Так повесть Бахчисар<айский> фонтан есть уже поэма по тому теплому роскошному колориту, в который с начала до конца облек

ее всю поэт.

После “Бахчисар<айский> фонтан” было:
называет

Она может быть просто живой рассказ, мастерски и живо рассказанный картинный случай, каковы Жуковского Матте<о> Фальк<оне>, Языкова Сурмин.

После “Сурмин” было: Может быть даже Или же берет с сатирической стороны какой-нибудь случай, тогда делается значительным созданием, несмотря на мелочь взятого случая; таковы Модная жена <Дмитриева>, граф Нулин Пушкина, который сверх того имел значительное выражение, как живая картина.

После “картина” было: или же сам Иногда даже само происшествие не стоит внимания и берется только для того, чтобы выставить какую-нибудь отдельную картину, живую, характеристическую черту условного времени, места и нравов, а иногда и собственной фантазии поэта.

картину времени и нравов или же собственной фантазии и чувс<тва>

Сказка может быть созданием высоким,

когда служит аллегорической одеждою, облачающею высокую духовную истину, когда обнаруживает ощутительно и видимо даже простолюдину дело, доступное только мудрецу.

После “когда” было: рассказанным простым событием обнаруживает

Сказка может быть созданием высоким, когда служит аллегорической одеждою, облачающею высокую духовную истину, когда обнаруживает ощутительно и видимо даже простолюдину дело, доступное только мудрецу.

приемлет аллегорическую одежду

Сказка может быть созданием высоким, когда служит аллегорической одеждою, облачающею высокую духовную истину, когда обнаруживает ощутительно и видимо даже простолюдину дело, доступное только мудрецу.

и

Сказка может быть созданием не высоким по своему содержанию, но <в> высшей степени исполненное прелести поэтической, если поэт, взяв народный мотив, возлелеет ее вообра-

женьем своим и усвоит вполне себе и разовьет из <нее> поэму, как, например, Руслан и Людмила.

После “мотив”: умеет заметить

Наконец, сказка может быть созданием значительное, когда содержание создано всё по-этом, но в духе народном отгаданы дух и время, какова Лермонтова <Про> купца Калашникова, и, наконец, сказка может быть просто пересказ почти слово в слово народной сказки, — создание менее всего значительное, которое выигрывает только от того, когда поэт сумеет привести ее в лучший порядок, вычистить, удержав в ней то, что есть в ней ее характерное, и отстранив то, что <при>бавлено лишнего.

создана вся

Ученые рассуждения и трактаты должны быть коротки и ясны, отнюдь не многословны.

После “должны быть”: неопределенно

Нужно помнить, что наука для тех, которые еще не знают ее.

После “наука” было: и без того

Думая через это более раскрыть дело, бо-

лее темнят.

что через

Подражание Иову, Ломонос <ова>.

После “Подражание Иову, Ломонос<ова>” было: Осень во время осады Очакова, Держа<вина>

Все единомысленно видели в нем восстановление дому Романовых, который, кажется, ежеминутно готовился угаснуть за неимением наследников мужского пола.

После “Все” было: почти пророчески

Все услышали, что родился тот, который потом упрочил надолго и дом царский, подарив России мужественное и сильное царское поколение.

Все как бы услышали в нем появ<ление?>

Все услышали, что родился тот, который потом упрочил надолго и дом царский, подарив России мужественное и сильное царское поколение.

После “надолго” было: и сильно

На переход Альпийских гор, Держав <ина>.

На взятие Измаила

Благодарность Фелице, Державина.

Перед “Благодарность Фелице” было нача-

то: Клевет<никам России>

Зубову, Державина.

После “Зубову, Державина” было: Мой истукан, Державина

Ответ Рафаэля певцу Фелицы, Капниста.

После “Капниста” было: Памятник, Пушки<на>

Уже со тьмою ночи, Капниста.

Перед “Уже со тьмою ночи” было: Талисман, Пушкина

Телега жизни, Пушкина.

Перед “Телега жизни” было: Тройка

Ночь.

После “Ночь” было: Языкова

Ночь, Жуковского.

После “Ночь, Жуковского” было: Песнь Дельвига, Давыд

Делибаш, Пушкина.

После “Делибаш, Пушкина” было: Давыдова песня

Ночной зефир струит эфир, Пушкин<а>.

Перед “Ночной зефир” было начато: испанский

Мечта, Державина.

Перед “Мечта” было: Жуковского

Таинственный посетитель, Жуковского.

Перед “Таинственный посетитель” было: К
месяцу, Жуковского

Весеннее чувство, Жуковского.

Перед “Весеннее чувство” было начато:
Легкий, легкий ветер<ок>

Пушкина, Ненастный день потух.

Перед “Ненастный день потух” было: Эле-
гия

Я берег покидал туманный Альбиона, Ба-
тюшкова.

Перед “Я берег” было: Элегия

Купальницы, Дельвига.

Языко<ва>

О СОСЛОВИЯХ В ГОСУДАРСТВЕ

(Первоначальные варианты рукописи)
Наступило время, когда всякий более или менее чувствует, что правленье не есть вещь, которая сочиняется в голове некоторых, что она образуется нечувствительно, сама собой, из духа и свойств самого народа, из местности — земли, на которой живет народ, из истории самого народа, которая показывает человеку глубокомысленному, когда и в каких случаях успевал народ и действовал хорошо и умно, и требует — внимательно всё это обсудить и взвесить.

После “глубокомысленному” было: от свойства

Наступило время, когда всякий более или менее чувствует, что правленье не есть вещь, которая сочиняется в голове некоторых, что она образуется нечувствительно, сама собой, из духа и свойств самого народа, из местности — земли, на которой живет народ, из истории самого народа, которая показывает человеку глубокомысленному, когда и в каких случаях успевал народ и действовал хоро-

шо и умно, и требует — внимательно всё это обсудить и взвесить.

После “случаях” было начато: пост<упал>

Наступило время, когда всякий более или менее чувствует, что правление не есть вещь, которая сочиняется в голове некоторых, что она образуется нечувствительно, сама собой, из духа и свойств самого народа, из местности — земли, на которой живет народ, из истории самого народа, которая показыва<ет> человеку глубокомысленному, когда и в каких случаях успевал народ и действовал хорошо и умно, и требует — внимательно всё это обсудить и взвесить.

После “умно” было: и выводит из этого

История государства России начинается добровольным приглашением верховной власти.

открывается

“Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: придите княжить и владеть нами”, — слова эти были произне<сены> людьми вольных городов.

произносили люди

“Земля наша велика и обильна, а порядка

в ней нет: придите княжить и владеть нами”, — слова эти были произнесены людьми вольных городов.

После “вольных городов” было начато: стало быть, монарх а России утвржден?

Все сословия, дружно требуя защиты от самих себя, а не от соседних врагов, утвердили над собою высшую власть с тем, чтобы рассудить самих себя — потребность чисто понятная среди такого народа, в котором никто не хочет уступить один другому и где только в минуты величайшей опасности, когда приходится спасать родную землю, всё соединяется в один человек и делается одним телом.

нелицеприятно судить

Все сословия, дружно требуя защиты от самих себя, а не от соседних врагов, утвердили над собою высшую власть с тем, чтобы рассудить самих себя — потребность чисто понятная среди такого народа, в котором никто не хочет уступить один другому и где только в минуты величайшей опасности, когда приходится спасать родную землю, всё соединяется в один человек и делается одним телом.

чисто естественная

Все сословия, дружно требуя защиты от самих себя, а не от соседних врагов, утвердили над собою высшую власть с тем, чтобы рассудить самих себя — потребность чисто понятная среди такого народа, в котором никто не хочет уступить один другому и где только в минуты величайшей опасности, когда приходится спасать родную землю, всё соединяется в один человек и делается одним телом.

из среды которых

Итак, в самом начале, во время, когда не пробуждается еще потребность организации стройной, во время, когда легко ужиться с безнач<алием>, уже всё потребовало одного такого лица, которое, стоя выше всех, не будучи связано личною выгодою ни с каким сословием преимущественно, внимало бы всему равно и держало бы сторону каждого сословия в государстве.

После “начале” было: все признали

Итак, в самом начале, во время, когда не пробуждается еще потребность организации стройной, во время, когда легко ужиться с безнач<алием>, уже всё потребовало одного такого лица, которое, стоя выше всех, не бу-

дучи связано личною выгодою ни с каким со-
словием преимущественно, внимало бы все-
му равно и держало бы сторону каждого со-
словия в государстве.

а. во время, еще когда

б. во время, при нер<а>звितом

Итак, в самом начале, во время, когда не
пробуждается еще потребность организации
стройной, во время, когда легко ужиться с
безнач<алием>, уже всё потребовало одного
такого лица, которое, стоя выше всех, не бу-
дучи связано личною выгодою ни с каким со-
словием преимущественно, внимало бы все-
му равно и держало бы сторону каждого со-
словия в государстве.

выше их

Во всю историю нашу прошла эта потреб-
ность суда постороннего че<л>ове<ка>.

После “прошла эта” было: потребность тре-
тейской власти <1 нрзб.>

Если правление переходило сколько-ни-
будь в народное, это обнаруживалось совер-
шенною анархией и полным отсутствием вся-
кого правления: ни одного человека не быва-
ло согласн<ого>, всё спорило между собою.

демократическое

Стало быть, вопрос: где, в каких случаях следует допустить демократическое, народное участие и где, в каких случаях участие короны и правительствующего корпуса?

коронное и монархическое

Это — лицо, которое уже должно жить другою жизнью, нежели обыкновенный червь.

После “червь” было: Как мож<но>

Где особенно и в каких случаях полезна мирская сходка?

После “особенно” было: полезна

Поэтому кто не сообразив и наложит на каждого заплатить по рублю, будет несправедлив, но, сложивши сумму, какая должна выйти, если положить рубль на человека, — потребовать эту сумму со всего мира.

После “но” было: положи на каждую душу по рублю

Поэтому кто не сообразив и наложит на каждого заплатить по рублю, будет несправедлив, но, сложивши сумму, какая должна выйти, если положить рубль на человека, — потребовать эту сумму со всего мира.

сумма всех

Поэтому кто не сообразив и наложит на каждого заплатить по рублю, будет несправедлив, но, сложивши сумму, какая должна выйти, если положить рубль на человека, — потребовать эту сумму со всего мира.

После “какая” было: выйдет, принимая во
Верховный совет государства предполагается состоящим из лиц, знающих нужды своего государ<ства>, которые достигнули этого звания не одним письменным поприщем и повышением за выслугу лет, но имея по службе, на многих поприщах внутри государства, случай стоять лицом <к тому>, как там происходит внутри государства.

После “но” было: пребыва<нием> знанием личным

Правительство не имеет дела порознь [ни с кем] из со<словия>, но с целым сословием вместе.

не должно дела иметь ни с кем порознь с этим сословием

Сами они должны из себя избрать для того и чиновников, и блюстителей, и ускорителей, не требовать от правительства никакого для этого жалованья и не обременять этим слож-

ность государственного механизма.

После “ускорителей” было: Везде, где только

Но где дело касается до определения постановлений, там совещаются одни испытанные в делах государственные мужи, и определение уже непреложно, если скреплено рукой монарха.

выдачи

Сословия могут посылать своих депутатов, которые могут предъявлять справедливые причины упущения или необходим<ые> требования, но они принимаются только к соображению и усмотрению.

После “соображению” было: если они

Если они будут отвергнуты, сословие не имеет права на апелляцию.

После “отвергнуты” было: никто

Во всех других землях дворянство образовалось из пришельцев, из народов, захвативших земли туземцев и обративших народ силою в своих вассал<ов>.

из чужестранцев

Во всех других землях дворянство образовалось из пришельцев, из народов, захватив-

ших земли туземцев и обративших народ силою в своих вассал<ов>.

После “обративших” было: их в в<ассалов?>

Во всех других землях дворянство образовалось из пришельцев, из народов, захвативших земли туземцев и обративших народ силою в своих вассал<ов>.

После “дворянство” было: из

Большую часть заслуги пред царем, народом и всей землей русской возводили у нас в знатный род людей из всех решительно словий.

Перед “Большую часть” было: Засл<уги>

Большую часть заслуги пред царем, народом и всей землей русской возводили у нас в знатный род людей из всех решительно словий.

После “у нас” было: людей

Право над другими, если рассмотреть глубже, в основании, основано на разуме.

дано им вследствие <...>

В награду за доблести, за испытанную честную службу даются ему в управление крепостья<не>, даются ему, как просвещеннейше-

му, как ставшему выше пред другими, — в предположении, что такой человек, кто лучше других понял высокие чувства и назначение, может лучше править, чем какой-нибудь простой чиновник, выбираемый в заседатели, или капитан-исправники.

После “В награду” было: за достоинство личное

Вольно было помещикам, позабывши эту высокую обязанность, глядеть на крестьян, как на предмет только дохода для своей роскоши и увеселений.

После “Вольно было” было начато: самим позабыть

Итак, дворянству нашему досталась прекрасная участь заботиться о благосостоянии низших...

После “участь” было: быть

Итак, дворянству нашему досталась прекрасная участь заботиться о благосостоянии низших...

После “благосостоянии низших” было: Монарх поделился с ними своим попечением

Вот первое, что должно нача<ть> чувствовать это сословие с самого начала.

Вот главное

Они не должны попустить между собой присутствие такого помещика, который жесток или несправедлив: он делает им все пятно.

После “пятно” было: а потому

Они должны поступить так же, как в полку общество благородных офицеров поступает с тем, который обесчестит подлым поступком их общество, они приказывают ему выйти из круга, и он не осмеливается преступить этого, ничем уже не смягчаемого определе<ния>.

После “определе<ния>” было начато: Словом, совеща^{нь}е о том, как быть с крестьян<ами>, равно но

Дворянство должно быть сосудом и хранит<елем> высокого нравственного чувства всей нации, рыцарями чести и добра, которые должны сторожить сами за собою.

После “которые” было начато: дорож<ат?>

Состоя под управленьем помещика, они имеют тоже о чем совеща^{ть}ся.

После “тоже” было: свое

Установленный сбор, повинность, поло-

женную на каждого человека, помещик должен предоставить принесет<и?>

с дохода

Установленный сбор, повинность, положенную на каждого человека, помещик должен предоставить принесет<и?> миру, который сам должен и собрать и принес<ти>, потому что они лучше себя знают относительно всяких состояний, и помещику никогда не <...>

После “принесет<и?>” было: со всем миром

Полиция тогда только не будет брать взяток и грабить, когда сами граждане будут исполнять <...>

После “только” было: может

Лучшая полиция, по признанию всех, в Англии и то потому, что этим занимается город, выбирая для этого чиновн<ика> и платя ему жалованье от себя.

После “в Англии” было: потому

Правитель города должен требовать от магистрата, чтобы сдела<но> было так же точно; а магистрат уже сам рассмыслит, как это сделать так, чтобы тягость упала на все сословие.

После “на все сословие” было начато: Та-
ким образом